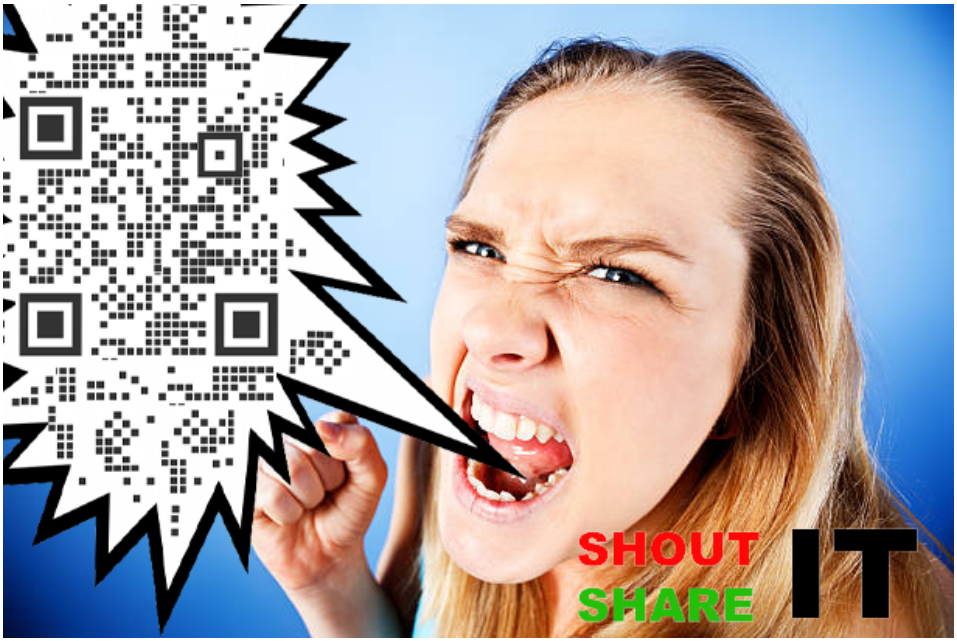
Гвардейская танковая

Василий Иванович Зайцев


SHOUT
SHARE
IT

- Зайцев Василий Иванович

Зайцев Василий Иванович Гвардейская танковая

Зайцев Василий Иванович
Гвардейская танковая

{1} Так обозначены ссылки на комментарии к персоналиям. Комментарии в конце текста книги.

Аннотация издательства: Генерал-майор Герой Советского Союза В. И. Зайцев рассказывает в этой книге о славных боевых делах 61-й гвардейской Свердловско-Львовской ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого танковой бригады, прошедшей с боями более двух тысяч километров от Орла до Берлина и Праги. Автор, служивший в 1943-1945 годах заместителем начальника штаба, затем начальником штаба и командиром бригады, с большой теплотой делится воспоминаниями о героических подвигах своих однополчан-уральцев.

С о д е р ж а н и е

Слово о нашем Василии Ивановиче (Вадим Очеретин)
От автора
Детище Урала
Боевое крещение
В боях на Правобережной Украине
Освобождение Львова
От Вислы до Одера
Сражения в Силезии
Свердловские танкисты штурмуют Берлин
На помощь восставшей Праге
Примечания

Слово о нашем Василии Ивановиче

У каждого старого солдата был свой генерал, о нем всегда есть что рассказать сынам и внукам. В наш танковый корпус при его формировании командование округа направило наилучших офицеров, имевшихся в его распоряжении, побывавших в боях на фронтах Великой Отечественной войны. Среди них был и Василий Иванович, назначенный помощником начальника штаба Свердловской танковой бригады, которая к концу войны стала называться Свердловско-Львовской гвардейской ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого танковой бригадой. Половина этих отличий на знамени бригады обретена в последний период сражений, уже тогда, когда В. И. Зайцев был комбригом.

Он не слыл у нас весельчаком и балагуром, или, что называется, "командиром - душа нараспашку", как иногда мы изображаем офицеров-танкистов в своих книгах о войне. Суровый и сосредоточенный, Василий Иванович всем своим предельно подтянутым и даже суховатым обликом являл собой безупречного офицера, непременно точного в речах и распоряжениях - все у него продумано до крайних мелочей, с глубоким знанием дела, техники и возможностей каждого подчиненного. Он никогда, казалось, не сердился, не бранился, никто не слышал от него ругательного слова.

Общение с товарищами - всегда уставное, но не казенное: тихая улыбка освещала его лицо, говорила о внутренней силе и доброте. И искреннем к тебе уважении. В молодости он был политработником, опытным духовным наставником. У нас в бригаде его уважали, побаивались и любили.

Он с мальчишества шел по жизни нелегким путем. Родом из легендарной рабочей Тулы, из поколений старых русских оружейников. Отец - литейщик. Сын рано пошел на завод: после умершей матери остался старшим среди восьмерых детей. Был слесарем, боевым комсомольским активистом: в 30-е годы партия позвала передовую молодежь для укрепления Вооруженных Сил, в том числе и танковых. Василий Зайцев стал профессиональным военным.

Начало войны, первые бои, ранения... Служба в Свердловской танковой... Как начальник штаба он заменяет в бою погибшего комбрига. Возглавив часть, повел ее дальше умело и уверенно, совершенствуя дисциплину, мастерство подчиненных. В боях был неистощим на выдумку - многое осуществлял экспериментально (тактика уличных боев, навесной огонь танков, творческое применение новых машин в новых условиях, - ему прочили большое будущее теоретика) и всегда с неизменным успехом.

Но главное в командире, конечно, личность. В Силезии, южнее Леобшюца, противник перед нашими наступающими частями позарывал свои танки в холмистой местности. Было тяжело: чуть высунешься - бьет, и довольно точно, все пристреляно. Ночью В. И. Зайцев решил прорваться. Но наши водители подвигались туго, хотя гитлеровцы были отвлечены "атакой" на фланге (моторы - на полную мощность, а машины на месте).

У водителя одной нашей машины никак не хватало духу рвануть вперед из-за взлобка. И вдруг, в разгар боя, к нему в лобовой люк - стук рукоятью пистолета.

"Кто там?" - замер обескураженный водитель, подумав, что немцы.

"Комбриг Зайцев!" - люк распахнулся, Василий Иванович склонился к водителю: "Что, приказ - пока ночь, прорываться вперед - вашего экипажа не касается?"

К утру наши танки преодолели заслон, выбрались на шоссе, двинулись дальше.

Таков был наш необыкновенный Василий Иванович. После войны он учился в академии, командовал дивизией, много лет работал начальником танкового училища. Последние годы жизни генерал-майор по состоянию здоровья жил в отставке, перенес инфаркт и другие сложности изношенного сердца.

Эта книга - его последнее слово. В. И. Зайцев умер в 1982 году.

Вадим Очеретин,
ветеран 61-й гвардейской Свердловско-Львовской
ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова,
Кутузова и Богдана Хмельницкого танковой бригады.

От автора

Материал для этой книги я собирал для того, чтобы отдать дань уважения моим верным товарищам по оружию, славным воинам Свердловско-Львовской гвардейской ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого танковой бригады. Как и все бойцы Уральского добровольческого танкового корпуса, они самоотверженно и честно выполнили наказ своих земляков, не жалея сил и самой жизни беспощадно громили ненавистных немецко-фашистских захватчиков, в кровопролитных сражениях пронесли боевое знамя бригады от Орла до Берлина и Праги. Я испытываю чувство глубокого удовлетворения и гордости тем, что мне довелось воевать плечом к плечу с этими чудо-богатырями, пламенными патриотами нашей любимой социалистической Родины.

Рассказывая о всех этапах боевого пути бригады, я опирался не только на свои личные воспоминания, но и на материалы, хранящиеся в архиве Министерства обороны СССР, отзывы видных военачальников о боевых делах бригады, официальные издания по истории Великой Отечественной войны.

При подготовке книги мне во многом помогли ветераны бригады, в частности И. П. Чепурышкин, В. Я. Фирсов, В. К. Очеретин, Е. Н. Ширяев, И. Л. Заикин, М. С. Вертилецкий, П. Д. Чернышков, И. З. Малинин, Г. А. Бармосов, В. А. Минин, И. С. Матешвили, В. И. Москаленко, Ю. И. Музыченко, Б. К. Мещеряков, А. П. Николаев, М. Ф. Талашов, Т. Ф. Проник, К. С. Промогайченко, Н. П, Северенчук, О. А. Савич, В. А. Булычев, А. А. Кванскова и другие мои однополчане.

Всем им приношу глубокую благодарность за помощь в

подготовке книги. Адресуя ее прежде всего молодому читателю, я так же, как и все ветераны бригады, выражаю твердую уверенность, что наследники нашей боевой славы бережно сохранят память о героических подвигах уральских танкистов и она послужит для них примером беззаветного служения социалистическому Отечеству.

Детище Урала

Шел второй год Великой Отечественной войны. Он был ознаменован победой Красной Армии в великом Сталинградском сражении. Разгром крупнейшей отборной группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом зимой 1942-1943 годов явился огромным вкладом в достижение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, оказал определяющее влияние на дальнейший ход всей второй мировой войны. Сталинградская битва положила начало целой полосы поражений гитлеровской Германии и ее сателлитов.

Горячее стремление уральцев сделать Красной Армии достойный подарок по случаю ее замечательных побед ярко проявилось в развернувшемся в начале 1943 года массовом движении за создание добровольческого танкового корпуса. Эта патриотическая инициатива первоначально родилась у рабочих танкостроительных предприятий, а затем, в считанные дни, ее единодушно подхватили десятки тысяч тружеников Свердловской, Челябинской и Пермской областей. В газеты, партийные комитеты поступали многочисленные резолюции собраний, коллективные заявления и обязательства трудящихся Урала о готовности в короткий срок укомплектовать корпус добровольцами, вооружить его танками, всей необходимой боевой техникой, произведенными сверх плана и на средства самих рабочих.

Свердловский, Челябинский и Пермский обкомы партии 24 февраля 1943 года отправили в ЦК партии и Государственный Комитет Обороны письмо следующего содержания:

"Выражая благородное патриотическое желание уральцев, мы просим разрешить нам сформировать особый Уральский добровольческий танковый корпус... Мы берем на себя обязательство отобрать в Уральский танковый корпус беззаветно преданных Родине лучших людей Урала - коммунистов, комсомольцев, беспартийных большевиков. Добровольческий танковый корпус уральцев мы обязуемся полностью вооружить лучшей военной техникой: танками, самолетами, орудиями, минометами, боеприпасами, произведенными сверх производственной программы".

Разрешение Москвы поступило незамедлительно, и на Урале

закипела работа по формированию корпуса. В Свердловской области этой работой руководила комиссия во главе со вторым секретарем обкома партии А. Б. Аристовым.

Первого марта я получил в штабе Уральского военного округа назначение на должность заместителя начальника штаба Свердловской добровольческой танковой бригады. При назначении узнал, что еще две танковые добровольческие бригады формируются в Челябинске и Перми, а остальные части корпуса - в других уральских городах.

Для размещения Свердловской танковой бригады Свердловский горисполком выделил здание 42-го художественного ремесленного училища, которое находилось на Березовском тракте (ныне проспект Блюхера), Туда я и прибыл, представился заместителю командира бригады майору Галкину, отвечавшему первоначально за формирование бригады, и сразу же окунулся с головой в работу штаба, который мне было приказано возглавлять до прибытия его начальника подполковника Д. И. Нагирняка. Активно помогал мне заместитель начальника штаба по политчасти капитан М. И. Иванов.

В первые дни главная задача штаба состояла в том, чтобы под руководством командования бригады укомплектовать батальоны и другие подразделения прибывающими командными кадрами и добровольцами, устроить быт личного состава, обмундировать, организовать его питание.

Эту организационную работу штаб проводил вместе с командирами танковых батальонов майорами Рахматулиным и Чазовым, командиром батальона автоматчиков капитаном В. Я. Фирсовым. Они так же, как командиры других подразделений, имели большой служебный и боевой опыт, и это помогло им быстро освоиться с обстановкой, справиться со своими обязанностями.

В решении вопросов материального обеспечения штаб бригады получал оперативную помощь от свердловских партийных и советских органов. Комиссия Свердловского обкома партии, ее председатель А. Б. Аристов проявляли большую заботу об удовлетворении нужд бригады, от поставок танков и оружия до того, из каких материалов шить обмундирование, белье и обувь, как организовать питание, какую мебель завозить в казарму, из каких сортов табака делать папиросы и махорку для наших воинов.

Мне довелось принимать участие в заседании комиссии, на котором обсуждался вопрос о том, какого цвета нужно шить комбинезоны для танкистов традиционного темно-синего или

цвета хаки. Мы предложили остановиться на цвете хаки, так как он в какой-то степени маскирует танкиста на поле боя, если ему придется покидать танк. Такими комбинезонами и обеспечили танкистов нашего корпуса.

По решению комиссии питание личного состава первоначально организовали в ближайшей столовой. Когда же укомплектовали продовольственную службу, она взяла организацию питания в свои руки. Питание было трехразовое по установленной норме и, по отзывам добровольцев, отличалось хорошим качеством. Если подразделение выходило на целый день в поле, с ним находилась и полевая кухня, личный состав получал горячую пищу и в полевых условиях. Таким образом, повара и обслуживающий персонал продовольственной службы получили еще в Свердловске необходимую практику организации питания в боевой обстановке.

На укомплектование должностей командиров взводов, командиров танковых экипажей прибыла большая группа выпускников Орловского танкового училища, которое в то время находилось на Среднем Урале. Знакомство с молодыми офицерами оставило благоприятное впечатление. Из бесед с М. Вертилецким, И. Заикиным, Г. Чесаком, Н. Юдиным и другими юными жизнерадостными лейтенантами я пришел к выводу, что они получили хорошую подготовку и горят желанием добросовестно выполнить свой командирский долг.

Под стать им оказались и добровольцы, прибывшие в основном из заводских коллективов. В 'большинстве это были коммунисты, комсомольцы, получившие хорошую трудовую закалку, отличившиеся при выполнении заказов фронта. Делясь своими мыслями, многие из добровольцев заявляли, что считают себя счастливыми людьми, удостоенными высокой чести быть зачисленными в корпус. Они рассказали, что были направлены в бригаду после очень требовательного отбора, который проводили специально созданные на предприятиях комиссии. Как правило, только один из 10-12 кандидатов получал путевку в корпус, как самый достойный из числа своих товарищей по работе, пользовавшихся также большим уважением.

В числе добровольцев с Уралмаша, Нижнетагильского металлургического завода были участники боев на Халхин-Голе, на Карельском перешейке, в том числе такие бывалые воины, как А. Огарок, П. Трепачев, Г. Нестеров, С. Раменский, А. Литвяк. Немало лиц, владевших воинскими специальностями, в частности имевших навыки вождения боевых машин, были и среди добровольцев с других заводов. Словом, подобрался поистине цвет рабочего класса Среднего Урала.

11 марта 1943 года нарком обороны присвоил корпусу наименование - 30-й Уральский добровольческий танковый корпус, а формируемой в Свердловске бригаде - 197-я Свердловская танковая бригада. Этот день считается днем рождения корпуса, его бригад и частей. В торжественной обстановке добровольцам вручили оружие и боевую технику. Начались плановые занятия по боевой и политической подготовке.

Обучение танковых экипажей вначале проводилось непосредственно на заводах, где изготовлялись танки, в основном на Уралмаше. Личный состав батальона автоматчиков, роты управления, тыловых подразделений бригады занимался в районе расположения бригады, благо ремесленное училище находилось на окраине города и места для полевых занятий было более чем достаточно. Здесь же, поблизости, было оборудовано стрельбище, где и проводилась огневая подготовка добровольцев.

Боевой подготовкой личный состав бригады занимался 12-14 часов в сутки. Офицерский состав к занятиям готовился ночью. Офицеры, за небольшим исключением, жили в казарме при своих подразделениях.

В начале апреля из числа воинов, главным образом служивших в армии и хорошо проявивших себя в ходе боевой подготовки, отобрали кандидатов на должности командиров отделений, расчетов, помощников командиров взводов. С ними провели десятидневные сборы, по завершении которых успешно сдавшим зачеты присвоили звание сержантов, и они приступили к исполнению своих обязанностей.

Большое внимание с первых дней жизни бригады уделялось партийно-политической работе. Почти одновременно с добровольцами в бригаду прибыл начальник политотдела, он же заместитель командира бригады по политической части подполковник И. И. Скоп, кадровый политработник, имевший за плечами почти двухлетний опыт войны. Заместителем начальника политотдела назначили свердловчанина, работника политотдела Свердловской железной дороги капитана И. Ф. Иосипенко. В первых числах марта прибыли политработники батальонного звена.

В подразделениях (до роты включительно) создали партийные и комсомольские организации, назначили парторгов и комсоргов, а во взводах - агитаторов. В батальонах наладили выпуск стенных газет, в которых освещался ход боевой подготовки.

Политико-моральное состояние бригады было очень высоким. Добровольцы готовились к предстоящим боям упорно, настойчиво

овладевали воинским мастерством. Партийные и комсомольские организации распространяли опыт отличников боевой подготовки, строго спрашивали с каждого коммуниста за малейшее упущение.

При посещении батальонов меня всякий раз поражало, с каким рвением и исключительной добросовестностью готовили себя добровольцы к предстоящим боям, не теряя понапрасну буквально ни одной минуты учебного времени. Как-то, в конце марта, я побывал на занятиях роты автоматчиков, которой командовал лейтенант А. П. Николаев, и провел строевой смотр. Воины имели отличный внешний вид и физическую выправку, дружно и звонко пели строевые песни, а ведь они занимались к этому времени меньше двух недель.

Поговорив с автоматчиками, выслушав их уверенные ответы на мои вопросы по программе обучения, я почувствовал, что каждый из них вкладывает всю душу в боевую подготовку. Один из солдат сказал, что он еще на заводе работал на Победу почти круглосуточно, делая продукцию высокого качества, и совесть не позволяет ему действовать иначе, находясь в боевом строю. Глубокая искренность этих слов не вызывала сомнений - это ярко подтвердила вся последующая боевая деятельность наших славных добровольцев.

К маю 1943 года подготовку к отправке на фронт закончили. Утром Первого мая 1943 года личный состав бригады принял присягу на верность Родине. В гости к воинам прибыли представители фабрик, заводов, где воины недавно сами работали, их близкие, родные. Бойцы, офицеры по-праздничному аккуратно одеты, подтянуты, с волнением и чувством ответственности произносят слова присяги. После принятия присяги бойцов и офицеров поздравили прибывшие гости, командиры. Вечером в театре оперы и балета состоялось торжественное собрание партийных и советских органов, трудящихся города и командования Уральского военного округа совместно с личным составом бригады и других частей добровольческого танкового корпуса, формировавшихся в Свердловске.

Секретарь Свердловского обкома партии В. М. Андрианов вручил командиру корпуса генералу Г. С. Родину боевое Красное знамя корпуса и зачитал наказ трудящихся Урала воинам корпуса. Генерал Г. С. Родин, преклонив колено, принял и поцеловал знамя. Воины-добровольцы вслед за ним повторяли торжественные слова клятвы землякам. Заключительные слова: "Мы не опозорим вековую славу уральцев. Мы выполним Ваш наказ и вернемся на родной Урал только с Победой" потонули в

море оваций.

В торжественной обстановке проводили нас свердловчане в Подмосковье, куда части корпуса, в том числе наша бригада, отбыли в конце мая. В проводах на вокзале участвовали тысячи трудящихся, руководители обкома партии.

25 июня 1943 года корпус вошел в состав войск 4-й танковой армии. Незадолго перед этим в командование бригадой вступил полковник Я. И. Троценко, участник Сталинградской битвы. Он провел ряд учений, где отрабатывались методы взаимодействия танковых батальонов и других подразделений в различных видах боя. В конце июня бригада подверглась всесторонней проверке комиссии Генерального штаба. В заключение проверки было проведено бригадное учение, которым руководили командир корпуса и его штаб. Все подразделения действовали слаженно, их командиры показали умение сохранять управление на всех этапах учения. Многие офицеры и сержанты за хорошую подготовку личного состава и умелые действия на учениях были награждены именными часами, денежными премиями, получили благодарности командования. В их числе - командиры батальонов Рахматулин, Фирсов и Чазов. Благодарность объявили командиру бригады полковнику Я. И. Троценко и его заместителю по политчасти подполковнику И. И. Скопу. Бригаду признали готовой к боевым действиям.

Боевое крещение

Летом 1943 года немецко-фашистское руководство, стремясь взять реванш за поражение под Сталинградом, решило, как известно, провести на советско-германском фронте большое наступление с целью окружить и уничтожить на Курском выступе войска Центрального и Воронежского фронтов. На первом этапе Курской битвы советские войска, находясь в преднамеренной обороне, сорвали начавшееся 5 июля наступление противника. Ожесточенные сражения с массовым применением танков показали неприступность нашей обороны и через неделю закончились разгромом наступавших группировок противника. Создались благоприятные условия для контрнаступления советских войск.

Ставка приняла решение 12 июля начать контрнаступление на Орловском направлении. Для этой операции привлекались войска левого крыла Западного, Брянского фронтов и правого крыла Центрального фронта. Перед ними стояла задача - нанести удары с севера, востока и юга на Орел, охватить здесь вражескую группировку, рассечь ее и уничтожить по частям.

Ударной группировке Западного фронта в составе 11-й гвардейской армии предстояло совместно с войсками Брянского

фронта разгромить болховскую группировку врага, а затем, наступая на Хотынец, перехватить пути отхода противника из Орла на Запад. К 19 июля 11-я гвардейская армия продвинулась на юг на 70 километров. Гитлеровское командование перебросило к участку прорыва дополнительные силы, что замедлило продвижение гвардейцев. Возникла необходимость ввода в сражение свежих сил.

В этих условиях решением ставки Верховного Главнокомандования вновь сформированная 4-я танковая армия 18 июля передавалась в состав Западного фронта. В состав выступившей 19 июля на фронт армии входил и 30-й Уральский добровольческий танковый корпус. К 24 июля он сосредоточился в лесах в районе Козельска.

Командующий Западным фронтом генерал В. Д. Соколовский приказал 4-й танковой армии с утра 26 июля войти в прорыв в полосе 11-й гвардейской армии и развивать удар в Юго-Западном направлении, к исходу дня перерезать железную и шоссейную дороги Орел - Брянск в районе Хотынец, Нарышкино и частью сил окружить и уничтожить во взаимодействии с войсками Брянского фронта болховскую группировку противника.

30-й Уральский добровольческий танковый корпус1 должен был, по решению командарма генерала В. М. Баданова, двигаться во втором эшелоне за 6-м гвардейским мехкорпусом в готовности развивать успех в направлении станции Шахово. Но введенный 26 июля в сражение первый эшелон армии натолкнулся на упорное сопротивление противника и продвигался медленно, он не смог полностью прорвать глубокоэшелонированную оборону немецко-фашистских войск, и поэтому 27 июля в бой был введен второй эшелон, в который входил 30-й УДТК. Корпусу ставилась задача: форсировать реку Орс, развивать наступление в направлении станции Шахово и перерезать железную и шоссейную дороги Орел - Брянск.

Действовавшая в первом эшелоне корпуса наша бригада пошла вперед к реке Орс в 16.00. Впереди наступал 1-й танковый батальон майора Рахматулина с автоматчиками батальона капитана Фирсова на броне танков. При подходе к деревне Бессоновке батальон попал под сильный артиллерийский огонь противника. Прямым попаданием был подбит танк командира батальона. Майор Рахматулин погиб. Батальон автоматчиков по команде капитана Фирсова спешился и повел наступление на Бессоновку. Головная танковая рота 1-го танкового батальона поддержала действия батальона автоматчиков. Автоматчики и танкисты к наступлению темноты вышли к реке Орс. Преодолеть водную преграду с ходу танкисты не смогли, этому помешали

крутой берег и илистое дно реки. Командование бригады поставило батальону автоматчиков задачу: форсировать реку Орс, захватить деревню Бессоновку и навести переправу для танков.

В ночь с 27 на 28 июля отдельные группы автоматчиков форсировали реку. Так, восемь бойцов отделения старшего сержанта Компанейца из роты старшего лейтенанта Николаева ворвались в самый центр немецкой обороны, уничтожили пулеметный расчет, двух снайперов, захватили в плен четырех солдат и, заняв круговую оборону в окопе противника, удерживали его до-подхода основных сил батальона.

В течение первой половины дня 28 июля в результате совместных героических усилий батальона Фирсова и автоматчиков 30-й мотострелковой бригады, поддержанных огнем танкистов и артиллеристов, удалось завершись форсирование реки Орс. Первой форсировала реку рота автоматчиков старшего лейтенанта Николаева. В этом бою смело и инициативно действовал комсорг роты Вадим Очеретин. Перебравшись на южный берег реки, он помог саперам навести переправу для танков. Когда мост был готов, первым на противоположный берег переправился танковый взвод лейтенанта Дикого.

Преодолевая упорное сопротивление противника, Свердловская бригада во взаимодействии с Пермской танковой и 30-й мотострелковой бригадами к 8.00 29 июля овладела районом Колонтаево, Сухачево, Однощекино и вышла к реке Нугрь на участке Вознесенский - Кулихи.

Заместитель начальника штаба бригады по политчасти капитан Иванов настойчиво просил командование бригады назначить его вместо погибшего Рахматулина командиром 1-го танкового батальона. И его просьбу удовлетворили. Как бывший командир танковой роты, он имел боевой опыт, хорошо знал личный состав батальона, а танкисты батальона тоже хорошо знали и уважали нового командира. Обходя после вступления в новую должность подразделения, Иванов зашел к ремонтникам и обратил внимание на танк с разорванным стволом пушки. Возле танка сидел худой белобрысый немец. Увидев капитана, он вскочил и на ломаном русском языке начал слезно просить, чтобы его оставили в живых. На вопрос Иванова, чем вызван такой панический страх, немец сказал, что командиры его части рассказывали солдатам, что им противостоит "дикая дивизия черных ножей", сформированная якобы из коммунистов-головорезов, безжалостно отрезающих захваченным в плен немецким солдатам головы этими ножами. Вот он и боится, что его, попавшего в плен в разведке, ожидает такая участь.

Рассмеявшись, комбат сказал: "Что за лживой пропагандой забивают ваши головы нацисты. Они умудрились даже клеветнически спекулировать на подарке златоустовских металлургов, изготовивших добровольцам красивые ножи для бытовых нужд. За этими нелепыми баснями скрывается стремление фашистов приписать нам без всяких оснований присущие им самим варварство и бесчеловечность, за которые они ответят перед народами".

29 июля нашей бригаде была поставлена задача: форсировать реку Нугрь во взаимодействии с 30-й мотострелковой и 243-й танковой бригадами, овладеть деревней Борилово и далее наступать в направлении населенного пункта Вишневский. Село Борилово размещалось на высоком берегу и господствовало над окружающей местностью, а с колокольни церкви она просматривалась на несколько километров в окружности. Все это Облегчало противнику ведение обороны и затрудняло действия наступающих подразделений бригады.

В направлении Борилово - Чурилово был выслан в разведку танк Т-34 и шесть автоматчиков под командованием лейтенанта Борцова. Комбат капитан Иванов обошел изготовившиеся к бою экипажи танков. Узнав, что в составе экипажа танковой роты лейтенанта Бездушного есть его однофамилец - башенный стрелок Иванов Иван Порфирьевич, капитан сказал ему: "Ну, тезка, не посрами фамилию Ивановых, на которых, как говорят в народе, русская земля держится. До встречи в Берлине".

В 20.00 29 июля после 30-минутной артиллерийской подготовки и залпа гвардейских минометов бригада во взаимодействии с Пермской танковой и мотострелковой бригадами приступила к форсированию реки Нугрь. Под прикрытием танкового огня первой, как и на реке Орс, форсировала реку Нугрь рота старшего лейтенанта А. П. Николаева, захватив южную окраину села Борилово. Бойцы прощупали дно реки и обозначили брод, по которому прошли три танка, поддержавшие автоматчиков в бою. Умело руководил сражением, находясь в боевых порядках, командир батальона капитан Фирсов. К утру 30 июля батальон при поддержке танков, несмотря на упорное сопротивление противника, овладел селом Борилово. Все подразделения бригады сосредоточились в Борилове. При форсировании реки особенно отличился комсорг первой мотострелковой роты старший сержант Луценко, принявший на себя командование после гибели командира роты лейтенанта Бессонова, и комсорг роты противотанковых ружей лейтенант Верховец.

Вскоре вернулся из разведки танк лейтенанта Борцова. На

броне лежало тело погибшего командира. Вот что рассказал о выполнении задания механик-водитель Северенчук: "После Борилово я повел танк на максимальной скорости, чтобы противник не мог вести прицельный огонь по машине и расположившемуся на броне десанту. Проскочили две деревни, ведя наблюдение за боевыми позициями немцев, и остановились в поле... Лейтенант Борцов дал команду возвращаться к своим по той же дороге. На обратном пути танк сильно обстреливали из всех видов оружия. Я таранил какие-то строения, выстроенные на нашем пути баррикады из бочек, не задумываясь, что они могут быть минированы. Когда увидел разрушенный мост через реку Нугрь, остановил танк, ожидая команды лейтенанта, но ее не последовало. Я повернулся и увидел его лежащим в крови на боеукладке танка. Принимаю решение возвращаться в Борилово... Танк комбата стоял у церкви.

Я доложил капитану Иванову обо всем. Он поблагодарил за разведку и приказал похоронить лейтенанта Бордова, а начальнику штаба батальона старшему лейтенанту Королькову приказал представить лейтенанта Бордова и весь экипаж к правительственным наградам за отлично проведенную разведку".

По приказу командира корпуса в 10.30 бригада начала наступление в направлении - высота 212,2 - Вишневский. Бой за высоту 212,2 был очень тяжелым. Наши танки с десантом на броне были встречены мощным огнем вражеской артиллерии, минометов, а удары авиации противника следовали один за другим. Автоматчики покинули танки и залегли, а танки рванулись вперед, выходя из-под артиллерийского огня. Машина лейтенанта Дикого оказалась впереди всех атакующих танков. Поливая окопы противника пулеметным огнем, он гусеницами раздавил две пулеметные точки, уничтожил противотанковую батарею и три миномета. Танк получил несколько прямых попаданий снарядами, командир был ранен, но скомандовал: "Продолжаем бой". Получили ранения башенный стрелок Типунов и радист-пулеметчик Докучаев. Орудие вышло из строя. По приказу командира механик-водитель Воронин повел машину на вражеские окопы и стал "утюжить" их. И только тогда, когда танк загорелся, сбив пламя, вывел его с ранеными членами экипажа из боя.

До последнего дыхания сражались с врагом коммунисты-добровольцы с Уралмаша Петр Кузьмич Трепачев, Антон Прохорович Огарок и комсорг роты Геннадий Иванович Нестеров. Командир их танка лейтенант Еременко был тяжело ранен. Они вывезли его в медпункт и вернулись на поле боя. Продолжая наступать на врага, уничтожили два противотанковых орудия,

много живой силы и огневых точек противника. Вражескими снарядами был отбит ствол танковой пушки, выбит опорный каток, но истерзанный танк не покидал поле боя, давил гитлеровцев гусеницами и уничтожал пулеметным огнем. Но вот машину окружили три "тигра" и стали в упор стрелять в безоружный танк. Танк загорелся, но и из горящей машины танкисты не прекращали вести пулеметный огонь, пока танк не взорвался. Так погибли, но не сдались бесстрашные патриоты. Все они были посмертно представлены к награждению орденами Красного Знамени.

Капитан Иванов пять раз водил в атаку первый танковый батальон. Его машина с номером "300" была все время впереди. Танк комбата подбили, а сам он при этом получил тяжелое ранение. Танкисты перенесли комбата на другой танк и пытались вывезти с поля боя. Придя в сознание, капитан Иванов покинул танк, вернулся на поле боя и руководил сражением до самой смерти. Рядом с комбатом погибли его начальник штаба старший лейтенант Корольков, парторг роты тагильчанин Литвяк, стрелок-радист Козуб. Их останки были обнаружены после боя во ржи. Так и не суждено было встретиться комбату в Берлине со своим однофамильцем И. П. Ивановым.

В этих боях пал смертью храбрых и командир второго танкового батальона майор Чазов, получили тяжелые ранения командир танка лейтенант Тумашевский и его башенный стрелок Большаков, еще несколько воинов.

Отважно сражался личный состав батальона автоматчиков. Покинув танки под артиллерийским и минометным огнем противника в непосредственной близости от немецких траншей, они помогали действиям наших танкистов, прикрывали остановившиеся и подбитые танки, помогали раненым экипажам выйти из них.

Противник пытался контратаковать, но мощным и дружным огнем бойцов батальона был отброшен назад. Комсорг артиллерийской батареи батальона сержант Давыдкин вывел орудие на открытую огневую позицию и бил прямой наводкой по контратакующим самоходным орудиям врага. Будучи смертельно раненным, он продолжал управлять огнем орудия и скончался от ран со словом "огонь" на устах. Начальник штаба батальона лейтенант Чертыгашев, умирая от ран, пел песню "Прощай, любимый город".

Противник зажег рожь, в которой залегли автоматчики. Командир батальона капитан Фирсов, не теряя самообладания, скомандовал "вперед", и бойцы бросились в атаку. Она была неожиданной для врага, считавшего, что наши солдаты побегут

назад и будут уничтожены его огнем. Между тем автоматчики ворвались в неприятельские траншеи, и началась рукопашная схватка в дыму. Наши бойцы захватили первую траншею и взяли в плен 18 немецких солдат и офицеров. На противник подбросил свежие силы и перешел в контратаку, заходя во фланг батальону. Чтобы не попасть в-окружение, батальон отошел в горящую рожь. Обстановка становилась критической, но начался проливной грозовой дождь, видимость стала минимальной, рожь была погашена, и батальон, подобрав убитых и раненых, отошел на свои исходные позиции.

В этом бою отличилась медицинская сестра свердловчанка Анна Кванскова. Бесстрашная коммунистка под ураганным артиллерийским и минометным огнем противника, сама раненая, перевязала и перенесла в укрытие 28 раненых танкистов и автоматчиков и еще помогала доставлять снаряды к артиллерийской батарее батальона автоматчиков. На ее руках умер 16-летний наводчик орудия Григорьев (при вступлении в добровольческий корпус он прибавил себе три года). Перед боем он получил письмо от родителей, которых считал погибшими при эвакуации, и сказал Кванскковой: "После боя почитаем письмо вместе, тетя Аня". Кванскову доставили после боя в медсанбат с большой потерей крови. Она награждена орденом Красного Знамени.

Захват бригадой Борилова и прорыв второй полосы вражеской обороны грозили окружением всей орловской группировки немецких войск. Поэтому противник бросил на удержание рубежа обороны южнее Борилова (высота 212,2) помимо действующей здесь 253-й пехотной дивизии танковые части, вооруженные новейшими танками типа "тигр", самоходными артиллерийскими установками типа "фердинанд", артиллерийские противотанковые части. Силы стали неравными, и бригада нуждалась в немедленной поддержке. Командир бригады направил меня к командиру корпуса с поручением - доложить о создавшейся обстановке и просить оказать помощь. Мы рассчитывали, что нас сможет поддержать Челябинская танковая бригада, которая находилась в это время в Борилове. Но оказалось, что она составляла резерв командующего танковой армии и без его ведома командир корпуса не мог распоряжаться бригадой. Приказ наступать в направлении высоты 212,2 Челябинская бригада получила позже, когда наша бригада, понеся большие потери в людях и боевой технике, вынуждена была отойти на исходные позиции. В течение 31 июля и 1 августа бригада находилась во втором эшелоне корпуса и участия в боевых действиях не принимала.

Массовый героизм воинов бригады, проявленный в боях с 27 по 29 июля, получил высокую оценку. 55 солдат, сержантов и офицеров были удостоены правительственных наград. О высоком боевом духе личного состава говорит тот факт, что в эти дни более 30 воинов бригады подало заявления с просьбой принять их в ряды коммунистической партии.

В штабе подводились итоги первых четырех дней боев. Исключительная храбрость воинов, их готовность не щадя жизни выполнять боевую задачу вызывали законное удовлетворение. Но к нему примешивалась боль от понесенных потерь. Казалось, что они слишком велики по сравнению с достигнутыми результатами. Многие офицеры командования и штаба бригады объясняли это тем, что бригаде пришлось вести бой на труднодоступной для техники лесистой и заболоченной местности, которая стала к тому же малопроходимой в результате дождей. Танкисты таранили оборону противника, преодолевая глубокие овраги, заболоченные низины, крутые берега рек, и нередко боевые машины буксовали или застревали в грязи, становясь хорошими мишенями для противотанковых средств врага.

Дали о себе знать, однако, и недостатки в управлении подразделениями на отдельных этапах боя, неполнота сведений о противнике, его опорных пунктах и узлах сопротивления, которыми располагал штаб бригады в начале наступления. Приходилось также учитывать, что для многих наших воинов это был первый бой, и тут, конечно, сказалось отсутствие опыта. Из всего этого следовало извлекать уроки, чтобы научиться воевать более уверенно. Об этом и шел полезный разговор у нас в штабе.

В течение 31 июля и 1 августа мы приводили в порядок подразделения, ремонтировали боевую технику, эвакуировали в тыл раненых. Из резерва корпуса поступило около двух танковых рот. Это дало возможность сформировать заново танковый батальон, командиром которого стал майор К. Н. Аверин, бывший политработник, работавший до войны секретарем парткома Брянского паровозостроительного завода. В укомплектование батальона боевой техникой внесли свой вклад воины технической службы, которые под руководством заместителя командира бригады по технической части подполковника Галкина, заместителя командира батальона по технической части Промогайченко восстановили и ввели в строй 14 танков.

31 июля в Борилове были похоронены геройски погибшие танкисты и автоматчики, в их числе командиры танковых батальонов: майор Чазов, капитан Иванов. У свежей братской могилы состоялся митинг. Общее настроение личного состава бригады выразил командир танка лейтенант Зинченко, который

заявил: "За смерть своего любимого комбата я буду мстить фашистским извергам всю жизнь. Своей черной кровью фашисты расплатятся за смерть наших боевых товарищей. Я клянусь еще яростнее, еще беспощаднее уничтожать фашистских захватчиков". К 30-летию освобождения Борилова ветераны бригады совместно с местными жителями обновили обелиск этой могилы, на котором значатся имена павших танкистов и автоматчиков бригады.

С 1 августа части корпуса перешли к преследованию противника, который, боясь окружения, начал отходить на Запад. После ожесточенного боя, в котором наша бригада не участвовала, был взят населенный пункт Злынь. А к отражению контратак противника 2 августа командир корпуса привлек и нашу бригаду.

Отважно дрались автоматчики Годвен, Сорохотулин, Афиногенов, Бодяев. Молодой командир взвода лейтенант Владимир Марков в числе первых встретил метким огнем "тигров", наступавших на участок, обороняемый его взводом. В этом бою в танк лейтенанта Клименко попал снаряд и, пробив днище танка и разбив баллон со сжатым воздухом, предназначенным для запуска двигателя, вывел из строя механизмы управления и запуска двигателя. При этом были ранены механик-водитель и стрелок-радист, которых отправили на медпункт бригады. Под танком остались командир танка и заряжающий Дима Курбатов, вооруженные только пистолетами и готовые сражаться до последнего патрона. В этой критической обстановке их выручил командир танка младший лейтенант Н. П. Юдин, который вернулся на своем танке к разбитой машине Клименко, под огнем противника отбуксировал ее в расположение наших войск. После того как танки остановились в безопасном месте, лейтенант Клименко обнял младшего лейтенанта Юдина, поцеловал и сказал дрогнувшим голосом: "Спасибо". Юдин засмущался и ответил: "Не надо, ты так же поступил бы, если бы это случилось со мной". Нужно сказать, что этот пример взаимной выручки в бою не был каким-то исключением суворовское правило "сам погибай, а товарища выручай" свято выполнялось в бригаде.

5 августа советские войска штурмом взяли Орел. В числе отличившихся при освобождении Орла был назван и 30-й УДТК. Воины корпуса с законной гордостью восприняли благодарность Верховного Главнокомандующего, первую на их боевом пути.

4-я танковая армия, переданная 30 июля в состав Брянского фронта, к 5 августа сосредоточилась в районе Пешково - Гнездилово - Ильинское. Севернее Ильинского располагался 30-й

УДТК. Ему ставилась задача: войдя в прорыв с рубежа Ильинское - Гнездилово, наступать совместно с частями 11-й гвардейской армии, овладеть станцией Шахово и, перерезав железную дорогу Орел - Брянск, отсечь путь отступающему врагу.

Наступление началось 6 августа. Наша бригада после полудня обогнала боевые порядки прорвавших оборону противника стрелковых частей и вскоре была обстреляна сильным артиллерийским огнем из района Волосатово. Бои за Волосатово, Красный Ягодник, Коськово, которые бригада вела во взаимодействии с 243-й танковой и 30-й мотострелковой бригадами, продолжались более суток.

В ночь на 7 августа в разведку отправилось отделение автоматчиков под командованием старшего сержанта А. Компанейца. Автоматчики скрытно проникли в расположение противника и вышли по лесосеке за населенный пункт. Противник обнаружил нашу разведку, окружил ее и предложил сдаться в плен. Автоматчики не растерялись, быстро заняли круговую оборону в двух расположенных рядом ямах и отстреливались от противника, пока бригада не овладела этим пунктом. Утром 7 августа командир батальона автоматчиков капитан Фирсов применил следующий хитрый прием. По его распоряжению на одном из участков фронта поставили дымовую завесу с целью привлечь туда внимание противника. А в это время в другом месте, используя овраги, в тыл противника проник взвод автоматчиков во главе с командиром роты старшим лейтенантом Николаевым. В заранее согласованное время противник был атакован с тыла и с фронта, дрогнул и бежал из Волосатово. Одновременно 243-я танковая бригада освободила населенные пункты Красный Ягодник и Коськово. Тем самым был лаквидирован узел обороны противника на пути к станции Шахово. Враг оставил на поле боя более 600 трупов солдат и офицеров, много пулеметов, пушек и подбитых танков. В этом бою погиб командир взвода автоматчиков лейтенант Молоков, первым бросившийся в атаку с возгласом "За Родину, вперед!".

На рассвете 8 августа бригада начала наступление на станцию Шахово. Танковый батальон был в первом эшелоне бригады. Комбат находился в первых рядах батальона, за разведкой. С ним вместе был и я. Я только что получил задание от командира корпуса генерала Г. С. Родина - с танковым батальоном стремительно выйти к станции Шахово и перерезать железную дорогу Орел Брянск.

При подходе к реке Сухая Орлица батальон попал под минометный и артиллерийский огонь. От местных жителей мы узнали места, где можно организовать переправу танков. Однако

подготовка к переправе несколько затянулась, и, чтобы приободрить танкистов, я решил воспользоваться только что полученным по радио известием о выходе Италии из войны. Обращаясь к собранным для инструктажа танкистам, я сказал: "Мы обязаны действовать энергичнее союзников и усилить удары по врагу, быстрей изгнать его за пределы нашей Родины, а мы тут топчемся перед какой-то мелкой речушкой".

Не ожидал, что танкисты так близко к сердцу воспримут мои слова. Как только был дан сигнал к атаке, они, несмотря на вражеский огонь, без потерь преодолели реку и обрушили удары танковых пушек и пулеметов на противника. Продолжая стремительное движение, батальон 8 августа в 12 часов вышел на разъезд западнее станции Шахово, о чем мы немедленно доложили по радио командирам корпуса и бригады.

При наступлении мы узнавали о многочисленных фактах бесчеловечного отношения немецко-фашистских захватчиков к местным жителям. Все населенные пункты противник при отступлении сжигал, кирпичные дома подрывал, мирное население угонял на запад, при малейшем уклонении от этого беспощадно расстреливал. Дороги минировались, мосты взрывались. Когда мы вышли на переезд железной дороги Орел - Брянск, что западнее станции Шахово, то увидели следы варварских разрушений: все рельсы были подорваны буквально через каждый метр и не могли быть использованы при восстановлении железной дороги. Шпалы выворочены и также совершенно не годились к использованию для ремонта дороги. В то время, как мы осматривали дорогу и докладывали по радио командованию, вдруг откуда-то появилась повозка, в которой находились мужчина и две женщины. Сперва я хотел их остановить и спросить, кто они и куда едут. Но, так как фашисты угоняли наших людей насильно и они при первой возможности бежали от них и возвращались к своим пепелищам, я не стал задерживать этих людей, и они направились в сторону переезда. Бросилась в глаза сидевшая в телеге сзади молодая женщина с белым гребнем в пышных волосах. Вдруг в районе переезда раздался сильный взрыв. Когда мы подошли, то увидели глубокую дымящуюся воронку от заложенного фашистами фугаса, а на месте повозки с пассажирами на обожженной земле белел только гребень.

В сторону станции Шахово, южнее ее, был выслан в разведку лейтенант Зинченко на своем танке. При подходе к станции Шахово его обстреляла артиллерия. Уничтожив огнем своей пушки три огневых точки противника, лейтенант Зинченко обошел станцию Шахово южнее и доложил по радио о

результатах разведки. Экипаж получил приказ возвратиться в батальон. В этот момент солдаты увидели, как из лощины под конвоем немецких солдат выходила колонна советских людей. Послав несколько снарядов в хвост фашистского конвоя и обратив его в бегство, танк устремился к колонне. Но в это время из рощицы вышло самоходное орудие противника. Двумя выстрелами лейтенант Зинченко зажег вражескую самоходку, и танк вновь устремился к угоняемой колонне. Гитлеровцы, спасаясь от пулеметного огня танка, бросились в середину толпы советских людей. Женщины, дети, старики (они составляли колонну) стали вырывать у солдат оружие, бить их прикладами, кулаками. Тогда солдаты побежали в рожь, но мало кто из них спасся от пулеметного огня танка. Тысячи рук благодарных советских людей протянулись к спасителям, к их почерневшему танку с десятками вмятин на броне. Так были спасены от неволи тысячи советских граждан.

Утром 9 августа, после того как Пермская и Челябинская танковые бригады освободили станцию Шахово, Свердловская бригада получила задание разведать маршрут наступления в направлении Маяки и перерезать шоссейную дорогу Орел Брянск. К вечеру 9 августа бригада вышла к реке Лубна. Батальон автоматчиков захватил плацдарм на ее южном берегу, в течение следующего дня отразил контратаки противника.

11 августа совместными усилиями автоматчиков и танкистов сопротивление противника было сломлено, и к вечеру бригада овладела населенным пунктом Вербник. В соседние населенные пункты Яхонтово, Семеновтку, Маяки вступили другие части корпуса. Таким образом, шоссейная дорога Орел - Брянск оказалась перерезанной. В этом районе было освобождено более 500 советских людей, которых фашисты собрались угнать на запад. Солдаты и офицеры бригады, чем могли, помогали освобожденным. Фашисты ограбили их буквально дочиста, отняли скот, мелкую птицу, одежду, сожгли дома.

Припоминается такой случай. Радист-пулеметчик танкового батальона Мальвин более 10 суток возил в танке курицу, которую он подобрал в какой-то сожженной фашистами деревне. Он кормил ее, приучил не бояться грохота танка, пушечной и пулеметной стрельбы и уже думал, не сварить ли из нее суп, поскольку долго держать ее в танке нельзя. Но вот в очередной сожженной деревне он увидел плачущую старушку у пепелища ее дома. Фашисты отняли у нее ее кормилицу корову, сожгли дом. Мальвин подошел к ней, подал свою курицу и сказал: "Не плачь, бабушка, вот тебе наш танкистский подарок. Эта курочка особой породы танкистской, - ни минометов, ни танков, ни пушек не

боится. Держи ее и поправляй свое хозяйство. После победы заеду к тебе посмотреть на нее, а может быть, и цыпляток попрошу".

В течение 12 и 13 августа бригада совместно с другими частями корпуса, преодолевая упорное сопротивление противника, наступала в направлении Шаблыкино. Рано утром 13 августа в направлении Навля от бригады, по приказанию командира корпуса, была выслана разведка в составе танкового взвода и взвода автоматчиков под командованием старшего лейтенанта Николаева. При подходе к деревне Навля разведка попала под артиллерийский и пулеметный огонь. Здесь был тяжело ранен Николаев и его эвакуировали в тыл.

Несколькими часами позже получил ранение отважный командир батальона автоматчиков, любимец бригады капитан Фирсов. Когда его выносили с поля боя, мы встретились. Он был спокоен и надеялся, что скоро вернется в бригаду, считал, что рана у него нетяжелая. К сожалению, этим надеждам не суждено было сбыться. В результате неоднократных операций ему ампутировали ступню ноги, и на фронт он больше не попал.

25 августа командование бригадой принял подполковник Н. Г. Жуков, а начальником штаба назначили майора В. М. Алексеева. Полковник Я. И. Троценко и и подполковник Д. И. Нагирняк отзывались в распоряжение командующего бронетанковыми войсками Красной Армии.

Подполковник Н. Г. Жуков выслушал краткие доклады начальников служб и офицеров штаба, а затем попросил меня сопровождать его при посещении батальонов и высказать мнение о деловых и моральных качествах командиров подразделений. Держался Н. Г. Жуков приветливо и непринужденно, в беседах с офицерами показал себя компетентным специалистом по вопросам боевого применения танков. Он не ограничился знакомством с командным составом, охотно беседовал с рядовыми добровольцами, спрашивал, какое впечатление произвели на них первые бои, удовлетворяет ли их материально-техническое обеспечение, питание. Когда мы возвращались из подразделений, Н. Г. Жуков сказал, что остался очень доволен боевым настроением личного состава, внешним видом и подтянутостью воинов, состоянием боевой техники и оружия. На кратком совещании руководящего состава Н. Г. Жуков обратил особое внимание на улучшение взаимодействия подразделений в бою и организацию разведки. Уже в первые дни своей службы в бригаде Н. Г. Жуков завоевал симпатии личного состава.

К концу августа 197-ю Свердловскую танковую бригаду доукомплектовали людьми и боевой техникой за счет частей корпуса. Было сформировано два танковых батальона под

командованием майоров Аверина и Шотина. Командиром батальона автоматчиков стал капитан С. Г. Бендриков, офицер с большим военным опытом.

Наша бригада временно поступила в распоряжение командующего 63-й армии и в ночь с 2 на 3 сентября сосредоточилась в районе Добрик, получив задание наступать совместно с 129-й Орловской стрелковой дивизией в направлении Брасово - Локоть - Красный Колодезь, перерезать железные дороги Брянск - Львов и Брянск - Киев и выйти к реке Десне, создав внешний фронт окружения брянской группировки противника.

На рассвете 4 сентября поступил сигнал атаки. Первый танковый батальон внезапно для противника атаковал высоту, откуда немцы вели пулеметный огонь, мешавший продвижению наших стрелковых частей. Противник дрогнул и начал отходить. Преследуя его, наши танкисты овладели деревней Россошка и форсировали приток реки Неруссы. Вслед за ними продвигались части 129-й стрелковой дивизии. Развивая дальше наступление, батальон ворвался в Хотеево и выбил оттуда противника. За день боя батальон уничтожил 20 орудий различных калибров, в том числе одно типа "фердинад", три дзота, три миномета, шесть пулеметов, до 500 солдат и офицеров противника. Особенно большой урон противнику нанесли танковая рота лейтенанта Бородулина, экипажи лейтенантов Москаленко и Страусова.

Утром 5 сентября бригада в тесном взаимодействии с 129-й и 43-й стрелковыми дивизиями продолжала наступление с задачей - овладеть станцией Брасово, городом Локоть и удерживать их до подхода стрелковых частей.

Придавая большое значение выполнению этой задачи, командир бригады направил в первый танковый батальон Аверина для координации его действий с другими подразделениями своего заместителя майора Ф. К. Спехова, первого Героя Советского Союза, с которым добровольцы познакомились в боевой обстановке. Федор Константинович был удостоен этого высокого звания еще на советско-финской войне. Это был умелый танкист, волевой, немногословный человек.

Батальон двинулся по полевой дороге, ведущей к речке Зерве, с целью переправиться на ее противоположный берег и захватить деревню Сныткино. Но мост через Зерву оказался разрушенным, и майор Спехов под прикрытием огня танковых пушек повел за собой автоматчиков и саперов десанта. Перейдя вброд речку, они нашли место для переправы ниже по течению. Только поздно вечером танкисты форсировали Зерву и захватили южную окраину Сныткино. Противник искусно замаскировался на высоте

северо-западнее Сныткино. Комбат Аверин решил атаковать немцев с флангов, обходя деревню с востока и запада. Майор Спехов одобрил это решение. По приказу комбата лейтенант Бородулин развернул свою роту на левом фланге, а старший лейтенант Сухов - на правом. Танки шли на штурм высоты с открытыми люками.

Командир танка лейтенант Заикин вдруг заметил в траншее немецких солдат. Один из них из-под плащ-палатки выстрелил из пистолета, и пуля слегка оцарапала плечо Заикина. Он моментально открыл огонь по траншее.

При дальнейшем продвижении вперед в открытые люки танков посыпались стеклянные колбочки. Разбиваясь, они выделяли ядовитый дым. Некоторые экипажи пострадали от них, а командира роты старшего лейтенанта Сухова пришлось даже эвакуировать в медсанбат. Командовать ротой стал И. Л. Заикин.

На высотах западнее Сныткино роту встретил мощный огонь артиллерии, и она стала отходить в деревню.

Заикин как-то после войны рассказывал мне, что, возвращаясь в тот раз в Сныткино, он остановился неподалеку от танка лейтенанта Бородулина, который, судя по всему, нуждался в какой-то помощи. Оглянувшись по сторонам, Заикин узнал окоп, из которого в него стрелял фашист, и, заметив в нем движение, быстро нагнулся и резким рывком вытащил из этого окопа позеленевшего от страха немецкого солдата. Не успел Заикин обследовать находившуюся рядом траншею, как прогремел взрыв у танка Бородулина. Заикин и члены его экипажа кинулись туда. Было темно, и поэтому пришлось буквально на ощупь исследовать местность вокруг танка. Вдруг вражеская пуля угодила в грудь Заикина, и его в бессознательном состоянии бойцы доставили на командный пункт батальона.

Между тем комбат Аверин был обеспокоен судьбой Бородулина, не зная точно, жив он или мертв. Аверин колебался - посылать ли немедленно, ночью, бойцов на розыск Бородулина туда, где могли затаиться фашисты. Однако майор Спехов настоял на том, чтобы сделать это, не откладывая до рассвета, дабы Бородулин, живой или убитый, не попал бы в руки врага. Из танкистов, пожелавших отправиться на поиск, Спехов отобрал четырех наиболее сноровистых, и они с честью выполнили солдатский долг по отношению к своему командиру. Тело погибшего Бородулина утром с воинскими почестями предали земле.

При дальнейшем наступлении на станцию Брасово большую роль сыграла разведка боем танкового взвода лейтенанта В. И. Москаленко. В этой разведке особенно отличились лейтенант

Чучук и его экипаж. Они уничтожили и подбили три самоходки противника. Взвод Москаленко уничтожил также один танк "тигр", артбатарею, два пулемета, до взвода пехоты, но сам тоже имел потери - подбиты два танка, убиты механик-водитель Шлепников и радист Леонов, тяжело ранены лейтенант Капышин, заряжающий Смирнов, Годович.

Когда первый танковый батальон подошел к станции Брасово, гитлеровцы устроили на подступах к ней живой противотанковый заслон из сотен советских людей, зная, что советские танкисты по своим стрелять не будут. Но люди кинулись навстречу танкам. Танкисты увеличили скорость, чтобы быстрее открыть огонь по фашистским извергам, прикрывая в то же время своей броней беззащитных людей. В результате боя за Брасово было уничтожено пять танков, шесть минометов, два противотанковых орудия, более двух рот противника. Овладением Брасово удалось перерезать железную дорогу Брянск - Львов.

Второй танковый батальон, тесно взаимодействуя с 250-й стрелковой дивизией, 5 сентября выслал в направлении города Локоть разведку в составе танкового взвода лейтенанта Маркова и взвода автоматчиков. Взвод Маркова состоял из комсомольцев. Командиру взвода исполнилось 20 лет, такого же возраста были члены экипажа Маркова свердловчанин Извеков и челябинец Пичкулев, командиры танков лейтенанты Селицкий, Богаткин, члены их экипажей. Двигаясь на предельной скорости и ведя с ходу огонь из пулеметов и пушек, взвод Маркова ворвался в Локоть, промчался по его улицам и, раздавив по пути несколько повозок с солдатами противника, выскочил на западную окраину города. Продолжая атаку, Марков вскоре увидел вдали большую колонну конвоируемых советских людей. Он устремился за колонной, которую гитлеровцы поспешно гнали к березовой роще. Давя машины, отстреливаясь от наседавших танков противника, взвод вплотную приблизился к роще, но опоздал - враг сделал свое гнусное дело - расстрелял мирных советских людей, в том числе детей, женщин, стариков. В живых осталось 12 человек, и все - раненые. Оказав им первую помощь, сообщив по радио в штаб бригады о результатах разведки, танкисты вновь устремились на запад. Через два километра Марков увидел входящую в лес колонну машин противника с пехотой в кузовах и орудиями на прицепе. Фашисты заметили танки Маркова и быстро развернули пушки. В лобовую атаку идти было бессмысленно, и Марков, решив обмануть противника, совершил обходный маневр через лес. При помощи встреченного на просеке пожилого человека (как потом выяснилось партизана) Марков вывел танки и автоматчиков в засаду у дороги и тщательно

замаскировал их. При подходе колонны противника танкисты внезапно нанесли по ней сокрушительный удар и буквально раздавили 25 автомашин, 12 орудий и около двух рот пехоты.

Используя складки местности, Марков повел взвод на соединение с главными силами батальона. Маневрируя и стреляя только наверняка, так как боеприпасы кончались, взвод Маркова уничтожил два танка, два орудия, захватил в плен трех немецких солдат, потеряв один танк.

В это время танковый батальон Шотина стремительной атакой овладел городом Локоть. Противник установил, что в город вошло совсем немного танков, и перешел в контратаку, чтобы вновь овладеть городом. Завязался ожесточенный бой. Наших сил было мало, и положение батальона стало критическим, но в это время с запада в город ворвались два танка Маркова. Пехота противника, атакованная с тыла, стала разбегаться. Марков лично захватил знамя гитлеровского полка. На какое-то время положение в городе вроде бы выправилось, но вскоре противник вновь предпринял наступление на город Локоть. Военный совет 63-й армии приказал: "197-й танковой бригаде во что бы то ни стало удержать Локоть до подхода главных сил 35-го стрелкового корпуса". Во исполнение этого приказа командир бригады направил в Локоть первый танковый батальон майора Аверина, батальон автоматчиков и во главе этих сил удерживал город.

Маневрируя силами, бригада отражала атаки противника самоотверженно и дерзко. Героически действовал, например, механик-водитель Игорь Переслегин, парторг танковой роты. К рассвету 6 сентября доброволец из Свердловска вернулся пешком, так как в поединке с гитлеровцами его машина сгорела. Он тут же сел в другой танк, механик-водитель которого был ранен, и из пятой атаки привез экипаж мертвым на продырявленной в нескольких местах машине. Попросив в помощники башнера и стрелка-радиста, он снова ринулся в бой, из которого не вернулся. Снаряд попал в левый ленивец, а осколком убило Переслегина. Так дрались, не зная страха в бою, свердловчане-добровольцы, и поэтому Свердловская бригада выстояла, сумела отбить все атаки противника, удержать город Локоть до подхода 35-го стрелкового корпуса 63-й армии.

В этих боях наши танковые подразделения уничтожили пять артиллерийских батарей, 14 противотанковых и семь самоходных орудий, четыре танка Т-6 и Т-4, 18 пулеметов, 25 повозок, 25 автомашин, более двух батальонов пехоты, захвачено полковое знамя, арт-батарея, четыре миномета, освобождено от угона в рабство около 30 тысяч советских людей, отбито до 1000 голов

крупного рогатого скота, до трех тысяч лошадей с повозками.

К исходу 6 сентября бригада получила приказ с утра следующего дня наступать в направлении Красный Колодезь и овладеть им. Утром 7 сентября в разведку отправился танковый взвод лейтенанта Чучука, усиленный отделением автоматчиков. Достигнув деревни Красный Колодезь, Чучук действовал смело и расчетливо. В то время как два танка взвода завязали бой с самоходными орудиями противника, лейтенант Чучук со своим экипажем зашел в тыл вражеским самоходкам и с сорока метров открыл по ним уничтожающий огонь. Две самоходки типа "фердинанд" экипаж Чучука сжег, а три подбил. При этом отличились члены экипажа свердловчанин Анатолий Камашиков и доброволец из Кыштыма Дмитрий Смольников. Танк Чучука был подбит, но экипажу удалось вывести загоревшуюся машину из боя. Чучук, отведя взвод от деревни, доложил результаты разведки командованию. Командир бригады развернул в боевой порядок оба танковых батальона, и танкисты при поддержке батальона автоматчиков стремительной атакой освободили Красный Колодезь. Железная дорога Брянск-Киев была перерезана.

Преследуя отходящего противника в направлении Трубчевска, первый танковый батальон ворвался в деревню Теребушки, которую противник, отступая, сжег дотла. На опушке близлежащего леса танкисты увидели алое полотнище с надписью: "Да здравствует непобедимая Красная Армия!" Навстречу нашим воинам бежали бесстрашные народные мстители - бойцы Брянского партизанского отряда, которым командовал бывший заместитель директора Брасовской МТС по политчасти Новиков. Они со слезами на глазах обнимали воинов-уральцев. Стихийно возник митинг. В горячих выступлениях танкистов и партизан прозвучала твердая уверенность в грядущей победе над ненавистным врагом.

Не задерживаясь, бригада продолжала наступление и с помощью партизан-проводников, пробираясь через лес наиболее коротким путем, 9 сентября вышла к реке Десне. Поступил приказ в связи с выполнением боевой задачи бригаде возвратиться в состав 30-й УДТК. После трехдневного отдыха бригада совершила 130-километровый марш в район Судомир. За период с 31 августа по 25 сентября она прошла путь протяженностью 500 километров, в том числе около 300 километров - с боями. Командование 63-й армии высоко оценило действия бригады в боях за Брасово и Локоть и, отметив мужество и военное мастерство наших танкистов и автоматчиков, их умение успешно вести бои в лесистой местности, сделало вывод, что бригада достойна

присвоения ей гвардейского звания.

Военный совет 4-й танковой армии также положительно отозвался о действиях бригады и других частей 30-й УДТК. при выполнении заданий командования. В докладной командующего 4-й танковой армии генерал-лейтенанта В. М. Баданова и члена Военного совета армии генерал-майора В. Г. Гуляева на имя командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-полковника танковых войск Я. Н. Федоренко были названы имена наиболее отличившихся воинов бригады, в их числе командира бригады подполковника Н. Г. Жукова, заместителя командира бригады по политчасти подполковника И. И. Скопа, заместителя командира бригады Героя Советского Союза майора Ф. Я. Спехова.

По ходатайству Военного совета 4-й танковой армии в октябре 1943 года 30-й Уральский добровольческий танковый корпус был преобразован в гвардейский и стал именоваться - 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус. Наша 197-я Свердловская танковая бригада была преобразована в гвардейскую и стала называться 61-я гвардейская Свердловская танковая бригада.

В боях на Правобережной Украине

К моменту победоносного завершения в середине февраля 1944 года Корсунь-Шевченковской операции, которую по праву называют "Сталинградом на Днепре", наша бригада закончила доукомплектование личным составом и боевой техникой. Было получено 64 танка Т-34, и в результате мы сформировали три танковых батальона. Личный состав с энтузиазмом встретил приказ Верховного Главнокомандующего No 16, посвященный 26-й годовщине Красной Армии, и обращение Военного совета 4-й танковой армии в связи с предстоящими боевыми действиями. Наши воины отдавали себе отчет в том, насколько трудна и ответственна боевая задача, и на состоявшихся митингах заверили, что не пожалеют сил и самой жизни для изгнания с земли Украины ненавистных немецко-фашистских захватчиков.

Сразу же после Дня Красной Армии бригада начала марш из района Киева в Каменные Броды, Язвинин и к 29 февраля сосредоточилась в назначенном командиром корпуса районе в готовности к боевым действиям. На следующий день нам сообщили, что командующий 1-м Украинским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин при выезде в войска попал в засаду, устроенную бандой украинских буржуазных националистов, и был тяжело ранен. В командование войсками фронта вступил Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

4 марта 1944 года войска 1-го Украинского фронта начали

Проскуровско-Черновицкую операцию. По приказу командующего фронтом Маршала Советского Союза Г. К. Жукова главный удар наносился в общем направлении на Тернополь, Чертков.

Нашей бригаде было приказано, обогнав боевые порядки 8-й стрелковой дивизии, стремительно продвигаться вперед, с ходу форсировать реку Жердь и во взаимодействии с 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригадой овладеть Марьяновкой, Немировцами. В ночь на 4 марта бригада приступила к выполнению боевой задачи. Передовой отряд в составе 2-го танкового батальона, усиленного ротой автоматчиков и саперным взводом, под общим командованием заместителя командира бригады гвардии подполковника Н. В. Морозова к утру форсировал реку Жердь и овладел населенным пунктом Немировцы. В схватке с врагом отличился экипаж гвардии младшего лейтенанта Филичева, уничтоживший 25 немецких солдат и офицеров.

Несмотря на то что автомобильный транспорт порой застревал в грязи, свою первую боевую задачу бригада выполнила своевременно. В течение двух дней она овладела населенными пунктами Шасновик, Марьяновка, Ожиговцы, причем в районе Марьяновки пленено 36 солдат противника. Нанеся врагу урон в живой силе и технике, бригада потерь не имела.

Командир корпуса приказал к утру б марта выйти в район: Фридриховка Волочиск и перерезать железную дорогу Одесса - Львов и шоссейную дорогу Проскуров - Тернополь. Передовой отряд бригады в составе 1-го танкового батальона гвардии майора Аверина, с которым по указанию комбрига следовал и я, в ночь на 6 марта подошел к станции Волочиск. Она была ярко освещена, раздавались гудки паровозов. После ремонта моста через ручей севернее Фридриховки было решено взять штурмом станцию Волочиск и местечко Фридриховку. Согласно разработанному плану, усиленный танковый взвод гвардии старшего лейтенанта Одаренко после огневого налета смело атаковал противника на станции Волочиск, уничтожил автоколонну в составе 30 автомашин с людьми и боеприпасами, две самоходки типа "фердинанд", две автодрезины и взвод пехоты. В панике вражеские солдаты и офицеры выскакивали из домов и, попадая под огонь наших танкистов и автоматчиков, метались по станции, не зная, куда деваться. Подошедшему вражескому бронепоезду не удалось приостановить наше наступление получив несколько прямых попаданий, обволакиваясь дымом, он удалился в сторону Тернополя.

Главные силы передового отряда после овладения сахарным заводом устремились в Фридриховку. Отважно действовал взвод

автоматчиков под командованием гвардии лейтенанта Брюзгина. Комсомолец Чибиров лично уничтожил более 20 вражеских солдат и 23 человека заставил сложить оружие. Сдав пленных под охрану гвардии старшего сержанта коммуниста Ширяева, Чибиров вновь вступил в бой и пал смертью героя.

К 6.00 6 марта противника выбили из района Волочиск - Фридриховка. Бригада захватила более 140 автомашин, 170 тракторов, 10 мотоциклов, склады с продовольствием, вещевым имуществом, боеприпасами, вооружением, эшелон с танками и артиллерией и много другого снаряжения. Противник потерял более 300 человек убитыми, и 48 человек было захвачено в плен. Но при захвате Волочиска и Фридриховки, а также при отражении контратак противника бригада потеряла два танка Т-34, 30 человек убитыми и ранеными.

Таким образом задача - перерезать железную дорогу Львов - Одесса - была выполнена 61-й танковой бригадой к установленному времени. Однако удержать захваченные населенные пункты было очень трудно из-за нехватки горючего и особенно бронебойных снарядов, необходимых для борьбы с новыми фашистскими танками Т-6 "тигр" и САУ типа "фердинанд". Прибывший на своем командирском танке с группой офицеров штаба командир бригады гвардии подполковник Н. Г. Жуков распорядился подтянуть в захваченный район все подразделения бригады, организовал круговую оборону, разведку на направлениях вероятных контратак противника. Но он отлично понимал, что противник не остановится ни перед чем, чтобы выбить бригаду из Волочиска и Фридриховки. Поэтому Н. Г. Жуков направил к командиру корпуса заместителя начальника штаба бригады гвардии майора Финникова с донесением об обстановке и сказал ему: "Доложи в штабе корпуса, что мы сидим у черта в зубах, ни справа, ни слева соседей нет, горючего нет, боеприпасы на исходе. Нужна немедленная помощь и подкрепление силами корпуса".

Опасения командира бригады оправдались. Противник подтянул свежие силы, включая части 7-й пехотной дивизии, танковой дивизии СС "Адольф Гитлер", 503-й отдельный тяжелый танковый полк "тигров". Правда, на поддержку бригаде прибыли две батареи 356-го гвардейского самоходного артполка, но все равно силы были неравными. Завязались ожесточенные бои. В 10.00 6 марта противник бросил в бой до двух батальонов пехоты, десять тяжелых танков "тигр", до трех дивизионов штурмовой артиллерии. Кроме того, мощный огонь вели два бронепоезда. Атаку противника отбили, но за ней последовали еще пять. Они также были отражены. При этом особенно отличились танкисты

роты гвардии старшего лейтенанта Гребнева и самоходчики гвардии лейтенанта Ачба. На их счету четыре подбитых танка противника и бронепоезд, до сотни уничтоженных солдат и офицеров. Подвиг совершил автоматчик сержант Ширяев. На элеваторе он охранял группу военнопленных. После одной из контратак противника он с ними оказался в окружении. Пленные пытались расправиться с сержантом. Он уничтожил их гранатами, но и сам погиб при этом.

После четвертой контратаки противника командир бригады снова обратился к командиру корпуса с просьбой как можно быстрее оказать помощь, но подкрепления из 29-й мотострелковой бригады подошли только в ночь на 7 марта. В связи с тем что подошедшие три батальона еще не успели полностью освоить свои участки обороны, пехоте противника удалось просочиться в поселок, а вражеский бронепоезд подошел почти вплотную к нашим боевым порядкам и открыл по ним огонь. Казалось, противник полностью окружил обороняющихся. В этой сложной обстановке комбриг подполковник Н. Г. Жуков и офицеры проявили выдержку, веру в своих подчиненных. И наши бойцы стойко выполняли свой воинский долг. Никто не дрогнул, не оставил занимаемых позиций. Просочившаяся в поселок пехота врага была уничтожена, и к утру 7 марта наша бригада и действовавшая с ней 29-я мотострелковая бригада прочно удерживали Волочиск и Фридриховку.

Однако в полдень противник бросил против наших воинов большую группу своей пехоты, 23 танка и САУ, и ему удалось захватить элеватор, переправу через ручей севернее Волочиска и отрезать наши оборонявшиеся батальоны от главных сил корпуса и армии. С этого момента мы действовали в полном окружении. Характеризуя бои, развернувшиеся в районе Волочиска и Фридриховки, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал:

"Командование немецких войск, почувствовав угрозу окружения своей проскуровско-винницко-каменец-подольской группировки, сосредоточило против ударной группировки 1-го Украинского фронта дополнительно пятнадцать дивизий. 7 марта здесь завязалось ожесточеннейшее сражение, такое, которого мы не видели со времени Курской дуги"{2}.

В центре этого сражения стояла насмерть вместе с мотострелками 29-й бригады 61-я гвардейская Свердловская танковая бригада. При недостатке боеприпасов и полном отсутствии бронебойных снарядов пришлось создавать группы истребителей танков, вооружить их бутылками с бензином, а танки сосредоточить в укрытиях и использовать наверняка только в исключительных обстоятельствах. Личный состав поклялся

удержать занимаемые рубежи во что бы то ни стало и не знал страха, отражая яростные атаки врага. 7 марта отбили семь атак противника. В этот день при отражении самой ожесточенной атаки фашистов сгорел вместе с радиостанцией танк командира бригады, а командира экипажа гвардии лейтенанта О. А. Савича тяжело ранило. В результате прервалась прямая радиосвязь с командиром корпуса.

В ночь с 8 на 9 марта совершил подвиг вместе со своим экипажем командир танка из первого танкового батальона гвардии лейтенант Г. С. Чесак. "Тридцатьчетверка" Г. С. Чесака стояла в укрытии за домами у перекрестка двух улиц в Фридриховке. Перед рассветом послышался нарастающий гул моторов, и вскоре стала видна приближающаяся колонна из девяти "тигров". Зная, что его снаряды броню вражеских танков не пробьют, Чесак все же вступил с ними в бой. Подпустив головной танк на дистанцию около 100 метров, он выстрелил под основание башни танка и заклинил ее. Танк лишился возможности вести огонь. Чесак после выстрела сразу сменил огневую позицию своего танка. Противник обрушил огонь по тому месту, где стоял танк Чесака. Считая, что наш танк уничтожен, оставшиеся танки двинулись вперед. Чесак выстрелил по второму танку, и "тигр" остановился с разорванной гусеницей. При повторных атаках немецких танков экипаж Чесака вывел из строя еще один "тигр". За воинскую доблесть и боевое мастерство гвардии лейтенанту Г. С. Чесаку было присвоено звание Героя Советского Союза. Члены его экипажа - добровольцы из Свердловска: уралмашевцы механик-водитель Виталий Овчинников, радист-пулеметчик Александр Бухалов, студент Уральского политехнического института башенный стрелок Дмитрий Курбатов были награждены боевыми орденами. Григорий Сергеевич Чесак стал первым Героем Советского Союза не только в Свердловской бригаде, но и в добровольческом танковом корпусе.

Героизм и находчивость проявил и гвардии младший сержант Н. А. Худяков из 29-й мотострелковой бригады, сражавшейся в Фридриховке плечом к плечу с танкистами и автоматчиками против наседавших на нашу оборону фашистов. Из противотанкового ружья Худяков подбил три танка "тигр" и уничтожил более 20 солдат и офицеров врага. Он был дважды ранен, но не покидал поля боя. За эти подвиги Н. А. Худяков удостоен звания Героя Советского Союза. Подвиги Чесака и Худякова повторили многие воины, оборонявшие Волочиск и Фридриховку.

Командир танка гвардии лейтенант Лещенко, действуя в

составе головной походной заставы, уничтожил до двух взводов пехоты, 15 автомашин, пять мотоциклов и взял в плен 23 солдата противника.

Командир взвода разведки бригады гвардии лейтенант Халин, мужественный офицер, умело вел разведку, дерзко и смело вступал в бой с превосходящими силами противника и всегда одерживал победу.

Командир саперного взвода бригады гвардии лейтенант Демиденко всегда со своим взводом находился в боевых порядках головных подразделений бригады и обеспечивал их всем необходимым для наступления.

Командир взвода роты противотанковых ружей гвардии младший лейтенант Бойков смело выдвигался со своим взводом навстречу танкам противника, подбил одного "тигра".

Командир роты автоматчиков гвардии старший лейтенант Добровидов со своими бойцами прочно удерживал занимаемые рубежи обороны и выбил противника из сахарного завода, чем обеспечил связь с тылами бригады и корпуса.

Среди командного состава мужеством и боевым мастерством выделялся командир 1-го танкового батальона гвардии майор Аверин. Находясь все время в боевых порядках батальона, на самых опасных участках, он твердо и умело управлял боем, оперативно реагируя на изменение обстановки. В конце боя за Фридриховку с Авериным произошел несчастный случай, и он был отправлен в госпиталь. Больше на фронт он не вернулся. На посту комбата его заменил майор Айвазов.

Хорошо руководил разведкой гвардии майор Н. С. Рязанцев, своевременно раскрывая намерения противника, направления его атак.

Благодаря стойкости наших воинов боевая задача была выполнена. Утром 10 марта противника выбили с сахарного завода, а к исходу дня связь обороняющихся частей с тылом восстановили полностью. За четверо суток наша бригада вместе с двумя батальонами 29-й мотострелковой бригады нанесла большой урон противнику. Потеряв 27 танков типа "тигр" и самоходок - "фердинанд", один бронепоезд, 50 автомашин и до двух полков пехоты противостоявшая нам группировка немецко-фашистских войск так и не смогла восстановить свои позиции на железной дороге Львов - Одесса. Наша бригада в этих трудных боях потеряла 11 танков, шесть ПТР, два станковых пулемета. 150 воинов было убито или ранено, в том числе 93 коммуниста и комсомольца.

Проявленный воинами героизм показал со всей убедительностью их преданность Родине и коммунистической партии. Большую роль сыграл высокий уровень партийно-политической работы, которая не приостанавливалась ни на минуту в ходе ожесточенных боев. Показательно, что в дни этих боев были приняты в члены ВКП(б) 21 человек, в кандидаты партии 19 человек и в комсомол - 45 человек.

В период боев за Фридриховку произошла смена командования корпусом и армии. Заболевший генерал-лейтенант Г. С. Родин выбыл в госпиталь. Вместо него командиром нашего добровольческого танкового корпуса был назначен генерал-майор Е. Е. Белов, заместитель командующего 4-й танковой армии. С генералом Е. Е. Беловым многие воины корпуса познакомились в ходе боев за Фридриховку, которыми он лично руководил как начальник оперативной группы офицеров 4-й танковой и 60-й общевойсковой армий. Он много раз побывал в мартовские дни в нашей бригаде, и мы почувствовали, какой это опытный, спокойный, требовательный и храбрый генерал и в то же время простой и добрый человек, наделенный согревающим душу чувством юмора.

Командующим 4-й танковой армией стал генерал-лейтенант Д. Д. Лелюшенко, до этого командовавший под Москвой и Сталинградом общевойсковыми армиями. В расположение армии Д. Д. Лелюшенко прибыл 10 марта. Самолет, на котором он следовал с командного пункта 1-го Украинского фронта, приземлился неподалеку от боевых порядков Свердловской танковой бригады, и по дороге на НП 4-й танковой армии генерал-лейтенант Д. Д. Лелюшенко мог наблюдать действия наших подразделений.

В середине марта стало известно, что в ближайшие дни наступление продолжится - ударная группировка 1-го

Украинского фронта нацеливалась на Каменец-Подольский, Черновцы. Овладеть Каменец-Подольским предстояло 4-й танковой армии. Командующий армии генерал Д. Д. Лелюшенко поставил 10-му гвардейскому танковому корпусу задачу - обходя местечко Скалат с востока, во взаимодействии с 8-й стрелковой дивизией 60-й армии уничтожить противостоящего противника и к исходу первого дня операции овладеть населенными пунктами Гжималув, Окно, к исходу второго дня операции захватить город Гусятин и, развивая наступление, к исходу четвертого дня выбить неприятеля из города Каменец-Подольского.

21 марта корпус приступил к выполнению поставленной задачи. 22 марта был освобожден Гжималув. Наша бригада в течение 21 и 22 марта составляла резерв командарма, а 2-й танковый батальон гвардии майора В. Н. Никонова, коренного свердловчанина, действовал в составе 63-й гвардейской Челябинской танковой бригады в качестве передового отряда.

Гвардии майор Никонов, которого его подчиненные любовно называли "батей" или "дядей Васей", действовал в этом бою, как всегда, решительно и дерзко. О том, как развивались события 21 марта, хорошо рассказал механик-водитель командирского танка Николай Яненков, доброволец из депо Дружинине. Вот выдержки из его рассказа:

"Головным шел наш танк, и вдруг - сильный орудийный огонь из леса. "Включай четвертую, Коля!" - скомандовал мне Никонов и радировал остальным: "Продолжаем выполнять задачу. На полном газу проскочить зону огня!"... "Тридцатьчетверки" на высокой скорости миновали опасную зону и через несколько минут ворвались в Новосюлки. Вражеские солдаты разбежались. Батальон двинулся дальше на Городницу. Уже близко от нее, на возвышенности, появилось четырнадцать вражеских танков. Никонов на ходу развернул машины, и мы, не снижая скорости, пошли на сближение. Не успел противник изготовиться к контратаке, как был атакован нами. Его "пантеры" расползлись по полю и открыли огонь. Тут скорость "тридцатьчетверок" сыграла свою роль - снаряды ложились позади наших танков. Мы открыли огонь и зажгли четыре гитлеровских машины.

Вражеские танки поспешно отступили в Городницу. Но задержаться в населенном пункте им не удалось: слишком сильным был натиск батальона. Машины Маркова, Побединского, Иванова, Торопчина ворвались на улицы. Загорелись еще два танка противника. Остальные, отстреливаясь, стали улепетывать. Но скорость и маневренность наших танков гораздо выше. Вот-вот "тридцатьчетверка" настигнет ближнюю к нам "пантеру" и протаранит ее. Гитлеровцы на "пантере" не выдерживают. Они

останавливаются на перекрестке и из люка машины машут белым платком. Четыре танкиста сдались в плен".

Наступая в направлении Гжималув, батальон гвардии майора Никонова кроме упомянутых в рассказе Н. Яненкова выведенных из строя вражеских танков уничтожил пять противотанковых орудий, шесть пулеметов и до 200 гитлеровцев.

К исходу дня 22 марта бригаду вывели из резерва командарма, и командир корпуса поставил ей задачу, обогнав 62-ю гвардейскую Пермскую танковую бригаду, наступать в направлении Копычинцы - Гусятин. Выступивший ранним утром 23 марта передовой отряд бригады в составе танковой роты 3-го батальона под командованием заместителя комбата гвардии капитана Резниченко огнем из танковых пушек и решительной атакой сломил сопротивление противника у станции Хоросткув и, преследуя обращенные в бегство немецкие подразделения, в середине дня овладел населенным пунктом Копычинцы. За передовым отрядом стремительно двигались главные силы бригады. Появление наших танков вечером на подступах к Гусятину практически в глубоком тылу противника было полной неожиданностью для гитлеровцев.

Взвод гвардии лейтенанта Ивана Заикина первым ворвался на станцию Гусятин, которую буквально за несколько минут перед этим в панике покинули гитлеровцы. На вешалке в кабинете начальника станции висели генеральские шинели, на столе стояли тарелки с закуской и еще горячим супом. Присели наши танкисты, отведали генеральского обеда и снова в бой.

В Гусятине мы разгромили немецко-фашистский гарнизон, уничтожили более 430 и взяли в плен 315 солдат и офицеров противника. Враг не успел эвакуировать три эшелона с техникой и оружием, и в наши руки попали богатые трофеи: 16 танков, 43 крупнокалиберных орудия, десятки автомашин, а также склады с боеприпасами, продовольствием, инженерным и вещевым имуществом.

Продолжая с утра 24 марта наступление, бригада ворвалась в населенный пункт Почапинцы, где противник силою до батальона пытался отбить нашу атаку, но в скоротечном бою его разбили и обратили в бегство. Мы захватили много автомашин, в том числе штабных. Как потом оказалось, здесь были разгромлены штабные и тыловые подразделения 7-й танковой дивизии противника.

Во время дальнейшего продвижения по направлению-к Каменец-Подольскому, и особенно при овладении населенным пунктом Жердье, над боевыми порядками бригады все время висела фашистская авиация. Вражеские летчики вели по нашим танкам огонь из авиационных пушек, сбрасывали

противотанковые бомбы. В результате сгорело несколько наших танков. Чтобы избежать новых потерь, командир бригады решил прекратить движение до темноты и укрыть танки. С наступлением сумерек налеты авиации противника прекратились.

К этому времени стало известно, что Верховный Главнокомандующий объявил личному составу бригады благодарность за овледние городом Гусятин и по его приказу столица нашей Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Этот приказ способствовал большому подъему духа воинов бригады в преддверии штурма Каменец-Подольского.

Заслушав доклад начальника разведки Н. Рязанцева о том, что войти в город Каменец-Подольский можно только по Турецкому мосту, так как переправа через реку Смотрич в других местах невозможна, командир бригады принял оригинальное и смелое решение. Он приказал с наступлением полной темноты двигаться колонной на Каменец-Подольский на предельных скоростях с зажженными фарами. В колонне шли и танки и колесные машины, но определить ночью, сколько танков и сколько автомашин, было невозможно. В результате противник был деморализован и 1-й танковый батальон гвардии майора Айвазова, во главе которого шел танк Заикина, ведя огонь из пушек и пулеметов, ворвался в населенный пункт Зиньковцы у северо-западной окраины Каменец-Подольского. Ошеломленный противник в беспорядке бежал, оставив около 50 орудий и минометов, другую боевую технику.

Приблизившись к Турецкому мосту, батальон остановился. Подходы оказались заминированными. Здесь погиб любимец бригады командир танковой роты гвардии старший лейтенант Владимир Зинченко. Он отличался исключительной смелостью и всегда выполнял самые трудные задания. И на этот раз пошел первым в разведку. Его танк на спуске к Турецкому мосту попал под огонь немецкой самоходки, стрелявшей в упор из засады.

Ведущая роль в освобождении Каменец-Подольского отводилась 10-му гвардейскому Уральскому танковому корпусу. В течение ночи с 24 на 25 и днем 25 марта части корпуса, заняв пригороды, готовились к его штурму. Фашистский гарнизон насчитывал свыше девяти тысяч солдат и офицеров, 85 танков (в их числе много "тигров"), 62 орудия, 300 пулеметов. Местность благоприятствовала обороне города. Река Смотрич протекает с севера на юг, образуя причудливое извилистое кольцо внутри города. Каменистые берега обрывисты, высотой до 10 метров. Шестидесятитонный Турецкий мост прикрывался огнем

вражеских танков и артиллерии.

Непосредственное руководство штурмом Каменец-Подольского осуществлял начальник штаба 10-го танкового корпуса гвардии полковник А. Б. Лозовский. Согласно разработанному плану, наша бригада в тесном взаимодействии с 29-й мотострелковой бригадой должна была наступать с северо-западной окраины города и овладеть его центром. Для прикрытия действий наших войск по овладении городом от возможных ударов противника с северо-запада в Жердье занял круговую оборону 3-й танковый батальон гвардии майора Анкудинова.

Наступление началось в 17.00 25 марта после короткого, но мощного удара артиллерии и залпа гвардейских минометов. Напряженная схватка разыгралась на переправе. Руководя разминированием моста, командир саперного взвода гвардии лейтенант Демиденко лично застрелил несколько солдат противника из охраны моста, но и сам получил смертельную рану. Сраженные вражескими пулями, пали замертво саперы Васильев, Болешнякин, Филиппов. Умирая, Демиденко сказал оставшимся в живых саперам: "Друзья, дайте дорогу танкам". И через несколько минут рядовой Иван Товленко доложил комбригу: "Мост разминирован". К этому же времени отважные разведчики Минин, Лукин, Паршин, Чураков огнем из автоматов и гранатами уничтожили огневые расчеты орудий врага, прикрывавших переправу. И вот наши танкисты ринулись на мост. Первым ворвался в город танк гвардии лейтенанта И. Л. Заикина. За ним следовали танки гвардии лейтенантов Н. Л. Юдина, В. И. Москаленко, Г. Ф. Проника.

К середине ночи бригада прорвалась к центру города, а к утру 26 марта совместными усилиями частей 10-го танкового и 6-го механизированного корпусов Каменец-Подольский был полностью очищен от врага. Штурм города оказался настолько стремительным, что фашисты не успели взорвать ни электростанцию, ни одно из имевшихся в городе крупных предприятий. Были захвачены 72 танка, в том числе 49 "тигров", 400 автомашин. Из фашистских застенков освободили более 800 советских граждан, которых ожидала верная смерть.

В ознаменование освобождения Каменец-Подольского 27 марта личному составу бригады и всех других частей 10-го танкового корпуса была объявлена благодарность приказом Верховного Главнокомандующего и нам вновь салютовала Москва. Это вдохновило наших воинов на преодоление огромных трудностей по удержанию освобожденного города, подвергшегося ожесточенным атакам соединений и частей 1-й танковой армии врага. Эта армия, окруженная севернее Каменец-Подольского,

начала 28 марта пробиваться на запад и попыталась любой ценой выбить нас из Каменец-Подольского, чтобы через него выбраться на единственную мощеную дорогу, ведущую через Оринин на Бучач и Подгайцы, где немцы намеревались соединиться с остальными войсками группы армии "Юг".

Ответственным за оборону Каменец-Подольского командарм Д. Д. Лелюшенко назначил командира 10-го танкового корпуса Е. Е. Белова. Генерал-майор Е.Е.Белов и начальник штаба корпуса полковник А. Б. Лозовский составили продуманный план удержания города, поставили боевую задачу каждой части и с большим мастерством руководили отражением многочисленных атак противника, обладавшего превосходством в живой силе и технике. В течение почти целой недели шли бои не на жизнь, а на смерть.

Наша бригада удерживала северо-западную часть Каменец-Подольского. Очень тяжело приходилось, и главным образом из-за недостатка боеприпасов. В танках оставалось снарядов на 10-15 выстрелов. Подвоз прекратился. Противник вышел на наши коммуникации. Иссякли запасы патронов к ручным и станковым пулеметам. По приказу комбрига штаб организовал перераспределение боеприпасов. Мы изъяли патроны у связистов, возивших по несколько ящиков патронов, которые подошли к ручным и станковым пулеметам. Многие стрелки и автоматчики вооружились трофейным оружием, а боеприпасов к нему на захваченных складах имелось предостаточно.

Противник атаковал, как правило, крупными силами, но наши бойцы и офицеры держались спокойно и уверенно, прочно удерживали свои рубежи, расчетливо и экономно расходовали боеприпасы. Наши танки открывали огонь по танкам противника с таких дистанций, которые обеспечивали стопроцентное попадание в цель. Поэтому атаки противника отбивались с большими для него потерями.

Штаб бригады организовал круглосуточное твердое управление обороной, штабные офицеры непрерывно находились в батальонах, координировали их действия, особенно большое внимание уделяли разведке, четко налаженной связи. Чтобы парировать внезапные удары противника, мы постоянно держали в резерве две-три танковые роты и роту автоматчиков.

Несмотря на напряженную обстановку, мы использовали непродолжительные паузы между атаками противника, преимущественно в ночное время, для санитарной обработки личного состава. По строгому графику группы бойцов и офицеров направлялись в баню. Наши воины месяц не снимали с себя обмундирование, боевое снаряжение. Трудно описать, с каким

наслаждением они подставляли свои спины под мыльную мочалку, окатывались теплой водой. Не обошлось и без происшествия. Одно подразделение из-за оплошности расчета, проводившего санобработку, осталось без обмундирования, сгоревшего в вошебойке. Как раз в это время началась очередная атака противника, и пришлось в пожарном порядке одевать бойцов в оказавшееся, к счастью, под рукой трофейное обмундирование.

Героизм обороняющихся был массовым. Воины стояли насмерть, в чем я лично убедился, находясь в батальоне гвардии майора Айвазова. В третий день боев за город наши доблестные танкисты отразили три мощные атаки гитлеровцев, не отойдя ни на один метр от занимаемого рубежа. С присущим ему хладнокровием руководил боем комбат и, получив тяжелое ранение, только тогда позволил эвакуировать себя в медсанбат, когда убедился, что батальон выполнил поставленную задачу.

Среди частей, которые проявили исключительный героизм при защите Каменец-Подольского, командарм генерал-лейтенант Д. Д. Лелюшенко в своей книге "Москва - Сталинград - Берлин - Прага" назвал нашу бригаду, лестно отозвался о стойкости и боевом мастерстве нашего комбрига подполковника Н. Г. Жукова.

Сражавшаяся вместе с нами 29-я гвардейская мотострелковая бригада понесла тяжелую утрату - на одной из улиц города при отражении танковой атаки противника пал смертью храбрых командир бригады полковник М. С. Смирнов. Был контужен командир корпуса генерал-майор Е. Е. Белов, но продолжал руководить боем. Мы понесли немало потерь. В числе убитых - начальник связи бригады гвардии капитан Фролов. Только легкораненных в нашей бригаде насчитывалось более 140 человек, но 80 из них вновь добровольно взялись за оружие, когда потребовалось отбить очередную атаку противника. Общими усилиями мы Каменец-Подольский отстояли.

И в районе Оринин - Жердье шли кровопролитные бои. В числе оборонявших эти города частей находился, как уже отмечалось, 3-й танковый батальон нашей бригады. Этот батальон также с честью выполнил поставленную боевую задачу, отразил многочисленные атаки противника, пытавшегося захватить Жердье, важный узел дорог. Командир батальона гвардии майор Анкудинов умело руководил действиями танкистов.

В ходе боев за Каменец-Подольский воины нашей бригады уничтожили более 300 и взяли в плен 140 солдат и офицеров противника, захватили 12 танков и самоходок, 40 орудий, 400 пулеметов, более 300 автомашин и 500 мотоциклов.

3 апреля с востока в Каменец-Подольский вошли общевойсковые соединения, и наш корпус выступил из города для выполнения боевой задачи на новом направлении. Как раз в этот день 61-я гвардейская Свердловская танковая бригада была награждена орденом Красного Знамени, а 103 воина бригады удостоены орденов и медалей.

Потерпев неудачу в своих попытках прорваться на запад через Каменец-Подольский, потрепанные части 1-й танковой армии противника, обойдя Каменец-Подольский и Оринин с севера, с трудом продвинулись в район Борщева, но тут попали под сокрушительный удар двух истребительно-противотанковых артиллерийских полков, следовавших на помощь нашей 4-й танковой армии. Здесь неприятельские войска потеряли почти всю свою боевую технику, и только разрозненные группы добрались 5 апреля до реки Стрыпа в районе Бучача, куда с запада на выручку остаткам 1-й танковой армии спешили отдельные части подгайцевской группировки немецких войск.

Выполняя приказ командующего 1-го Украинского фронта, 4-я танковая армия, а в ее составе и 10-й танковый корпус, выдвинулась на автомашинах на рубеж реки Стрыпа в 200 километрах северо-западнее Каменец-Подольского и с 7 по 18 апреля прочно удерживала его, отражая атаки противника. Наша бригада приняла активное участие в этих боях. Это был для бригады последний этап Проскуровско-Черновицкой операции, в ходе которой она прошла с боями около 1000 километров, освободила два города, 13 поселков городского типа, 12 железнодорожных станций, 316 сел и деревень. Личный состав бригады проявил беспримерное мужество, умение добиваться победы над превосходящими силами противника.

Возросшую зрелость показали командование и штаб бригады. Назначение на пост начальника штаба бригады я воспринял с чувством ответственности за дальнейшее совершенствование штабной работы. Штабные офицеры обладали хорошей теоретической подготовкой и, самое главное, накопили значительный боевой опыт. Для меня было большой честью руководить этим сплоченным коллективом, оказывать постоянную помощь командиру бригады в выполнении боевых задач.

Освобождение Львова

В ходе наступления в январе - апреле 1944 года Красная Армия добилась выдающихся успехов. Почти вся Украина, Молдавия, Крым, Ленинградская и Калининская области, значительная часть Белоруссии были очищены от немецко-фашистских захватчиков.

Сложившаяся благоприятная обстановка создавала все условия для нанесения новых мощных ударов по врагу. И Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу - в полной мере использовать эти условия в предстоящей летней кампании Советских Вооруженных Сил. Им предстояло очистить от оккупантов всю советскую землю и приступить к освобождению от фашистской неволи народов Польши, Чехословакии и других европейских государств. Главный удар по врагу намечалось нанести в центре советско-германского фронта с целью разгрома белорусской и львовской группировок противника. Это диктовалось политическими и стратегическими соображениями, ведь отсюда, при успешном проведении запланированных операций, открывался кратчайший путь к Германии.

Перед войсками 1-го Украинского фронта ставилась задача - разгромить группу армий "Северная Украина", освободить западные области Украинской Советской Социалистической Республики и начать изгнание врага с территории Южной Польши.

Командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев, сменивший на этом посту в мае Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, принял решение нанести удар на Львов из района Тернополь силами 60-й и 38-й общевойсковых, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий. Следовательно, нашей бригаде и всему 10-му танковому корпусу предстояло принять участие в освобождении Львова.

В период подготовки операции советские войска занимались планомерной боевой подготовкой, пополнением личным составом и боевой техникой, накоплением боеприпасов, горюче-смазочных материалов, продовольствия. Эти задачи решала и наша бригада, сосредоточившаяся после Проскуровско-Черновицкой операции за Днестром, в роще севернее Гвоздец.

Особое внимание в боевой подготовке уделялось обучению подразделений действиям ночью. Это требовал от нас командарм генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко, часто посещавший бригаду. Всякий раз он лично чертил на карте маршрут движения одной из танковых рот и следил за умением танкистов ориентироваться ночью на незнакомой местности, за работой командиров по управлению своими подчиненными в ночных условиях. Командарм также постоянно проверял состояние огневой выучки танкистов, требуя, чтобы они поражали цели на предельной дистанции с первого-второго выстрела. На полигонах танкисты вели огонь по новейшим трофейным танкам и САУ из новой 85-миллиметровой пушки, поступившей на вооружение в 1944 году.

Командиры подразделений, штабные офицеры,

политработники, партийные и комсомольские организации проводили большую разъяснительную работу с личным составом, прежде всего с 54 бойцами, призванными из освобожденных от фашистской оккупации районов. Новички относились добросовестно к занятиям по боевой подготовке, с большим интересом знакомились с передовым опытом наших бывалых воинов, а сами часто рассказывали своим товарищам о том, что они пережили, находясь под фашистским ярмом. Так, рядовой Дурнев жил во время оккупации в селе Голубки Гомельской области, где его отца, бывшего председателя колхоза, гитлеровцы повесили. "У меня с фашистами личные счеты умру, но отомщу", - заявил он.

26 июня 1944 года бригада по приказу командира корпуса выступила по маршруту: Гвоздец, Городенка, Копычинцы, Трембовля, Тернополь, Дубовице и к исходу 5 июля сосредоточилась в лесу, в километре западнее Стихыновице. С целью тренировки личный состав батальона автоматчиков распоряжением командующего армией совершил 200-километровый марш в пешем строю, с одновременной отработкой в походе таких тем практической подготовки, как наступление с форсированием водной преграды; преследование отходящего противника; уличные бои в крупном населенном пункте.

Железнодорожный эшелон, в котором следовал 1-й танковый батальон, в районе станции Чертков подвергся обстрелу дальнобойной артиллерией противника, паровоз получил повреждение, но обошлось без потерь в технике и личном составе. Батальон по приказу его командира гвардии капитана Б. Н. Мочалова в течение пяти минут сошел с платформ и своим ходом прибыл на станцию Выгнанка, где снова погрузился в эшелон и отправился дальше.

В пути следования с личным составом проводились беседы об итогах трехлетней борьбы против немецко-фашистских захватчиков, о зверствах гитлеровцев на оккупированной территории Украины, о повышении бдительности и на другие темы. С получением сообщений Совинформбюро об успешном наступлении советских войск в Белоруссии во всех подразделениях состоялись митинги, которые прошли с большим патриотическим подъемом. На одном из митингов командир танкового взвода гвардии старший лейтенант Абрамов заявил: "Сегодня Красная Армия освободила родные советские города от гнета и насилия гитлеровских захватчиков. Сейчас мы едем на фронт. На 1-м Украинском фронте наша бригада награждена орденом Красного Знамени. Своими боевыми делами мы приумножим славу нашей гвардейской бригады, будем

беспощадно уничтожать ненавистного врага".

После прибытия в исходный для наступления район состоялась рекогносцировка местности и маршрутов выдвижения в прорыв. Отработаны вопросы взаимодействия с соседями и стрелковыми соединениями. С 10 по 13 июля в подразделениях бригады проведены беседы и политические занятия на темы: "Великая освободительная миссия Красной Армии", "Трудящиеся Польши - наши друзья и братья". В батальонах состоялись открытые партийные собрания с повесткой дня: "Место коммуниста в бою". В результате активной воспитательной работы 43 воина подали заявления о приеме в коммунистическую партию.

14 июля поступил боевой приказ о наступлении. Подразделения единодушно приняли письмо-обращение к Военному совету 4-й танковой армии, в котором воины поклялись не посрамить в бою высокое гвардейское звание.

В ночь с 16 на 17 июля наша бригада в ненастную, дождливую погоду совершила трудный ночной марш из района Поляны в район Тростянец Мал и уже перед рассветом начала движение по так называемому "колтувскому коридору" за частями 3-й гвардейской танковой армии как передовой отряд корпуса. Наступление развивалось в направлении Золочев, Ольшаница, Подояркув. Дороги раскисли от дождей, и это замедлило движение. Танки шли сплошной колонной. Невдалеке, справа и слева от дороги, шел бой, слышалась сильная ружейно-пулеметная стрельба. Снаряды и мины противника разрывались в трех-четырех десятках метров от колонны.

В 8.00 17 июля бригада вышла на западную окраину Золочева. Город горел. 2-й танковый батальон гвардии майора Никонова решительной атакой подавил сопротивление противника в юго-западной части Золочева и лродолжал наступление. К исходу дня он овладел населенными пунктами Лацке Бельке и Лацке Мале.

В бою за Лацке Бельке мужество и отвагу проявил комсомолец автоматчик Жарков. Он первым бросился на противника с криком: "За мной, ребята, смелей бейте гадов!" В этом бою он погиб смертью храбрых. Четыре комсомольца автоматчика: Глоткин, Городилов, Выганов, Полбосьян в этом же бою уничтожили 18 фашистов.

Дальнейшее движение прекратилось. Личный состав был чрезвычайно утомлен. Двое суток механики-водители не выпускали из рук рычагов управления танком, другие члены экипажа тоже не покидали своих тесных мест в нем. Чрезвычайно нервное напряжение при вводе в прорыв, постоянные стычки с

противником сказались на физическом состоянии людей.

Ночь прошла тревожно. Примерно в час ночи большая группа пехоты противника, выходившая из "бродского котла" через Лацке Вельке и Лацке Мале, натолкнулась на 2-й танковый батальон. Вспыхнула ожесточенная ружейно-пулеметная стрельба, заговорили танковые пушки. В сплошной темноте трудно было понять - где противник, где свои. Загорелось несколько строений в деревне, осветив поле боя. Танкисты повели прицельный огонь. Смело действовал в ночном бою командир танковой роты гвардии старший лейтенант М. Н. Вертилецкий. Из схватки с пятью солдатами противника он вышел победителем. Трех он уничтожил лично, четвертого сразил подбежавший ему на помощь ординарец Кофтаев, пятого они взяли в плен. Экипаж гвардии лейтенанта Селетицкого взял в плен офицера. Он показал, что его пехотному батальону было приказано прорываться на Львов, который немецкое командование собирается удерживать любой ценой. Противнику не удалось прорваться, и к рассвету он отошел в лес.

Утром 18 июля вернулись разведчики из района Ольшаницы. Они доложили, что Ольшаницу обороняют части 14-й пехотной дивизии СС "Галиция". На танкодоступных направлениях в засадах укрыты танки и штурмовые орудия. В лагере противника тихо, и он, по-видимому, нашего наступления не ждет.

Гвардии майор Никонов пытался силами батальона захватить Ольшаницу, но оказалось, что эту задачу не решить без объединенных усилий не только нашей бригады, но и других частей корпуса. И вот при поддержке всей корпусной артиллерии и армейской артиллерийской истребительно-притивотанковой бригады во взаимодействии с 322-й стрелковой дивизией части 10-го танкового корпуса после напряженного боя к исходу дня разгромили противника и овладели важным узлом обороны на подступах к городу Львову.

В боях за Ольшаницу отличились танковые роты 2-го танкового батальона, которыми командовали гвардии старшие лейтенанты М. Н. Вертилецкий и В. А. Марков. На участке, где они наступали, противник оставил подбитыми и сгоревшими семь танков, четыре противотанковых и два зенитных орудия.

В разгар боя гвардии старший лейтенант Марков заметил неподвижно стоящий танк гвардии лейтенанта Супонина. Он стремительно бросился к танку, завел двигатель и вывел танк из-под огня в укрытие. Оказалось, командир танка Супонин убит, а остальные члены экипажа тяжело ранены. Так удалось спасти членов экипажа и танк.

Рядовой 1-й роты батальона автоматчиков агитатор Фарихов,

видя, что одно отделение их взвода вырвалось вперед и подошло к Ольшанице, крикнул товарищам: "Равняйтесь по передовым!" Взвод бросился вперед и овладел окраиной деревни. В этом бою Фарихов уничтожил пять фашистов. Гвардии младший лейтенант Нечаев увидел загоревшийся от артиллерийского огня танк (его экипаж находился вне танка), с риском для жизни вскочил в горящий танк, вывел его из-под огня и потушил пожар. Боевая машина была спасена.

Сразу же после овладения Ольшаницей туда прибыл командарм генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко. Осмотрев разбитые и сгоревшие вражеские танки, он похвалил танкистов нашей бригады за хорошую работу и, обращаясь к командиру бригады Н. Г. Жукову, спросил: "Кто у вас самый отважный, находчивый и инициативный офицер?" Комбриг ответил: "В бригаде много таких" - и, немного подумав, назвал несколько фамилий. Узнав, что в роте гвардии старшего лейтенанта Вертилецкого на ходу три танка, командарм попросил у него карту, прочертил на ней маршрут движения по тылам противника в направлении Перемышляны и поставил Вертилецкому задачу двигаться днем и ночью по этому маршруту, громя противника. Группу танков Вертилецкого усилили отделением автоматчиков.

Вот что вспоминал об этом рейде Вертилецкий: "К выполнению поставленной задачи приступил вечером 18 июля. Один танк двигался впереди, как разведка. Примерно через 10 километров показался населенный пункт. На его окраине группа немецких солдат занималась едой. Услышав шум нашего разведывательного танка, все бросились в лес. В это время к нам подошла боевая машина гвардейских минометов ("катюш"), сбившаяся с маршрута следования на Ольшаницу. Я попросил командира дать залп по скоплению противника в лесу, и он, выполнив мою просьбу, развернулся и уехал. Из своих пушек мы также послали с десяток снарядов в лес и, продолжая движение, вскоре увидели на лесной поляне несколько десятков разбитых повозок, полевых кухонь, мотоциклов и до 150 убитых и тяжелораненых солдат тыловых подразделений противника. Таков был результат нашего огневого налета. На большой скорости мы прошли в наступившей темноте этот участок. Через четыре-пять километров мы догнали обоз противника, и все, кто не успел свернуть с дороги, были раздавлены гусеницами наших танков.

...Глубокой ночью мы вышли на большую поляну, где я решил дать отдохнуть танкистам. Примерно через час на дороге, по которой мы прошли, показались три огонька. Судя по всему, к нам приближались легковые автомашины. Решили подпустить их

вплотную и при их подходе выпустить осветительную ракету, чтобы определить, кто едет. Когда ракета осветила дорогу, мы увидели подъезжающие к нам броневик и два "виллиса". На одном из них ехал наш командарм генерал Д. Д. Лелюшенко. Эта встреча обрадовала нас и командующего. На пути к нам был ранен его старший адъютант майор Константинов. Командующий связался по радио со штабом армии, сообщил, что догнал нас и приказал никого к нему не присылать. Похвалив нас за тот урон, который мы нанесли противнику, командарм принял решение дать всем два часа для отдыха и сам разместился в моем танке.

Все задремали.

Через час мы проснулись от сильной ружейной и автоматной стрельбы. Вокруг свистели пули. Наши автоматчики и экипажи танков тоже открыли беспорядочный огонь. Я выпустил несколько осветительных ракет и увидел большие группы противника. Одни убегали от нас, другие бежали к нам. На поляне загорелся стог сена и осветил ее. Это дало возможность вести прицельный огонь. К рассвету противник был рассеян, и стрельба прекратилась. У нас оказалось трое раненых, к счастью, легко, подбит один "виллис", но радиостанция на нем работала. Перевязали раненых. Командующий приказал построить личный состав группы, объявил всем благодарность за мужество и стойкость в бою, затем он сказал, что я назначаюсь его старшим адъютантом, а вся группа является его охраной до встречи со штабом армии.

С рассветом наша группа во главе с командармом двинулась на Перемышляны. Вскоре вошли в населенный пункт где скопилось много автомашин и подвод неприятеля Огнем из танковых пушек мы подожгли часть автомашин, другие обратились в бегство. Преследуя их, выскочили на противоположную окраину населенного пункта, и здесь на нас обрушился сильный артиллерийский и минометный огонь, который противник вел из района Перемышлян. Командующий по радио поставил задачу нашей авиации нанести удар по Перемышлянам. После того как наши самолеты сбросили бомбы на боевые порядки врага, мы возобновили движение, но при выходе на высотку вновь встретили сильный артогонь. Один наш танк загорелся. Пришлось остановиться и спешно укрыть все наши машины.

Командарм по радио руководил действиями частей армии, наступающих на Перемышляны. К середине дня они завязали бой уже в самом городе, а часам к 17 и нам удалось войти в Перемышляны. Командующий приказал построить личный состав группы. Он объявил всем благодарность за выполнение его задания и наградил меня орденом Красного Знамени, а

командиров танков орденами Отечественной войны I степени. Получили награды все члены танковых экипажей, автоматчики, бойцы взвода охраны командарма".

Рассказ гвардии старшего лейтенанта Вертилецкого раскрывает одну из характерных особенностей стиля управления войсками, присущую генералу Д. Д. Лелюшенко. Поездки из одного корпуса в другой, в передовые части, выполняющие боевую задачу в оперативной глубине обороны противника, были для него обычным делом. Когда он вспоминал в своих мемуарах о том, что выход 4-й танковой армии в глубокий тыл врага южнее Львова и захват Перемышлян заставил противника спешна начать отход с ранее занимаемого участка фронта западнее Тернополя, он скромно умалчивал о своем личном участии в захвате Перемышлян, позволившем оперативно принимать вытекающие из личных наблюдений решения, которые во многом предопределили успешный исход боевых действий.

Обстановка для немедленного освобождения Львова складывалась благоприятно, и командующий фронтом приказал 19 июля обеим танковым армиям на следующий день вступить в город. Перед 4-й танковой армией была поставлена задача стремительным ударом в обход города Львова с юга во взаимодействии с 3-й гвардейской танковой армией овладеть этим городом. Решающая роль в выполнении этой задачи принадлежала 10-му танковому корпусу, наступавшему в тесном взаимодействии с 6-м мехкорпусом. В ночь с 21 на 22 июля главные силы корпуса начали штурм Львова. Первым ворвался в город передовой отряд - 63-я гвардейская танковая бригада.

В это время 61-я гвардейская танковая бригада во взаимодействии с соединениями 60-й армии выполняла ответственную задачу - прикрывала правый фланг главных сил 4-й танковой армии, действовавших на Львовском направлении, не допускала выхода на Львов частей противника, пытавшегося прорваться из "бродского котла". Бригада вела упорные и тяжелые бои в районах - Ольшаница, Пшегноюв, Борткув. В этих боях наши воины проявили присущие им отвагу и мужество.

Так, у командира танкового взвода гвардии лейтенанта М. В. Побединского во время боя с противником в районе Борткув подбили танк. Он вылез из танка, поднял нашу пехоту, действовавшую с ним, и повел ее в атаку на противника. После боя он вернулся к своему танку и привел его на ремонт в роту технического обеспечения бригады. Отличился и командир танкового взвода гвардии лейтенант Лукьянов, который подбил один танк противника, а второй сжег. На большой скорости внезапно ворвался в Пшегноюв танковый взвод гвардии старшего

лейтенанта Заикина, уничтожив до двух взводов пехоты и артиллерийскую батарею. Смело действовал в районе деревни Княжи танковый взвод гвардии старшего лейтенанта Г. Ф. Пронина. На занимаемые взводом позиции вышла группа вражеских солдат и офицеров численностью более двух тысяч человек. Танк гвардии лейтенанта Н. Л. Юдина стал теснить противника на позиции 1089-го стрелкового полка, а два других танка отрезали немцам путь отступления к лесу. Видя безвыходность положения, фашисты стали сдаваться в плен. Действовавшие со взводом автоматчики разоружили 1160 немецких солдат и офицеров.

Противник стал собирать силы для новой попытки прорыва, но ему преградили дорогу танки Проника и Юдина, в то время как выдвинувшийся на западную окраину Княжей танк гвардии лейтенанта Н. Горбачева своим огнем старался рассеять скопление вражеских солдат. Однако танк Горбачева подорвался на минах, а сам лейтенант был ранен. Под прикрытием Юдина Проник устремился на помощь Горбачеву, но и его танк подорвался на минах. В этой критической обстановке Проник и Горбачев проявили хладнокровие, сумели продержаться до ночи, сохранить свои, впоследствии восстановленные, танки благодаря товарищеской поддержке Юдина, не подпустившего к ним противника. Для гвардии лейтенанта Горбачева это оказался последний бой. До самого Дня Победы он лечился в госпитале, где ему вручили орден Красного Знамени.

В этих боях отличились разведчики бригады под командованием гвардии лейтенанта Холина. Например, член партии заместитель командира взвода разведки гвардии старший сержант Чураков за один день уничтожил 23 вражеских солдата и 14 взял в плен.

В боях за Подъяркув образец отваги и бесстрашия показал гвардии рядовой батальона автоматчиков Абдул Джалил Магометов. В пылу боя он оторвался от своих товарищей и оказался перед лицом семерых немецких солдат, возглавляемых офицером. Они окружили его и требовали сдаться в плен. Солдат ответил огнем. Тогда в него полетела граната, взрыв которой нанес легкие ранения лица и рук. "Зачем бросал?" - в ярости закричал Джалил, бросился к офицеру, схватил его за пояс и ударом кулака убил фашиста, затем таким же способом уничтожил двух солдат, остальные пустились в бегство. Огнем из своего карабина он уничтожил их. За этот подвиг Магометов награжден орденом Красного Знамени.

Командование и политотдел бригады отправили бесстрашным воинам Г. Ф. Пронику и А. Д. Магометову, а также

их родным благодарственные письма. Были выпущены "боевые листки" с описанием их подвигов.

В ночь на 23 июля противник, прорвавшись из района Миклошов, Димбровица, Вилка Шляхецка, на юге перерезал шоссейную и железную дороги в районе Давидув.

61-я гвардейская танковая бригада, оставив 6 танков в засаде в Борткуве, выступила по маршруту: Ольшаница, Зацемне, Водники с задачей - очистить дороги от прорвавшегося противника и восстановить по ним снабжение наших войск, ведущих бой за Львов. К середине дня 23 июля бригада вышла в район села Романув, а к утру 24 июля в район Давидув вышла разведка в составе танкового взвода с отделением автоматчиков под командованием гвардии старшего лейтенанта Заикина. За ней в недопустимой близости следовала головная походная застава 1-го танкового батальона в составе четырех танков. Противник пропустил разведку и головную походную заставу в огневой "мешок" и внезапным огнем с близкой дистанции расстрелял их. Следовавший за ними 1-й танковый батальон укрылся в лощине.

Вот что впоследствии удалось узнать об этом происшествии. Первым был подбит и загорелся танк И. Л. Заикина. Командир и заряжающий были ранены, башнер убит. Радист-пулеметчик комсомолец Камалов и механик-водитель коммунист Филиппов выбрались из танка и бросились к своим товарищам, находившимся в башне горящего танка. Камалов помогал вылезти из нее раненому заряжающему, а Филиппов вытащил из башни тяжело раненного командира. Рискуя жизнью, под огнем вражеских пулеметов, он целый километр тащил ползком на плащ-палатке гвардии старшего лейтенанта Заикина и, выйдя из-под огня, на руках донес его до медицинского пункта бригады. Пока танкисты спасали раненых, автоматчики, действовавшие вместе с разведкой, заняли оборону, прикрывая танкистов своим огнем.

Следующим подбили танк гвардии лейтенанта Захарченко. Лейтенанта ранило, и, обливаясь кровью, он упал на башенного стрелка Белкова. После третьего попадания танк загорелся. Белков вытолкнул командира через верхний люк башни и, сильно обгоревший, вылез из охваченного огнем танка. Катаясь по земле, чтобы затушить загоревшуюся одежду, он заметил, что в таком же состоянии находится радист-пулеметчик гвардии старшина Засыпкин. Когда тот потушил огонь на себе, он подбежал к Белкову и стал помогать ему тушить одежду, а потом подальше оттащил от горящего танка. Через несколько минут танк взорвался. Ударной волной Белков был контужен и потерял

зрение. Для Степана Петровича Белкова, как и для гвардии старшего лейтенанта И. Л. Заикина, это был последний бой. Больше они в бригаду не вернулись. В этом бою погиб гвардии старший лейтенант Барабаш, а гвардии лейтенанта Мазая, выскочившего из танка, схватили фашисты.

По поручению комбрига гвардии полковника Н. Г. Жукова я направился к месту событий. На безымянной высоте, восточнее Давидув, разместился наблюдательный пункт бригады, на котором находился начальник разведки гвардии капитан Н. С. Рязанцев и с ним пять разведчиков. Северо-западнее этой высоты залегла рота автоматчиков гвардии старшего лейтенанта Лобаса, которая действовала вместе с 1-м танковым батальоном.

С наблюдательного пункта бригады хорошо просматривалась вся впереди лежащая местность. Справа и впереди на расстоянии полутора километров стояли наши подбитые и сгоревшие танки. Дальше, в двух-трех километрах от НП, в бинокль хорошо просматривались тяжелые танки противника. Это они расправились с нашей разведкой и головной походной заставой. Мы с начальником разведки насчитали 11 "тигров". По всему чувствовалось, что противник перейдет к активным действиям, попытается разгромить нашу бригаду.

Я приказал командиру 1-го танкового батальона Б. Н. Мочалову с началом атаки противника выдвинуть по лощине ближе к шоссе роту Гребнева, в составе которой были танки с 85-миллиметровой пушкой, и фланговым огнем уничтожить атакующие танки противника. Батарея 57-миллиметровых орудий, действующая вместе с 1-м танковым батальоном, должна была занять огневые позиции юго-западнее наблюдательного пункта и подготовиться к отражению атаки вражеских танков. Роте гвардии старшего лейтенанта Лобаса ставилась задача - в случае атаки гитлеровцев пропустить их танки, а пехоту отсечь огнем от танков.

Отдав все эти распоряжения, я доложил о них командиру бригады, и он утвердил мое решение. Только мы успели проделать все это, как увидели, что танки противника развернулись в боевой порядок и стали набирать скорость. За ними бежала пехота. В атаку шло примерно 30-35 танков Т-4, а "тигры" остались на месте, прикрывая огнем действия средних танков. Мой сигнал на выдвижение танков роты гвардии старшего лейтенанта Гребнева он, очевидно, не заметил. Дорога была каждая минута. Я выскочил из окопа и перебежал шоссе, которое уже простреливалось пулеметным огнем приближающихся танков. Спустившись в лощину, поставил Гребневу задачу - немедленно отразить атаку неприятеля.

Бой развивался скоротечно. Гребнев вывел свои танки на такую позицию, чтобы "тигры" не смогли причинить ему вреда. Гвардии старший лейтенант Лобас пропустил немецкие танки через траншеи, в которых залегли его автоматчики, и пулеметным огнем отсек пехоту от танков, заставил ее лечь, а потом и отступить.

Противотанковая батарея своим огнем с фронта и танковая рота Гребнева с флангов сожгли семь машин противника. Получив такой отпор и потеряв связь с пехотой, танки противника остановились, потом начали пятиться назад, затем развернулись и на большой скорости скрылись в роще за "спину" своих тяжелых танков. Больше на этом участке противник не атаковал. По числу потерянных танков мы с противником уравнялись, но горечь от утренних неудач не проходила.

После боя мы нашли изуродованное тело гвардии лейтенанта Мазая с вырезанной пятиконечной звездой. Это был не первый случай зверских пыток и издевательств фашистов над нашими бойцами, ранеными и беспомощными попадавшими в плен. В районе Ляходов и Подъяркув были обнаружены трупы наших связистов гвардии старшего лейтенанта Бражникова, гвардии лейтенанта Шарошова, рядового Калюжного и других. Они дрались с противником до последнего вздоха. Когда попали к фашистам, те выкрутили им руки, выкололи глаза, вырезали на лбу пятиконечные звезды, обезобразили тела. По поводу зверств гитлеровцев в бригаде и других частях корпуса состоялись митинги, на которых наши воины поклялись беспощадно уничтожать в бою извергов.

Тяжелые бои с бродской группировкой противника, всеми силами пытавшейся разрушить коммуникации 4-й танковой армии от Золочева до Львова, бригада вела до 27 июля. Тем самым она оказывала большую помощь частям армии, в том числе своему 10-му танковому корпусу в победоноснейшем завершении освобождения Львова, продолжая надежно прикрывать с фланга львовскую группировку наших войск.

В этих боях 26 июля вновь отличилась рота гвардии старшего лейтенанта Гребнева. В этот день для части личного состава бригады, не принимавшей участие в боевых действиях, давала концерт бригада приехавших на фронт артистов во главе с известным конферансье Гаркави. Только начался этот концерт, как командиру бригады гвардии полковнику Н. Г. Жукову доложили, что поблизости, в районе Шаломыя, наши слабо защищенные позиции атаковали шесть вражеских танков. Комбриг распорядился немедленно направить на отражение этой атаки роту Гребнева. Гвардии старший лейтенант Гребнев

действовал оперативно и расчетливо. На своем танке, имевшем на вооружении 85-миллиметровую пушку, он выдвинулся на хорошо замаскированную позицию, а остальные танки оставил в засаде. В смертельной схватке с шестью вражескими танками Гребнев сжег два "тигра" и одну "пантеру", нанося удары по бортам танков. Пока шло это сражение, воины бригады спокойно слушали концерт.

В боях в районе Шаломыя рота Гребнева уничтожила в общей сложности более 100 фашистских солдат и офицеров и пять автомашин. За эти подвиги гвардии старший лейтенант В. Гребнев был удостоен ордена Красного Знамени.

В ночь с 26 на 27 июля объединенными усилиями многих общевойсковых, и прежде всего танковых соединений, удалось полностью освободить Львов. Присвоение корпусу почетного наименования "Львовский" - это признание Родиной его военных заслуг, оно увековечило славные подвиги уральских добровольцев.

Почетные наименования "Львовских" получили и наша 61-я гвардейская Свердловская танковая бригада, а также 72-й тяжелый танковый полк, 359-й зенитно-артиллерийский и 1689-й истребительно-противотанковый полки. 62-я гвардейская Пермская танковая, 63-я гвардейская Челябинская танковая, 29-я гвардейская Унечская мотострелковая бригада, три полка и четыре отдельных батальона (дивизиона) удостоены боевых орденов. Весь личный состав заслужил благодарность Верховного Главнокомандующего. Это была высокая честь и большой праздник для наших воинов.

Взятие города Львова, разгром войск противника в "бродском котле" составили первый, основной этап участия бригады в Львовско-Сандомирской операции. На втором этапе 10-му гвардейскому Уральско-Львовскому танковому корпусу, а следовательно и нашей бригаде, предстояло внести свой вклад в выполнение боевой задачи 4-й танковой армии по разгрому Львовско-Станиславской группировки противника и последующему стремительному выходу к реке Висле, захвату плацдарма на ее западном берегу.

Получив приказ к утру 29 июля выйти в район Самбор, а к исходу дня овладеть районом Дрогобыч - Борислав, командир корпуса генерал-майор Е. Е. Белов принял решение-нашей бригаде в качестве передового отряда двигаться по маршруту: Сыгнеювка, Грудек-Ягелонский, Самбор и к вечеру 28 июля выйти в район Борислав. Бригаду усилили 357-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком и саперной ротой.

Вечером 27 июля мы выступили по указанному маршруту.

Впереди следовал 1-й танковый батальон, которым стал командовать гвардии капитан В. Г. Скринько, сменивший гвардии майора Мочалова. Скринько был ветераном батальона командовал сначала ротой, затем стал заместителем командира батальона. Он обладал спокойным характером, любил шутку, острое словечко, в самой трудной и опасной ситуации сохранял хладнокровие, сочетал высокую требовательность к подчиненным с заботой о них.

К утру 28 июля батальон вышел к Любень Вельки, по пути в районе Васювик он разгромил прикрытие противника, состоявшее из роты пехоты с двумя противотанковыми орудиями. Мост через реку Вершница оказался взорванным. Разведчики нашли брод, и к 17.00 бригада форсировала реку, вскоре достигнув Белицна Мале. Здесь боевую задачу уточнили и нам приказали наступать в направлении Дублены - Дрогобыч. Теперь впереди пошел 2-й танковый батальон. Достигнув населенного пункта Каланув, он встретил сильный артиллерийский и минометный огонь противника, который занимал оборону по рубежу реки Днестр на окраинах Самбора, Карловичи, Суперчицы, прикрывая таким образом район Дрогобыч - Борислав. 2-й танковый батальон с ходу атаковал противника в районе Карловичи, овладел северной окраиной этого населенного пункта и вышел к реке Днестр.

Комбриг гвардии полковник Н. Г. Жуков направил меня во 2-й танковый батальон для выяснения возможности форсирования реки Днестр в районе Карловичи. После того как я разыскал комбата, мы выслали разведку к берегу Днестра. В результате установили, что без овладения противоположным берегом форсировать Днестр танками нельзя. Попытка форсировать реку силами батальона автоматчиков успеха не имела. Добравшихся до противоположного берега Днестра автоматчиков противник контратакой отбросил в исходное положение.

В боях за Карловичи отличились комсорг роты автоматчиков Александр Перминов и редактор "боевого листка" Хихматулин. Они первыми ворвались в Карловичи и уничтожили 13 неприятельских солдат. Отважно действовал и комсомолец Бодяев. Он заметил на крыше дома корректировщика с радиостанцией, забрался туда и вынудил немецкого солдата вызвать огонь на себя. Бодяева ранило, а корректировщика убило.

В течение 29 и 30 июля бригада, другие части корпуса вели бои в районе Самбор, овладели северной частью города, но дальше продвинуться не смогли.

В ночь с 30 на 31 июля бригада получила приказ выйти из боя, сосредоточиться на северо-западной окраине Сусидовичи с задачей наступать в направлении Фельштын. Шифровку с

приказом мы получили в час ночи. Темного времени на вывод батальонов, ведущих бой с противником, оставалось чуть больше часа. Чтобы избежать потерь в том случае, если бы пришлось выводить подразделения из боя после наступления рассвета, я бросился бегом в батальоны, и мы за полтора часа отвели их в полном составе на четыре-пять километров от переднего края.

В течение 1-4 августа наша бригада во взаимодействии с 29-й гвардейской мотострелковой бригадой овладела северо-восточной частью Фельштын. Развить наступление дальше не удалось. В трудном положении оказался 3-й танковый батальон, овладевший северо-восточной частью Фельштын. Дороги, .которые вели к батальону, находились в зоне артиллерийского и пулеметного огня противника. Снабжение батальона, особенно горячей пищей, стало проблемой. Здесь проявила отвагу и находчивость Люба Загородняя. Обладая крепким сложением и незаурядной силой, она где ползком, где на четвереньках носила на своей спине тяжелые термоса с пищей и кормила бойцов.

Отвагу, техническую смекалку проявили офицеры и солдаты технической службы по восстановлению поврежденной в сражениях боевой техники. Так, гвардии техник-лейтенант коммунист Сурганов под огнем противника, с помощью экипажей, восстановил четыре поврежденных в бою танка, за что его наградили орденом Отечественной войны I степени. На награду он ответил новыми делами. На подступах к Фельштын он заметил два подбитых танка, принадлежащих другой части. Ночью Сурганов пробрался к этим танкам и установил, что после небольшого ремонта их можно своим ходом вывести с поля боя. На следующую ночь Сурганов и группа техников-добровольцев подползли к танкам, огнем из автоматов и гранатами отбросили пехоту противника, пытавшуюся им помешать, устранили неисправность и к рассвету вывели танки в расположение нашей бригады. За этот подвиг Сурганова представили к награждению орденом Красного Знамени.

Боевое умение и храбрость показал экипаж гвардии лейтенанта Виноградова. Благодаря четким действиям стрелка из танкового оружия гвардии старшего сержанта коммуниста Масленникова и механика-водителя гвардии старшего сержанта Морина, были уничтожены два противотанковых орудия, раздавлено четыре пулеметных гнезда, огнем и гусеницами уничтожено до взвода пехоты противника.

Смертью храбрых пал на поле боя отважный пулеметчик батальона автоматчиков Виктор Марфин. Он прикрывал огнем пулемета наступление своей роты. Противник засек расположение Виктора Марфина и открыл минометный огонь.

Одна из мин накрыла героя.

Командный пункт бригады размещался в монастыре неподалеку от Фельштын. Противник систематически подвергал командный пункт артиллерийскому и минометному обстрелу. Во время обстрела личный состав штаба укрывался в монастыре. Толстые стены надежно защищали от снарядов и мин. Только наша отважная радистка Таня Волкова не покидала своего поста у пульта радиостанции, обеспечивая непрерывную радиосвязь со штабом корпуса. Во многих местах кабину радиостанции пробили осколки. К счастью, Таня и радиостанция остались невредимы. Но все же и мы несли потери. 2 августа тяжело ранило помощника заместителя начальника штаба бригады по оперативной работе гвардии старшего лейтенанта М. Ф. Талашова, а телефонист, находившийся вместе с ним, погиб.

30 июля войска правого фланга 1-го Украинского фронта форсировали реку Висла в районе Сандомир и захватили большой плацдарм на ее западном берегу. Гитлеровское командование решило перебросить сюда танковые соединения со своего южного крыла и выбить наши войска с плацдарма. Командующий фронтом поставил 4-й танковой армии задачу - не допустить переброски этих вражеских соединений в район Сандомирского плацдарма, разбить и отбросить их в южном направлении в Карпаты. Во исполнение этой задачи 10-й танковый корпус должен был выйти в район Бирча Ломна, овладеть населенным пунктом Санок, не позволить противнику прорваться на северо-запад.

Наша бригада в ночь на 6 августа выступила из района северо-западнее Сусидовичи с задачей к исходу дня овладеть населенным пунктом Бирча. К середине дня передовой отряд бригады - 1-й танковый батальон - был встречен огнем с безымянных высот северо-восточнее Лещово. Командир бригады ввел в бой главные силы, и, несмотря на яростное сопротивление врага, бригада овладела этим населенным пунктом, затем Кузьмине, а к утру 7 августа вышла на подступы к Тырова-Волоска, овладела его северной окраиной. Дальнейшее продвижение приостановил сильнейший ружейно-пулеметный и артиллерийско-минометный огонь противника. В этом бою отличился пулеметчик батальона автоматчиков гвардии рядовой Янцитов. Он уничтожил 15 вражеских солдат.

В ночь с 7 на 8 августа бригада получила новую задачу. Ей приказали сдать свой участок 302-й стрелковой дивизии и наступать в составе корпуса в направлении: Писаревцы, Заршин, Новотанец все с той же целью - не допустить отхода танковых соединений врага в западном и северо-западном направлениях.

Днем 8 августа бригада перешла в наступление на Писаревцы, форсировала реку Сан и вышла на территорию многострадальной дружественной нам Польши. При форсировании реки Сан отличились бойцы саперного взвода бригады, которые под огнем противника разминировали мост. При этом смертью героев погибли саперы гвардии рядовые Малышев, Максимов, Содомов и Софронов. Тяжело раненный сапер Павленко за участие в разминировании и восстановлении моста был награжден орденом Славы III степени.

Трудно передать ту радость, которую мы испытали, когда на нашем направлении изгнали с родной земли ненавистных захватчиков. Но мы понимали, как много еще нужно сделать для достижения Победы, как велика наша ответственность за выполнение освободительной миссии по отношению к братскому польскому народу. С первых дней пребывания на польской земле мы стремились на деле доказать, какие дружеские чувства питаем к трудящимся Польши, с какой ответственностью относимся к выполнению нашего интернационального долга.

Поляки тоже повсеместно проявляли дружелюбие к нашей армии. Мне запомнился такой случай. При подходе к населенному пункту нас встретил пожилой поляк и предупредил, что дальше путь заминирован, и провел нас в объезд минированного участка дороги. Я не запомнил ни фамилии этого поляка, ни населенного пункта. Случаев таких за время боевых действий на территории Польши было много. С риском для жизни помогали нам поляки бить общего врага.

Ведя упорные бои, бригада преодолела яростное сопротивление противника. К исходу 3 августа наши подразделения вышли в район Пельше, где в течение двух дней, отражая контратаки немецких частей, потеснили их в направлении Заршин. 11 августа 4-я танковая армия получила приказ командующего фронтом к 15 августа выйти на Сандомирский плацдарм. 10-й гвардейский танковый корпус сдал свои боевые участки 241-й стрелковой дивизии и сосредоточился в районе Фалокови - Строгув.

На этом и закончились боевые действия бригады в Прикарпатье. Это были трудные и кровопролитные бои. Мы потеряли многих отважных сынов Родины, славных танкистов, автоматчиков, саперов, разведчиков. Среди них гвардии старший лейтенант Чучук, гвардии лейтенант Руденко - они сгорели в танках вместе со своими заряжающими Крючковым и Горобец. Здесь погиб и похоронен гвардии старший лейтенант Абрамов, получили ранения: Джерлиганов, Москин, Мещеряков, Талашов, Якубович, Овчинников, Олейник, Глушков, Маликов, Васильев,

Ефимов и другие. В местечке Чашки похоронены Кучеренко, Козинец, адъютант 1-го танкового батальона Курбан-Оразов.

С начала Львовской операции в бригаде было награждено 110 человек командиром бригады и 98 человек представлены к награждению командованием корпуса, армии и фронта.

Марш 4-й танковой армии на Сандомирский плацдарм протяженностью 400 километров осуществлялся скрытно в течение четырех ночей. Перед нашей армией, так же как перед 5-й гвардейской и 13-й общевойсковой армиями, ставилась задача - сменив 3-ю и 1-ю гвардейские танковые армии, решительными действиями сорвать попытки противника ликвидировать плацдарм, захваченный нашими войсками за Вислой.

Наша бригада двигалась впереди колонны корпуса как его передовой отряд по маршруту Ланцута, Карлювик, Гута Комаровска, Баранув и в ночь на 15 августа переправилась по понтонному мосту через Вислу. В боевых порядках бригады насчитывалось 18 танков Т-34. В этот же день вечером по тревоге мы заняли рубеж Олесница, высота 219,1 с задачей - не допустить прорыва врага в северо-восточном и восточном направлениях.

17 августа в партийных организациях батальонов и других подразделений прошли открытые партийные собрания, на которых коммунисты дали слово - не пропустить врага к Висле.

17-18 августа противник атаковал соединения 5-й гвардейской армии и кое-где сумел вклиниться в их позиции, но сильным контрударом нашего корпуса был отброшен, потеряв 150 солдат и офицеров, два танка. В боях отличились танкисты 61-й гвардейской Свердловско-Львовской танковой бригады, особенно из 2-го танкового батальона гвардии майора Никонова. В отражении атак участвовал и танк комбрига под командованием гвардии лейтенанта Савича.

19 августа 18 танков, до полка пехоты противника при поддержке артиллерии повели наступление на деревню Стшельце, которую обороняли пять танков 3-го танкового батальона под командованием гвардии майора Анкудинова. Наши танки были хорошо укрыты и замаскированы. "Ни шагу назад, без команды огня не открывать", - скомандовал комбат. Наступило томительное ожидание. Только тогда, когда головной танк врага приблизился на расстояние 120-130 метров, комбат подал команду: "Огонь!" Загрохотали пушки танков гвардии младших лейтенантов Мирошникова, Павельева, лейтенантов Горшкова, Олейникова. Один за другим вспыхивали вражеские танки, а уцелевшие начали пятиться назад. Но гитлеровские пехотинцы во весь рост приближались к деревне. Комбат приказал перенести огонь на пехоту. Длинные очереди танковых

пулеметов стали косить врага. Группе автоматчиков противника удалось проникнуть в деревню и засесть в домах. Наши танкисты стали крушить дома и хоронить под их обломками противника. Танки врага и его артиллерия открыли огонь. Поврежден танк комсорга роты гвардии лейтенанта Олейникова, сам он ранен, убит стреляющий гвардии сержант Рожин. "Выйти из боя", - приказал комбат механику-водителю гвардии старшему сержанту Тимошенко. Танк, прячась за домами, вышел из села, взяв на броню убитых танкистов. Этот экипаж уничтожил до сорока солдат противника, сжег танк "пантера" и прикрыл собой танк командира батальона. Встретив танк на выходе из боя, командарм генерал Д. Д. Лелюшенко тут же наградил орденами оставшихся в живых членов экипажа.

Между тем бой продолжался. Героически сражался экипаж танка гвардии лейтенанта Горшкова. Прямым выстрелом с дистанции 20 метров он сжег танк противника. На его машину обрушился огонь нескольких танков. Машина получила прямое попадание, от второго остановилась и загорелась. Командир танка погиб. За 20 минут до этого боя он послал заместителю командира батальона по политической части следующее письмо: "Гвардии майору Константинову. Тов. гвардии майор! Если я в смертельном бою с фашистами погибну, но не отступлю ни на шаг, прошу считать меня коммунистом. Кандидат в члены ВКП(б) гв. лейтенант Горшков".

Весь период боя я поддерживал радиосвязь с гвардии майором Анкудиновым. Когда в строю осталось три танка, он запросил помощь. Но мы ее дать не могли все подразделения бригады вели напряженные бои. Просьбу Анкудинова доложил находившемуся на наблюдательном пункте бригады командарму генералу Д. Д. Лелюшенко. "Передайте Анкудинову, - сказал командующий, - что он награжден орденом Красного Знамени, а все участники боя награждаются орденами по его представлению. Помощь ему. окажем, а сейчас нужно держаться и врага не пропускать".

Слова командующего вдохнули в танкистов новый прилив сил. Они жгли танки врага, горели сами, но не отступали. Вражеский снаряд пробил танк комбата. Командир танка член партии гвардии лейтенант Дмитриев, дважды раненный в этом бою, не оставил танк и, маневрируя между домами, продолжал сражаться. Он сжег танк противника, уничтожил бронетранспортер. Когда танк загорелся и его охватило пламя, экипаж оставил боевую машину, снял танковый пулемет и продолжал бой в пешем строю.

Под стать комбату действовал и его заместитель по

политической части гвардии капитан Сила, находившийся непрерывно в боевых порядках батальона. 14 часов непрерывного боя выдержали танкисты. С наступлением темноты в Стшельце вступили наши стрелковые част" с артиллерией. Противник отступил.

Все участники боя за Стшельце проявили невиданную стойкость и героизм. Пять наших танковых экипажей противостояли почти двум десяткам танков противника более полка пехоты, выстояли, несмотря на мощный огонь артиллерии, которому непрерывно подвергались весь период боя. В этом бою вновь отличилась-санинструктор батальона Анна Кванскова. Она вынесла из-под огня 12 раненых танкистов. За что удостоена ордена Славы III степени. С автоматом и гранатой отважно сражался старший адъютант батальона гвардии старший лейтенант Владимир Ковылов. Такую же стойкость, как танкисты 3-го батальона, проявили танкисты 1 и 2-го танковых батальонов, бойцы батальона автоматчиков.

Враг понес большой урон. Только в бою за Стшельце он потерял шесть танков и штурмовых орудий, три бронетранспортера, более 250 солдат и офицеров.

В конце августа противник нанес удар из района западнее Опатув. В то время как 6-й гвардейский мехкорпус и другие части 4-й танковой армии отражали этот удар, 10-й гвардейский Уральско-Львовский танковый корпус отбивал атаки противника в направлении Иваниска. Наша бригада прочно удерживала рубеж: Топорув, Господский Двор севернее Уязд, северо-восточные скаты высоты 288,8. Большую помощь нам оказывала авиация, наносившая мощные удары по атакующим танкам противника. Как правило, до переднего края нашей обороны доходила примерно половина вражеских боевых машин, а нередко советские штурмовики вовсе срывали атаку неприятельских танков. Большую роль в стабильности нашей обороны играла танковая засада от 1-го танкового батальона в составе трех танков, размещавшаяся в фольварке в километре северо-восточнее Иваниска. Все попытки противника уничтожить наши замаскированные танки ни к чему не привели, и он вынужден был прекратить бесплодные атаки.

Наша разведка с наблюдательного пункта установила, что в трех километрах северо-восточнее Иваниска сосредоточено около 30 танков в окопах. Их видел и командующий армией генерал Д. Д. Лелюшенко. У него возникло подозрение, что это не танки, а их макеты. Он дал задание бригаде проверить его предположение. Для выполнения этого задания выделил группу разведчиков во главе с гвардии старшим сержантом Денисовым.

Денисов выполнил задание отлично. С помощью оптических приборов он предварительно тщательно изучил расположение огневых средств, наблюдательных пунктов и ходов сообщения на переднем крае противника. В одну из ночей разведчики приступили к выполнению задания. Ночь оказалась лунной, и это затрудняло разведку. Пришлось через всю нейтральную полосу и оборону противника ползти на животе. К рассвету разведчики благополучно вернулись и подтвердили предположение командарма о том, что в окопах не танки, а их макеты.

До 12 сентября бригада находилась на указанном рубеже, поддерживая действия 71-й стрелковой дивизии. Противник вел себя в основном спокойно, и чувствовалось, что он исчерпал свои возможности и перешел к обороне. На этом Львовско-Сандомирская операция, по существу, завершилась.

В ночь на 13 сентября нашу бригаду, как и другие части 10-го танкового корпуса, вывели в район, находившийся на небольшом удалении от переднего края, в лесу восточнее Гризикамень.

От Вислы до Одера

Все войска нашего фронта готовились к завершающим операциям 1945 года, как большому, самому ответственному испытанию. Такая же тщательная подготовка развернулась и в нашей бригаде, во всех частях 10-го танкового корпуса. Можно сказать, что никогда еще бригада так основательно не укомплектовывалась боевой техникой и вооружением, как в преддверии предстоящей операции. Танковые батальоны получили новые танки Т-34 с 85-миллиметровой пушкой, вместо 76-миллиметровой, с которой трудно было вступать в единоборство с "тиграми".

Бригаду доукомплектовали личным составом до штатной численности. Вернулись из госпиталей ветераны бригады.

Для передачи нашего боевого опыта новичкам и сколачивания подразделений интенсивно проводились учения в обстановке, максимально приближенной к боевой. На одном из них, проводившемся с боевой стрельбой во взаимодействии с 29-й гвардейской мотострелковой бригадой, присутствовал командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев, он дал действиям наших бойцов и командиров высокую оценку. Как и раньше, часто приезжал в бригаду командарм генерал Д. Д. Лелюшенко и всякий раз брал на выдержку один из батальонов и проводил с ним учения по самой строгой программе.

Командиры и политработники старались сделать все возможное для того, чтобы лучше устроить быт воинов, создать максимально благоприятные условия для их отдыха после напряженных боев. В каждом взводе находились свои умельцы,

проявлявшие немало выдумки и изобретательства в оборудовании и утеплении землянок, они сооружали такие печурки и светильники, которые меньше коптили. В землянках, куда протекала вода,, бойцы мастерили дренажи под лежанками. В батальонах работали свои бани. Хватало забот и самодеятельным парикмахерам. Своевременно, точно по распорядку дня, бойцы отправлялись к походным кухням за завтраком, обедом и ужином, что не всегда получалось в период, боев, когда кухни отставали от стремительно двигавшихся танков и нередко приходилось довольствоваться сухим пайком. Вечером или после ночных занятий любой воин мог удобно устроиться на своем лежаке и спокойно выспаться.

В бригаде под руководством начальника политотдела гвардии подполковника И. И. Скопа и при активном участии замполитов батальонов гвардии капитана Брехова, гвардии майора Константинова, гвардии капитана Сила и гвардии майора Татарченко ключом била партийно-политическая работа. В каждой роте обновлялись поредевшие в ходе боев партийные и комсомольские организации, которые возглавили опытные и авторитетные воины. Состоялись семинары парторгов, комсоргов, агитаторов, редакторов "боевых листков". Командиры, политработники, партийный и комсомольский актив, агитаторы регулярно знакомили воинов с жизнью нашей страны, обстановкой на фронтах, разъясняли политическое значение борьбы за освобождение Польши. В батальонах выпускались газеты. Особенной популярностью-пользовалась газета "Автоматчик", ее редактировал комсорг батальона автоматчиков гвардии старший сержант Вадим Очеретин.

В составе офицеров штаба бригады не произошла значительных изменений, и это облегчало мою деятельность как начальника штаба, поскольку я опирался на устоявшийся, обогащенный опытом предшествующих боев коллектив.

Новый 1945 год воины бригады встретили с душевным подъемом и верой в скорую победу. К этому времени фактически закончилась подготовка к предстоящим боям. В штабе бригады мы уже располагали информацией об основных задачах намеченного наступления войск 1-го Украинского фронта. В Висло-Одерской операции войска фронта должны были нанести мощный удар с Сандомирского плацдарма с целью во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом разгромить кельце-радомскую группировку противника, освободить южную часть Польши, выйти на реку Одер и захватить плацдарм на его левом берегу. Сложность этой крупномасштабной задачи усугублялась тем, что немецко-фашистское командование, придавая большое

значение обороне на сандомирско-силезском направлении, открывавшем путь к центральным районам Германии, подготовило здесь семь оборонительных рубежей общей глубиной до 500 километров. Большая их часть проходила по берегам рек Нида, Пилица, Варта, Одер, которые и без того трудно преодолеть.

В начале января руководящий состав бригады участвовал в группе командира корпуса в рекогносцировке маршрута выдвижения бригады к переднему краю обороны противника, его переднего края и просматриваемой глубины обороны. Перед выездом на рекогносцировку мы переоделись в солдатскую форму. Рекогносцировка проходила под руководством нового командира корпуса гвардии полковника Н. Д. Чупрова. Генерал-майор Е. Е. Белов еще в октябре 1944 года вернулся на должность заместителя командующего 4-й танковой армии. В связи с тем что нам предписывалось следовать за 6-й гвардейской стрелковой дивизией, я обменялся сигналами взаимодействия с начальником штаба этой дивизии, участвовавшим в рекогносцировке.

10 января бригада получила задачу - с началом наступления следовать в голове главных сил корпуса за его передовым отрядом - 63-й гвардейской танковой бригадой в готовности развить успех передового отряда и в первый день операции овладеть узлом шоссейных дорог Хенцины. В этот же день в подразделениях бригады прошли митинги, собрания личного состава, на которых обсуждались задачи бойцов и командиров в выполнении боевого приказа.

В ночь на 11 января бригада построилась в батальонные колонны в следующем порядке: 1-й танковый батальон, штаб бригады, 2-й и 3-й танковые батальоны, артбатарея и минометная рота батальона автоматчиков. 1-я и 2-я мотострелковые роты и рота автоматчиков следовали десантом на броне танков. Учитывая холодное время, мы на свой штабной "додж" поставили будку, чтобы облегчить работу офицеров оперативной группы штаба, которая всегда находилась в боевых порядках бригады. В исходный район для ввода в прорыв бригада прибыла глубокой ночью 12 января. Впереди нас находились огневые позиции артиллерии, которая привлекалась для артиллерийской подготовки и обеспечения ввода в прорыв нашей армии. Я впервые имел возможность видеть реально, что значит создавать артиллерийскую плотность в 150-260 стволов на один километр фронта. Орудия буквально стояли длинными шеренгами с интервалами в несколько десятков метров друг от друга.

12 января в 10.00 началась артиллерийская подготовка. Хотя мы находились довольно далеко от огневых позиций, мощный рев

орудий, содрогающаяся земля производили ни с чем не сравнимое впечатление всесокрушающей силы "бога войны", как называли тогда артиллерию. Об эффективности нашего артиллерийского огня говорит и тот факт, что многие обезумевшие от страха солдаты и офицеры противника пришли в себя лишь в плену.

Вскоре после полудня наши стрелковые части овладели первой и второй позициями обороны противника, 0 в 14.00 последовал сигнал на ввод в прорыв главных сил 10-го танкового корпуса. За несколько минут до начала наступления к штабному "доджу" подошел комбриг гвардии полковник Н. Г. Жуков и сказал мне: "Василий Иванович, я что-то плохо себя чувствую, знобит, и поэтому прошу Вас ведите колонну на "виллисе", а я поеду в штабном автобусе". Это был мой последний разговор с комбригом. С офицером связи я пошел в голову колонны 1-го танкового батальона, где стояла машина комбрига с его бесстрашным водителем гвардии сержантом Ваней Поплавским. Командира 1-го танкового батальона гвардии капитана В. Г. Скринько я предупредил, чтобы он с батальоном неотступно следовал за "виллисом".

До переднего края обороны мы шли в светлое время. Справа и слева от укатанной гусеницами дороги стояли указки с надписью "мины". Впереди нас подорвался танк на мине. Все обходили его справа. На повороте хорошо виден боевой порядок идущей впереди нас 63-й гвардейской танковой бригады, а сзади только колонна 1-го танкового батальона нашей бригады. Остальные подразделения не просматривались, но беспокойства за них у меня не было, так как даже в наступающих сумерках оторваться от головного батальона они не могли. В 18.00 стало совсем темно, скорость движения уменьшилась, танки двигались без света, ориентируясь на фонари стоп-сигналов, чтобы не отстать или не наехать на движущийся впереди танк.

Около полуночи впереди послышались частые выстрелы танковых пушек, глухая трель пулеметов и дробь автоматов. Колонна 63-й гвардейской танковой бригады остановилась. Приказав комбату Скринько стоять на месте, я проехал в голову колонны, где увидел командира 63-й бригады гвардии полковника М. Г. Фомичева.

Он наблюдал, как ведет бой его головной батальон, которым командовал гвардии капитан М. Ф. Коротаев. Я спросил у комбрига, нужна ли какая-либо помощь от нашей бригады. Он ответил, что с небольшими силами противника расправится один Коротаев.

В это время подъехал командир корпуса гвардии полковник

Н. Д. Чупров. М. Г. Фомичев доложил ему обстановку, а я представился. "Где ваш комбриг?" спросил Н. Д. Чупров. Я доложил, что он следует за 1-м танковым батальоном. "Вызовите его ко мне", - приказал комкор. Посланный мною офицер связи вскоре вернулся и доложил мне, что за колонной 1-го танкового батальона он никого не обнаружил. Об этом я в свою очередь доложил командиру корпуса. Он приказал мне следовать вместе с 1-м танковым батальоном за штабом корпуса и одновременно принять меры для поиска основных сил бригады.

Примерно в 4 часа ночи на штаб корпуса вышла группа танков противника и открыла огонь. По приказу командира корпуса 1-й танковый батальон отразил атаку вражеских танков, после чего мы проследовали за штабом корпуса в деревню Петраковцы. В течение ночи мы с гвардии капитаном Скринько пытались связаться по радио с бригадой, но безрезультатно.

Утром 13 января мы перехватили радиограмму, в которой сообщалось, что бригада ведет в населенном пункте Лисув тяжелый бой с превосходящими танковыми силами противника. Я доложил об этом командиру корпуса и попросил разрешения выступить с 1-м танковым батальоном на помощь бригаде, но получил отказ. В середине дня прибыл начальник химической службы бригады гвардии капитан А. Я. Климович с запиской гвардии подполковника И. И. Скопа. Наш замполит сообщал, что комбриг гвардии полковник Н. Г. Жуков погиб, и просил немедленно прибыть в бригаду. Я доложил содержание записки командиру корпуса. Обеспокоенный этим, гвардии полковник Н. Д. Чупров разрешил мне отправиться в бригаду, но оставил 1-й танковый батальон в своем подчинении в качестве боевого прикрытия штаба корпуса. В сопровождении гвардии капитана Климовича и двух разведчиков я отбыл в Лисув.

В деревне Лисув перед нами предстало печальное зрелище. На месте бывших домов и надворных построек дымились пожарища. Повсюду виднелись обгоревшие остовы танков. Единственный уцелевший дом служил и медицинским, и командным пунктом бригады. Поздоровавшись с гвардии подполковником И. И. Скопом, офицерами штаба, я вступил в командование бригадой.

Выслав разведчиков на поиск тела погибшего гвардии полковника Н. Г. Жукова, заслушал доклады командиров танковых батальонов гвардии майоров Никонова и Анкудинова, командира батальона автоматчиков гвардии майора Бендрикова о состоянии их подразделений. В танковых батальонах сгорело 11 танков, столько же получили серьезные повреждения. На поле боя стояли остовы 35 сгоревших и полуразбитых танков противника.

Еще больше разбитой техники немцы успели эвакуировать.

По рассказу И. И. Скопа, докладам комбатов и офицеров штаба, события в бригаде после того, как она потеряла из виду 1-й танковый батальон, развивались следующим образом. Комбриг гвардии полковник Н. Г. Жуков, убедившись, что идущая впереди машина, которую вел заместитель начальника штаба бригады гвардии майор Долгополое, отстала от 1-го танкового батальона, взял управление в свои руки. Вперед, в направлении Лисув, он выслал разведку во главе с командиром танкового взвода гвардии лейтенантом М. В. Побединским. Двигаясь ночью без света, Побединский заметил подходящую с запада колонну фашистских танков. Укрывшись в хуторе, близ дороги, разведчики насчитали до 70 танков, о чем доложили по радио комбригу. Находившийся в боевых порядках 2-го танкового батальона гвардии полковник Н. Г. Жуков приказал пропустить немецкие танки.

Достигнув на рассвете деревни Лисув и дойдя до ее центра, разведка почти вплотную подошла к колонне немецких автомашин с артиллерийскими орудиями на прицепе. Около костров на обочине грелись, как ни в чем не бывало, солдаты, принявшие, очевидно, танки Побединского за свои. По приказу следовавшего на танке Побединского гвардии капитана В. А. Маркова взвод открыл огонь из пушек и пулеметов, рассеял гитлеровцев, многих из них взяли в плен, в том числе командира артиллерийского полка 17-й танковой дивизии.

Из доклада гвардии лейтенанта Побединского, показаний пленных гвардии полковнику Н. Г. Жукову стало ясно, что вот-вот на Лисув обрушится удар главных сил 17-й танковой дивизии противника. Он поставил задачу подразделениям на отражение атаки врага. На ключевых позициях у костела и кладбища заняла оборону рота гвардии капитана Маркова.

Не прошло и часа, как немцы открыли ураганный артиллерийско-минометный огонь и на подходе к деревне показались фашистские танки. В деревне начались пожары, заметались женщины, дети. Учитывая, что через 10-15 минут деревня станет ареной ожесточенной танковой схватки, командир 3-го танкового батальона гвардии майор Анкудинов поручил комсоргу батальона гвардии сержанту Рыжову и механику-водителю своего танка гвардии сержанту Музыченко как можно скорее отвести жителей деревни в безопасное место. Большинство жителей послушно последовали за Рыжовым и Музыченко. Выполнив приказ комбата, танкисты заняли свои места в танке.

В это время фашистские танки вошли в деревню и главный удар обрушили на позиции 2-го танкового батальона гвардии майора Никонова, прежде всего на роту Маркова. На танки

гвардии лейтенантов Побединского, Кузнецова, Абузгалиева, Маринина шли 17 "тигров". Марков доложил обстановку гвардии полковнику Н. Г. Жукову. "Из Лисува ни шагу!" - приказал комбриг.

Расставив танки с таким расчетом, чтобы нанести наибольший урон фашистам и одновременно постараться сберечь свою технику и людей, Марков приказал подпускать вражеские машины как можно ближе и потом бить их наверняка по уязвимым местам. Когда до танков противника оставалось 150 метров, он скомандовал открыть огонь. Четыре "тигра", метко пораженные экипажами гвардии младшего лейтенанта Лабуза, гвардии лейтенантов Абузгалиева и Побединского, задымились и вышли из строя. Ведя огонь по немецким танкам, Марков и его боевые, не знающие страха танкисты подбили еще несколько машин, удержали занимаемую позицию. Особенно отличились танковый снайпер Тихон Агафонов из экипажа Побединского, заряжающий 18-летний Володя Анфалов из экипажа Трофимова. Оставив на кладбище и около костела 13 сожженных "тигров" и "пантер", противник попятился назад.

Смело разила врага и танковая рота гвардии старшего лейтенанта М. Н. Вертилецкого. Она уничтожила 10 танков. Командира роты тяжело ранило, он потерял глаз, но продолжал оставаться в строю до конца боя.

Исключительную отвагу и бесстрашие проявил комбриг гвардии полковник Н. Г. Жуков. Он лично уничтожил семь вражеских машин. Его трагическая гибель болью отозвалась в сердцах воинов бригады, любивших своего командира за мужество, справедливую требовательность, заботливое отношение к подчиненным. Вместе с командирами батальонов и штабными офицерами я тяжело переживал потерю нашего руководителя и боевого товарища, у которого мы многому научились. Его умелое и расчетливое руководство боем, прежде всего искусное использование маневра, скоростей, сочетание танковых засад с действиями ударной группы, постоянная забота о непрерывной разведке, взаимодействии танков с мотопехотой и артиллерией и особенно стремление нанести как можно больший ущерб противнику и максимально сохранить силы бригады, - все это обогатило нас бесценным боевым опытом, который мы стремились в дальнейшем всячески умножать.

Уже на первом этапе боя за Лисув бригада добилась успеха, но и понесла немалые потери. Болванкой, пробившей башню танка, был убит гвардии лейтенант Маринин, тяжело ранен его заряжающий, прямым попаданием снаряда убиты перебегавшие пустырь начальник связи 2-го танкового батальона гвардии

старший лейтенант Г. Нерославский, адъютант штаба батальона гвардии лейтенант В. Чекиров. Тяжело раненный гвардии лейтенант Торопчин умер на руках гвардии лейтенанта Лебединского.

После короткой передышки бой возобновился с новой силой. Об этом, последнем, этапе ожесточенной борьбы рассказал Михаил Побединский в своих взволнованных воспоминаниях. Вот отрывок из них:

" - Внимание, танки! - опять кричат наблюдатели.

"Тигры" и "пантеры" движутся осторожно, медленно поводя длинными стволами по сторонам, делая частые остановки и изрыгая из жерл пламя. За ними ползут бронетранспортеры, ведя огонь из крупнокалиберных пулеметов и малокалиберных пушек. Над нами - зеленые я желтые струи трассирующих пуль. Разрывные пули ударяются о заборы и стены домов с трескучим хлопком, и тогда мерещится, что кто-то, зайдя с тыла, обстреливает тебя с коротких дистанций.

Расстояние до нас - метров 600, и оно неумолимо быстро сокращается. Стреляющие будто оцепенели у прицелов. Заряжающие с распаленными лицами едва успевают открывать затворы пушек, посылать в казенную часть стволов длинные и тяжелые латунные цилиндры снарядов. Лязгают клинья затворов. Стонут орудия... Часто приходится менять позиции, отходить от горящих построек. Выхожу, показываю механику Жоре Уханову, куда лучше податься со двора, и вижу мчащуюся на меня "пантеру". Впрыгиваю в люк. Агафонов сидит на своем стульчике за прицелом, свесив руки и голову, - он угорел, его душит рвота. Сталкиваю его со стульчика на днище башни, сажусь к прицелу, но едва устанавливаю перекрестие из двух смещающихся линий, как "пантера" проносится мимо. Поворачиваю башню влево. В прицеле вижу ныряющий, круто обрубленный зад "пантеры". Она мчится по могильным холмикам кладбища, сокрушая кресты, надгробья, ограды могил. Еще немного, и она скроется из поля зрения. В перекрестие попадает ее подпрыгивающий черно-белый крест. Нажимаю педаль ножного спуска, и "пантера", клюнув стволом в могильный холмик, окутывается дымом.

Тут же, как бы на смену "пантере", появляется "тигр". Он идет напролом, оторвавшись от следующих за ним машин. Последним подкалиберным снарядом Саша Кузнецов метко поразил нахала.

...Атаки, атаки. Мы потеряли им счет. Во время одной из них фашистская болванка угодила в "тридцатьчетверку" комбрига, прямо в боекомплект. До нас донесся как будто сдвоенный взрыв. На глазах гвардейцев погиб наш любимый командир полковник Жуков.

На правом фланге произошло замешательство среди танкистов другого батальона нашей бригады, у некоторых сдали нервы, и немцы получили возможность еще с одной стороны, на этот раз с тыла, наступать на группу Владимира Маркова. Все машины, которые у него остались, он собрал к кладбищу и сказал нам просто и честно: "Возможно, живыми мы отсюда не выйдем, попрощаемся". Он расцеловался со мной, с Кузнецовым, Абузгалиевым, с каждым из танкистов. Мы решили погибнуть, но не отдавать Лисув гитлеровцам.

И не отдали! Отбили двенадцать страшных танковых атак, поджигая "тигры" и "пантеры".

...Пошатываясь, сходились в круг. На рубчатый автомобильный скат присел Володя Марков. Бледный, с запекшейся на лице кровью, в прорванном, прожженном в нескольких местах комбинезоне, он выглядел измотанным до предела, а глаза меж тем светились лаской к нам, гордостью за своих танкистов.

...Из ограды костела вышел сереброголовый ксендз Ян Банах. Он, оказалось, наблюдал из костела, как мы бились с рассвета до темноты с танками немцев. Ксендз вошел в наш молчаливый круг, бережно обнял перевязанную окровавленную голову Толи Борзенкова и прошептал, как молитву: "Вшистко видзев... вшистко..."

Много видел на своем веку старый ксендз, но и предполагать не мог, что есть на свете такие люди, как советские танкисты".

Да, такими танкистами, такими верными защитниками Родины, как Владимир Александрович Марков, Михаил Васильевич Побединский и их боевые друзья из 2-го танкового батальона, по праву гордилась Свердловско-Львовская танковая бригада. Ветеран бригады доброволец Валентин Чесноков сказал: "Воюю с 1941 года, провел 46 танковых боев, но в таком, как сегодня, не доводилось участвовать ни разу".

После этого знаменательного боя в нашей бригаде появились первые полные кавалеры ордена Славы. Это свердловские добровольцы танкисты-пулеметчики Александр Демидович Катаев и Евгений Парфенович Самодуров, на боевом счету которых четыре уничтоженных танка, пять бронетранспортеров и до роты пехоты противника.

Боевые действия бригады и в целом 10-го гвардейского

танкового корпуса по достоинству оценил командующий 4-й танковой армией генерал Д. Д. Лелюшенко.

Он отмечал, что в районе Лисува "неприятелю было нанесено крупное поражение, более 180 танков, принадлежавших 16-й и 17-й танковым дивизиям, пылало на поле боя... Особую доблесть в ночном бою показала наша 61-я гвардейская Свердловская танковая бригада под командованием полковника Н. Г. Жукова, главным образом 2-й батальон майора В. Н. Никонова"{3}.

В связи с тем что обстановка складывалась в нашу пользу, командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев приказал, не теряя времени, повернуть находившуюся в движении 4-ю танковую армию, двинув ее в обход Кельце с юго-запада с тем, чтобы не допустить подхода новых резервов неприятеля в этот район. Для полной готовности к выполнению новой боевой задачи мы нуждались хотя бы в сутках отдыха, чтобы восстановить силы. Я обратился к командиру корпуса с просьбой предоставить нам это время, а также вернуть в состав бригады 1-й танковый батальон. Эту просьбу он удовлетворил. К исходу дня 13 января 1-й танковый батальон прибыл в наше расположение. Всю ночь на 14 января ремонтники трудились вместе с экипажами подбитых и неисправных танков над восстановлением боевой техники и к утру 14 января успешно завершили работу. В том, что мы снова имели более 50 боеспособных танков, была большая заслуга начальника технической службы гвардии подполковника Е. Н. Ширяева. "Борода", как уважительно называли его в бригаде, обладая незаурядными инженерными и организаторскими способностями, проявил изобретательность и настойчивость при выполнении этого задания. Он не смыкал глаз до тех пор, пока все поврежденные боевые машины снова стали в строй.

В середине дня бригада получила задачу - выйти в район Пекошув - Промник и перерезать пути отхода противника из Кельце в северо-западном направлении. Перед выступлением на выполнение этой задачи мы отдали последние воинские почести останкам погибшего комбрига Н. Г. Жукова и отправили гроб с его телом для захоронения во Львов, где его прах покоится и поныне на холме Славы. Остальных погибших танкистов похоронили с соблюдением траурного ритуала в Лисуве.

При выдвижении в район Пекошув - Промник я следовал в голове главных сил, имея впереди разведку и боевое охранение. Примером для меня было поведение в ряде предыдущих боев генерала Е. Е. Белова, предпочитавшего находиться непосредственно в боевых порядках, чтобы из первых рук получать информацию об изменениях в обстановке и оперативно

руководить боем. Так же действовал всегда и покойный комбриг Н. Г. Жуков.

Разведку возглавлял герой боя в Лисуве гвардии лейтенант М. В. Побединский. Обнаружив впереди по маршруту движения бригады скопление вражеских танков, он стал уточнять их расположение на местности и, пренебрегая опасностью, высунул голову из броневого люка. Прогремела очередь крупнокалиберного пулемета, и отважный командир упал в танк с окровавленной головой. Ранение оказалось тяжелым, и, чтобы спасти жизнь героя, мы отправили его на бронетранспортере в госпиталь. Провожая в тыл потерявшего сознание Побединского, все мы горевали, что вышел из строя настоящий человек, доблестный солдат, которого в бригаде искренне любили за боевую удаль, веселый характер. К счастью, благодаря искусству врачей и собственной выдержке, Миша Побединский выжил, сохранив на всю жизнь привязанность к родному боевому коллективу.

К исходу дня мы сравнительно легко овладели Пекошувом, а в Промнике противник оказывал упорное сопротивление нашему 2-му танковому батальону, усиленному ротой автоматчиков. Здесь дело доходило до рукопашных схваток, но все же городок мы взяли и тем самым перекрыли пути отхода в северо-западном направлении кельценской группировки противника. В бою за Промник ранило одного из храбрейших офицеров бригады Владимира Маркова. Мы потеряли смелого разведчика, добровольца гвардии сержанта Фолина.

Утром 15 января в расположение бригады прибыл заместитель командира корпуса гвардии полковник П. Д. Белов, которого в отличие от генерала Е. Е. Белова называли в корпусе "маленький Белов". За честность, порядочность, доброжелательное отношение к солдатам и офицерам все мы его любили. Доложив ему о состоянии бригады и обстановке на занимаемом ею участке, одновременно сказал, что ездить на беззащитном "виллисе" опасно - на каждом шагу можно столкнуться с группой противника, прорывающегося из окружения. На это он в шутку ответил, что знает, где противник есть, я где его нет. Идя по расположению 3-го танкового батальона, я ему докладывал, где выставлено охранение, как организовано наблюдение, и вдруг вижу, что в нашем направлении движется самоходная артиллерийская установка противника, очень похожая на нашу САУ-76. Видимо, поэтому ее и пропустили танкисты 3-го батальона. Шла она спокойно, беспечно, с открытыми люками. Я бросился к телефону и предупредил комбата 1-го танкового батальона, что в его

направлении движется самоходка противника. Достигнув центра населенного пункта, экипаж самоходки понял, где находится, закрыл люки и увеличил скорость. На выходе из населенного пункта самоходку уничтожили танкисты 1-го танкового батальона. Гвардии полковник Белов поздравил меня с "блистательной победой" и заторопился в 62-ю гвардейскую танковую бригаду.

Из этого происшествия я сделал серьезные выводы. Во-первых, потребовал от командиров постоянно и в любой обстановке сохранять высокую бдительность. Во-вторых, впредь в каждом батальоне при боевых действиях и на маршах в оперативной глубине, а также в местах временного отдыха выделять небольшие группы бойцов, главным образом разведчиков, на которые возлагалась задача вести наблюдение, следить за точным движением по заданному маршруту и выходом в заданный район. Одним из самых опытных и надежных проводников, на которого можно было положиться в сложнейших условиях, являлся разведчик гвардии рядовой И. П. Чепурышкин.

В середине дня 15 января в нашем направлении по шоссе, грунтовым дорогам и бездорожью стали появляться большие колонны противника. Это окруженная кельценская группировка пыталась пробиться на северо-запад. Заговорили наши танковые пушки, их огонь уничтожил несколько самоходных артиллерийских установок, бронетранспортеров и колесных машин противника. Бросая технику, немецкие подразделения пытались прорваться из окружения, минуя дороги. Для их преследования и уничтожения выделялось несколько танковых взводов 1-го и 3-го батальонов. Все попытки противника пробиться через Промник и Пекошув были отражены. Таким образом, бригада приняла активное участие в окружении и разгроме кельценской группировки противника. А основной вклад в овладение городом Кельце внесла 62-я гвардейская Пермская танковая бригада, она получила наименование Келецкой.

Выполняя приказ командира корпуса, бригада продолжала наступление в направлении Коньске, Пиоткув. В районе Коньске мы рассеяли разрозненные группы противника. Здесь отличился доброволец с Уралмаша разведчик гвардии сержант И. В. Соболев, уничтоживший трех гитлеровцев, захвативший в плен офицера с ценными документами. Отважный воин стал еще одним полным кавалером ордена Славы.

Бригада с ходу преодолела реку Пилица. На ее западном берегу противник подготовил оборонительный рубеж, но не успел занять его. После разгрома радомско-кельценской группировки

врага наши танкисты почти беспрепятственно хозяйничали в его оперативном тылу. Когда наша бригада подошла к Пиоткуву, немецкие части были уже выбиты из города объединенными усилиями 10-го танкового и 6-го механизированного гвардейских корпусов. За участие в освобождении Пиоткува (Петрокова) 63-й гвардейской Челябинской танковой бригаде было присвоено наименование Петроковской.

В районе Пиоткува в бригаде произошло неприятное происшествие. Из-за халатности подвыпившего нового командира 2-го танкового батальона капитана Намеднева, сменившего за три дня перед этим назначенного с повышением гвардии майора Никонова, батальон, с которым следовал и командирский танк гвардии лейтенанта Савича, сбился с маршрута бригады. В то время как бригада продолжала наступление в направлении на Белхатув, начальник разведки гвардии майор Н. С. Рязанцев отправился по моему заданию на розыск батальона. Только на следующий день мы получили радиограмму Рязанцева, что 2-й батальон и танк Савича обнаружены на подступах к Лодзи, куда они из-за непростительной ошибки комбата проследовали вместе с частями 6-го гвардейского мехкорпуса. После возвращения 2-го танкового батальона капитана Намеднева отстранили от должности комбата и направили в распоряжение штаба 4-й танковой армии.

Между тем бригада, выполняя приказ командарма генерала Д. Д. Лелюшенко, продолжала развивать успех, вышла на рубеж Шерцува. К концу дня 19 января бригада получила задачу - на следующий день захватить мост через реку Варта и город Бурзенин, обеспечив переправу главных сил корпуса через Варту. Выполнение поставленной задачи требовало немедленных действий, но они сковывались недостатком горючего. Выход нашли - заправили горючим танки 1-го батальона, слив его из баков остальных танков. Первый танковый батальон, усиленный батальоном автоматчиков, отделением разведчиков и саперов, составил передовой отряд бригады под командованием гвардии капитана В. Г. Скринько. На него возлагалась задача захватить мост и удерживать его до подхода главных сил бригады.

Во главе передового отряда двигался взвод гвардии младшего лейтенанта Н. Л. Юдина с приданными автоматчиками и саперами. Перед рассветом 20 января Юдин отклонился на два-три километра от заданного маршрута - вместо северо-запада он пошел на запад и противника перед собой не обнаружил. Получив донесение от Юдина, капитан Скринько продолжал спокойно вести батальон, находясь в голове колонны. На рассвете у деревни Видава батальон обстреляла вражеская артиллерия из

района Бурзенина. Это озадачило комбата, и он вновь запросил Юдина об обстановке и приказал уточнить, где находится разведка. Сориентировавшись на местности, Юдин понял, что отклонился от маршрута, и повернул взвод строго на север - танки пошли по правому берегу Варты на Бурзенин.

Узнав об этом, Скринько приказал закрыть люки танков и двигаться на повышенной скорости в направлении Бурзенин. Видимо, противник сосредоточил все свое внимание на ядре батальона, которое оказалось в двух километрах восточнее Бурзенина, и не заметил подхода взвода разведки с юга. Естественно, внезапное появление танков Юдина перед мостом вызвало растерянность у немецких солдат, охранявших мост. Минута, может быть, несколько мгновений паники врага - и этого хватило для быстрых действий решительного командира. Три танка на большой скорости ринулись на мост, открыв огонь по группе немцев, которая спешила к мосту.

Саперы во главе с рядовым С. П. Лабужским соскочили с первого танка и, увидев, что на каждой опоре моста подвешены огромные ящики с взрывчаткой, бросились вперед и моментально перерезали провода, идущие к зарядам. Тем самым удалось предотвратить взрыв моста.

В это время взвод Юдина при помощи десанта разведчиков, возглавляемых гвардии старшим сержантом А. Миляевым, быстро расправился с пушками противника на западном берегу Варты, подавив их огнем своих танков, и стал продвигаться на западную окраину Бурзенина.

Юдин радировал комбату, что захватил исправный мост. Скринько немедленно послал об этом донесение в штаб бригады и, несмотря на сильный артиллерийский огонь противника, устремился на помощь Юдину. Одну роту (в батальоне в тот период было две танковые роты) он оставил оборонять мост с востока, а с другой проскочил на западный берег, начал крошить там боевую технику вражеского противотанкового дивизиона.

Передав приказ командирам 2-го и 3-го танковых батальонов на предельной скорости двигаться в Бурзенин, сам на "виллисе" помчался в 1-й танковый батальон. При выезде из деревни Видава я увидел на небольшой высотке группу офицеров. Оказалось, что это командир 63-й гвардейской Челябинско-Петроковской танковой бригады гвардии полковник М. Г. Фомичев со своими штабными офицерами наблюдали за боем наших танкистов в Бурзенине.

Прибыв в Бурзенин, нашел В. Г. Скринько на площади в центре города. Он доложил, что противник силою до полка пехоты оказывает ожесточенное сопротивление, в домах засели

фаустники, представляющие серьезную опасность. Батальон автоматчиков направил основные усилия на борьбу с фаустниками и оказал большую помощь танкистам, очищавшим центр города.

Вскоре подошел 2-й танковый батальон, которым теперь командовал гвардии капитан Н. С. Моськин, бывший начальник штаба батальона, дотошный в службе, беспокойный и заботливый офицер. 2-й батальон сразу же включился в бой и через некоторое время во взаимодействии с автоматчиками очистил от врага северную окраину города. Прибывший 3-й танковый батальон вытеснил противника с южной окраины, и в результате город был полностью очищен от фашистов. Только в первые два часа боя за Бурзенин бригада уничтожила до полка вражеской пехоты, захватила 28 орудий, до 100 пулеметов, а к вечеру было захвачено полторы тысячи пленных 8-й пехотной дивизии противника, до 100 орудий и минометов. Потери бригады составили три танка и 25 человек убитых и раненых.

Наши танкисты и автоматчики действовали напористо и смело. Бессмертный подвиг совершил парторг танковой роты командир танка гвардии старшина Николай Свирчевский. Его танк был подожжен выстрелом из углового здания на площади. Экипаж мог спастись, покинув танк, но наши воины понимали, что если немедленно не расправиться с хорошо замаскированным противником, то он уничтожит еще не один наш танк. Передав по радио: "Прощайте, товарищи, иду на таран", Николай Свирчевский протаранил дом и уничтожил засевших в нем фашистов. Ценою своей жизни героический экипаж обеспечил успешное выполнение боевой задачи другими танками батальона.

К концу дня по мосту прошли на запад главные силы 10-го гвардейского Уральско-Львовского танкового корпуса и другие соединения 4-й танковой армии, и это позволило выйти к реке Одер на пять суток раньше срока, установленного командующим фронтом Маршалом Советского Союза И. С. Коневым.

За проявленные мужество и героизм при захвате моста через Варту и овладение городом Бурзенин присвоено звание Героя Советского Союза гвардии капитану Василию Григорьевичу Скринько, гвардии младшему лейтенанту Николаю Лукьяновичу Юдину и саперу Степану Петровичу Лабужскому. Николай Свирчевский и члены его экипажа удостоены посмертно орденов Отечественной войны I степени. Другие гвардейцы, отличившиеся в боях за переправу через Варту и освобождение города Бурзенин, были награждены орденами и медалями.

В Бурзенине находится братская могила воинов 61-й гвардейской Свердловско-Львовской танковой бригады. Это

святое место и для воинов Уральско-Львовского танкового корпуса, и для трудящихся братской Польши, во имя свободы и счастья которых отдали свои жизни многие сыны нашей Родины.

Вырвавшись на оперативный простор после переправы через Варту, 4-я танковая армия, а в ее составе и 10-й танковый корпус, быстро продвигались к реке Одер. Наша бригада прикрывала левый фланг корпуса, наступая в направлении Оделянув, Сульмежице, Трахтенберг. На пути к Трахтенбергу бригада встречала мелкие разрозненные части и группы противника, они устраивали засады и наносили удары фаустпатронами. Чтобы избежать потерь в танках и людях, в бригаде установили незыблемое правило - прочесывать пулеметным огнем опушки лесов, рощ, придорожные кусты и канавы. В населенных пунктах такой обработке подвергались подвалы, первые этажи, чердаки. Эта предупредительная мера дала положительные результаты. Мы почти не имели потерь от огня фаустников.

Памятным остался бой за Оделянув, к которому бригада подошла 22 января. Подходы к Оделянуву прикрывала небольшая, но глубокая река с илистым дном. Мост был взорван. Противник обстреливал берег реки из пулеметов. Подавив из танковых пушек вражеский огонь, мы настелили на тонкий лед в несколько рядов бревна.

В сооружении переправы участвовали поляки, разобравшие по собственной инициативе несколько сараев. По этой переправе прошли танки и колесные машины, следовавшие с нами. В бою за город нам активно помогали его жители. Они точно выводили наши танки и автоматчиков на огневые точки, засады, узлы связи, командные пункты и тылы противника. При такой активной помощи населения нам удалось почти без потерь разгромить противника, занимавшего Оделянув.

Первыми в нашей армии стремительной атакой форсировала Одер и захватила на его западном берегу плацдарм в районе Кёбен 17-я гвардейская механизированная бригада 6-го гвардейского механизированного корпуса. Подошедшая утром 25 января к Одеру в районе города Штейнау 62-я гвардейская танковая бригада предприняла попытку форсировать Одер, но ее постигла неудача. Танковый батальон гвардии майора Шотина захватил 60-тонный мост в Штейнау, разминировал его и завязал бой с превосходящими силами противника, но не получил вовремя поддержки от главных сил 62-й бригады. Воспользовавшись этим, немцы успели пробиться к мосту, вновь заминировали и взорвали его.

В городе осталось три танка этого батальона, экипажи которых героически вели бой с гитлеровцами, пока не кончились

боеприпасы к танковым пушкам и пулеметам. После этого отважные танкисты-гвардейцы капитан А. Брюзанов, лейтенанты А. Ермилов и И. Колупаев, сержанты М. Безруков, С. Буйнаков, А. Литовка, ефрейтор Г. Гасанов, рядовые И. Исаев и Б. Медведев вышли из танков и продолжали сражаться, ведя огонь из автоматов, уничтожая окруживших их немецких солдат гранатами. Выполнив до конца воинский долг, они погибли смертью храбрых.

Поскольку попытка взять с ходу Штейнау не удалась, командование прибегло к обходному маневру. 26 января 29-я гвардейская Унечская мотострелковая бригада на подручных средствах под ураганным огнем противника переправилась через Одер южнее Штейнау и захватила небольшой плацдарм в районе населенных пунктов Таркcдорф, Дибан. Бригада оказалась в трудном положении, подвергаясь непрерывным ожесточенным атакам танков и авиации противника. Требовалось ее как можно скорее поддержать танками. Военный совет 4-й танковой армии решил переправить танки нашего корпуса по понтонному мосту на участке 6-го гвардейского механизированного корпуса в районе Кёбен и оттуда ударом на Штейнау соединиться с 29-й гвардейской мотострелковой бригадой. В этой операции приняла участие наша бригада.

После того как бригада, переправившись на западный берег Одера, сосредоточилась на юго-западной окраине Кёбена, а затем вышла в район Заабница, мы получили задачу - не допустить прорыва подходящих танковых сил противника к Штейнау, а частью сил, ударом с запада, содействовать нашим войскам в овладении Штейнау. Первую часть задачи я возложил на 1-й танковый батальон гвардии капитана Скринько, а вторую - на 2-й танковый батальон гвардии капитана Моськина.

Первый танковый батальон выступил 30 января против выдвигавшихся с северо-запада танков противника и завязал бой прямо с марша. Танки шли навстречу друг другу. Со стороны противника в колонне насчитывалось до 30 танков, с нашей - 15. С дистанции 1200 - 1500 метров наши танкисты первыми открыли огонь и сразу же подожгли несколько танков противника, идущих в голове колонны, после чего перенесли огонь на ее середину и хвост. В этом скоротечном бою противник потерял 8 танков, отказался от попыток прорваться к Штейнау и отошел в северо-западном направлении. 1-й танковый батальон потерь в материальной части не имел, но понес тяжелую утрату - погиб герой боя за Бурзенин гвардии лейтенант Н. Л. Юдин. Он проявил лихость: стоя на броне башни с биноклем, корректировал огонь своего танка. Осколком разорвавшегося вблизи снаряда он был

убит.

Несколько иначе проходил длительный, напряженный бой 2-го танкового батальона в Штейнау. Батальон в составе пяти танков, усиленный батареей самоходных артиллерийских установок, в сумерках 30 января подошел к юго-западной окраине Штейнау. И, когда совсем стемнело, войдя в город, двигался к его центру. Город словно вымер. Ни света в окнах домов, ни одной живой души на улицах. Достигнув площади, окаймленной длинными двухэтажными кирпичными зданиями и гаражом во дворе, гвардии капитан Моськин здесь разделил свои силы. Три танка и одну самоходку он оставил под своим командованием, устроив засаду на площади. Остальные силы (два танка и две самоходки) под командованием командира батареи САУ гвардии капитана Алексеева направил к старой крепости, к главному узлу сопротивления противника, с задачей устроить засаду на пути выхода танков противника из крепости.

Эти две группы вели боевые действия самостоятельно. Первой вступила в бой группа гвардии капитана Алексеева. В связи с тем что в самом начале боя Алексеев погиб, группу возглавил свердловчанин командир танка гвардии младший лейтенант П. И. Лабуз. Увертываясь от ударов противника, наши воины метким огнем наносили большой урон фашистам. П. И. Лабуз расставил танки таким' образом, чтобы они, взаимодействуя друг с другом, контролировали все выходы из крепости, также имели возможность не подпускать близко вражескую пехоту. Почти двое суток храбро дралась с врагом группа гвардии младшего лейтенанта П. И. Лабуза, не допуская прорыва танков противника из крепости. За это время она уничтожила восемь танков, 12 бронетранспортеров и более 100 солдат неприятеля. Когда противник бросил против группы П. И. Лабуза до 20 боевых машин, молодой воин не растерялся, умелым маневром он обманул гитлеровцев: вначале быстро отошел, а потом на полной скорости зашел в их тыл и подбил четыре танка. За подвиги, совершенные в бою за Штейнау, Павел Иванович Лабуз был удостоен звания Героя Советского Союза.

Храбро и находчиво действовала и группа гвардии капитана Моськина. О том, как развивались события вскоре после того, как комбат расставил танки в засаде в районе центральной площади, рассказал в своих фронтовых записках разведчик И. П. Чепурышкин:

"Машины нашей засады были уже расставлены, когда с соседней улицы стал доноситься лязг гусениц немецких танков. Комбат приказал экипажу танка, стоявшего справа за домом, не высовываться и не стрелять, пока первая немецкая машина не

появится из-за угла. А экипажу нашей самоходки, расположенной во дворе, приоткрыть ворота слева от здания и направить ствол между створками ворот.

- Открыть огонь только после выстрела танка, - добавил капитан.

Лязг становился все громче, нарастало напряжение. Наконец на площадь вползли два огромных "тигра", выкрашенных белой краской и облепленных людьми в белых маскхалатах. На темном фоне сквера они хорошо выделялись. Когда первый танк появился в поле зрения "тридцатьчетверки", раздался выстрел. Сразу же выстрелила и самоходка. Объятые пламенем, оба вражеских танка остановились. Из окон второго этажа разведчики поливали из автоматов разбегавшихся от горящих танков вражеских солдат. Стрельба быстро прекратилась, а "тигры" горели долго, освещая площадь колеблющимся светом"{4}.

На рассвете комбат Н. С. Моськин послал группу разведчиков в составе Денискина, Чепурышкина, Чураева с задачей найти группу Лабуза и установить с ней связь. Вскоре около костела они обнаружили танк из группы Лабуза. Около него дежурил механик-водитель гвардии старшина Чесноков, охраняя покой экипажа, отдыхавшего внутри танка. На вопрос: "Как прошла ночь?" - Чесноков ответил: "Нормально. Загнали мы фрицев вон туда", показав на трехэтажное здание с колокольней. На следующую ночь наши танкисты огнем из танковых пушек разрушили это здание, под обломками которого были погребены вражеские автоматчики и снайперы.

В ночь на 1 февраля противник предпринял попытку прорваться через площадь, но наткнувшись на засаду гвардии капитана Моськина, заметался по улицам между площадью и крепостью, потерял еще несколько танков и бронетранспортеров и капитулировал. В целом за время боев в Штейнау танкисты 2-го батальона уничтожили 20 танков, много другой техники неприятеля. Наши потери составили два подбитых танка, один из которых восстановили силами батальона. Город Штейнау очистили от фашистской нечисти, мост через реку Одер быстро восстановили и использовали для переброски на завоеванный плацдарм стрелковых частей, а также боеприпасов, горючего, других видов довольствия для частей нашего корпуса.

Бой за Штейнау оказался последним боем 61-й гвардейской Свердловско-Львовской танковой бригады в Висло-Одерской операции.

Пройдя с боями более 500 километров, бригада, как и другие части корпуса, нуждалась, естественно, в отдыхе, приведении в порядок своих подразделений, и такую передышку ей

предоставили. Сосредоточившись в деревне Заабниц западнее Штейнау, бригада направила усилия на ремонт и восстановление боевой техники, пополнение запасов снарядов, патронов, горючего, продовольствия. Много внимания уделялось подведению итогов проведенных боев.

В партийно-политической работе большое место заняло воспитание у личного состава высокой бдительности и сознательной дисциплины, установление правильных отношений с местным немецким населением, вытекающих из гуманных принципов коммунистической морали. Надо сказать, наши воины, проникнутые идеями интернационализма, своей доброжелательностью, готовностью прийти на помощь жителям немецких населенных пунктов в налаживании нарушенном войной снабжении продовольствием, оказании медицинской помощи, восстановлении работы жизненно необходимых предприятий и учреждений, быстро завоевали доверие трудящихся немцев, которых до этого запугали геббельсовской лживой антисоветской пропагандой.

Передышка, предоставленная нам по окончании Висло-Одерской операции, была короткой. Но она помогла восстановить физические и духовные силы личного состава, повысить боеспособность бригады. Мы восстановили и ввели в строй все поврежденные танки. Через пять суток бригада имела в строю 45 боевых машин. Все раненые и больные эвакуированы в армейские и фронтовые госпитали. Пополнились и снова стали полнокровными партийные и комсомольские организации. Мы были готовы к новым боевым действиям.

Сражения в Силезии

8 февраля с плацдарма севернее Бреслау войска правого крыла 1-го Украинского фронта, в том числе 4-я танковая армия, начали Нижнесилезскую операцию. Удары наносились из района южнее Глогау в направлениях на Котбус и Пенцих. Наши войска значительно превосходили группировку противника и по пехоте, и по артиллерии и танкам. 4-я танковая армия наступала в полосе 13-й армии, и ей приказали прорывать вражескую оборону совместно с первым эшелоном общевойсковых соединений, а затем, развивая успех, вырваться вперед и увлечь за собой пехоту.

10-й гвардейский танковый корпус, входя в первый оперативный эшелон 4-й танковой армии, имел задачу - совместно с 395-й и 350-й стрелковыми дивизиями 13-й армии наступать в направлении Шпроттау, Зорау, Форст. Наша бригада, составляя первый эшелон корпуса, должна была совместно с 350-й стрелковой дивизией прорвать оборону противника севернее Любека, после чего стремительно наступать в направлении

Оберау, Порхау, Шпроттау.

Бригаду усилили мотострелковым батальоном гвардии подполковника Ф. И. Дозорцева из 29-й гвардейской мотострелковой бригады и самоходно-артиллерийским полком гвардии подполковника И. Б. Слуцкого. По плану взаимодействия, согласованному с командованием 350-й стрелковой дивизии, она взяла на себя захват первой позиции обороны противника, а вторую нам предстояло прорывать совместно, после чего бригада отрывается от пехоты и самостоятельно выполняет свои боевые задачи.

Рано утром 8 февраля бригада вышла в район исходных позиций, причем 1-му и 2-му танковым батальонам пришлось их занимать С боем. После 50-минутной артподготовки 350-я стрелковая дивизия продвинуться вперед не смогла. Противник оказывал упорное сопротивление огневыми средствами из опушки лесного массива. Узнав о причинах задержки наступления, командир корпуса приказал мне прорывать оборону противника силами бригады. Посоветовавшись с комбатами, решил нанести удар в стыке оборонявшихся подразделений врага после короткого, но мощного артиллерийского налета. Танковые батальоны и следовавший за ними самоходно-артиллерийский полк буквально протаранили оборону противника. Наш дерзкий маневр оказался неожиданным, враг считал, что танки в лес не пойдут, а лес-то-как раз и благоприятствовал нашему прорыву.

При завершении прорыва обороны противника тяжело ранило одного из ветеранов бригады командира 1-го-танкового батальона Героя Советского Союза гвардии капитана В. Г. Скринько. На лесной просеке я встретил танк, на котором его вывозили в тыл. Он сидел на своем излюбленном месте, на шаровой установке лобового пулемета, и так сохранял самообладание, что выглядел абсолютно здоровым. Наша мимолетная встреча оказалась последней.

Василий Григорьевич долго лечился в госпитале, но все же ногу пришлось ампутировать, служить больше он не смог.

Начальника штаба 1-го танкового батальона гвардии старшего лейтенанта Пронина, мужественного сподвижника В. Г. Скринько, также тяжело ранило.

При прорыве обороны я стал свидетелем события, которое никогда не изгладится из моей памяти. Наблюдая за боем, я укрывался от ружейно-пулеметного огня противника за корпусом сгоревшей нашей самоходки. Со мной находились ординарец Саша Лобачев и офицер-связи. Вдруг я услышал стон и увидел в метрах тридцати от меня лежащего на открытом месте раненого бойца. К нему бросился стоявший сзади меня солдат, но, не

добежав до раненого, упал, сраженный пулей снайпера. Тут же на помощь уже двум раненым устремился еще один боец, и его постигла та же участь. Третьего солдата, который хотел прийти на помощь пострадавшим, я удержал силой и распорядился выпустить несколько осколочных снарядов по району, где предположительно засел немецкий снайпер. Когда подавили огонь снайпера, раненым воинам оказали медицинскую помощь и их отправили в санчасть. Вспоминая об этом случае, я думаю о том, как свято соблюдали наши воины суворовский девиз: "Сам погибай, а товарища выручай".

Преодолевая сопротивление противника, мы вышли вечером из леса на ровное, как стол, плато. Слева вырисовывался силуэт Оберау. Если в лесу мы шли колонной, то выйдя на простор, 1-й и 2-й танковые батальоны развернулись в боевой порядок "линия", чтобы атаковать оборону совместно с мотострелками батальона гвардии капитана Ф. И. Дозорцева. Чтобы избежать больших потерь от прицельного огня танков и артиллерии противника, решили овладеть южной окраиной Оберау ночью. Должен сказать, личный состав бригады был обучен боевым действиям в ночное время, вел их обычно уверенно и инициативно.

Третий танковый батальон гвардии майора Анкудинова и батальон автоматчиков гвардии майора Бендрикова находились во втором эшелоне бригады в готовности отразить возможные атаки противника с флангов. Самоходному артиллерийскому полку гвардии полковника Слуцкого я поставил задачу - занять огневые позиции вдоль дороги Любен - Оберау и всеми самоходками вести огонь по лесу, примыкавшему к северной окраине Оберау, где наша разведка установила скопление резервов противника.

Мы торопились до рассвета овладеть южной окраиной Оберау, чтобы противник утром, обнаружив нас на открытом месте, не нанес прицельным огнем больших потерь. А в данный момент нас спасало то, что в темноте немцы вели огонь из танков и артиллерии наугад, не нанося нам ощутимого ущерба.

После огневого удара наших танков по Оберау в деревне вспыхнул пожар. На его фоне выделялся вражеский танк, и наши танкисты без промедлений подожгли его. После этого 2-й танковый батальон частью своих сил захватил южную окраину Оберау, а затем 1-й танковый батальон зацепился за западную окраину деревни. Мотострелки гвардии капитана Дозорцева, взаимодействуя с танками, начали очищать от фашистов улицу за улицей. К рассвету бригада полностью овладела южной частью деревни.

Утром 9 февраля противник предпринял попытку выбить нас

из южной части деревни. Контратаковал он небольшими силами при поддержке трех танков и двух самоходок. Атаку мы отбили и медленно, но уверенна овладевали дом за домом, продвигаясь к северной части Оберау.

Во второй половине дня подошли части 350-й стрелковой дивизии, и бригада выступила в направлении Шпроттау. Первым подошел сюда утром 11 февраля, 3-й танковый батальон гвардии майора Анкудинова. Разведчики, следовавшие с головным танком, доложили, что за опушкой леса, у северной окраины Шпроттау, находится военный аэродром противника, его опоясывает железная дорога, по которой курсируют два бронепоезда. Неподалеку мы увидели вышку и, незамеченные противником, использовали ее для наблюдения. На аэродроме стояло несколько десятков самолетов, к ним подходили заправщики топливом, немецкие солдаты подвешивали бомбы. Судя по всему, шла предполетная подготовка.

Подошли основные силы бригады. Батальонам поставили следующие задачи: 1-му танковому уничтожить бронепоезд, находящийся севернее аэродрома, 2-му танковому уничтожить бронепоезд южнее аэродрома, 3-му танковому вместе с батальоном автоматчиков атаковать и захватить аэродром. Когда комбаты доложили о готовности к выполнению боевых задач, я приказал дать условный сигнал атаки красной ракетой. И вдруг, словно в ответ на наш сигнал и запуск танковых моторов, со стороны аэродрома в нашем направлении противник открыл огонь из зениток такой интенсивности, какой я не испытывал за весь период войны. Воздух заполнился огнями всех цветов радуги. Деревья, скошенные огнем зенитных средств, упали, словно их мгновенно срезало могучей пилой.

Помню, как было трудно и неудобно взбираться на вышку по неустойчиво прибитым планкам, а вот как я и мои спутники очутились внизу - не помню. Удивительно, что никто из нас не сломал и даже не вывихнул ни ноги, ни руки, ведь падать пришлось с высоты не менее четырех метров. Лежа на земле, ругал себя за неосмотрительные и рискованные действия, за которые мы могли заплатить дорогой ценой. Но времени для долгих размышлений не оставалось. Поскольку огонь зениток противника не причинил никакого ущерба, я подал знак головным экипажам, чтобы они немедленно вступали в бой.

Оправившись от минутного оцепенения, танкисты ринулись в атаку. Вскоре гвардии капитан Гребнев, только что вернувшийся из госпиталя и назначенный вместо В. Г. Скринько командиром 1-го танкового батальона, доложил, что бронепоезд противника уничтожен. 2-й танковый батальон нанес серьезные повреждения

другому бронепоезду. Но тот сумел уйти своим ходом. 3-й танковый батальон, за боевыми порядками которого я следовал, разогнал пулеметным огнем обслуживающий персонал аэродрома и не дал подняться в воздух ни одному самолету. Автоматчики подавили очаги сопротивления, уничтожили часть солдат и офицеров противника, многих взяли в плен. Совместными усилиями личного состава 3-го танкового батальона и батальона автоматчиков было захвачено 50 исправных самолетов, батарея зенитных орудий, несколько десятков крупнокалиберных зенитных пулеметов, склад авиабомб. Южной частью Шпроттау овладела 63-я гвардейская танковая бригада.

В Шпроттау бригада не задерживалась. Командующий армией поставил задачу: стремительным ударом в направлении Заган захватить переправу через реку Бобер. В голове бригады шел 1-й танковый батальон с автоматчиками гвардии майора Бендрикова на броне танков. Я следовал с этими силами. Остальные силы бригады вел гвардии полковник К. Т. Хмылов, назначенный перед завершением Висло-Одерской операции начальником штаба бригады. Надо сказать, что это был боевой офицер большого личного обаяния.

1-й танковый батальон двигался на максимальной скорости, которую позволяли ночные условия и меры безопасности. Я тревожился, как бы наши автоматчики не замерзли на морозном ветру, но на привале выяснил, что они расположились у жалюзей моторных отделений танков и, согретые выбрасываемым вентиляторами воздухом, ухитрялись даже спать во время движения танков. Когда мы достигли деревни Велерсдорф, расположенной у реки Бобер, нас встретил командир разведывательного дозора и доложил, что противник, завидя приближающиеся наши танки, отошел на западный берег реки и взорвал за собой мост.

Поставив гвардии майору Бендрикову задачу - выслать пешую разведку вверх и вниз по течению реки в поисках переправ через Бобер, я зашел в один из домов и в первой же комнате увидел стол, уставленный посудой с пищей и бутылками вина. По всем признакам, немцы, не успев позавтракать, поспешно бежали. Ни одного жителя деревни мы пока не встретили. Через некоторое время разведчики доложили, что в двух-трех километрах вниз по течению реки находится работающая гидроэлектростанция. По всем данным, по плотине можно пройти на противоположный берег с легким оружием. Когда подошли главные силы, я поставил батальону автоматчиков задачу - при огневой поддержке танков 1-го батальона захватить электростанцию, не допустив взрыва плотины.

Подойдя к электростанции, автоматчики бросились к плотине, и одна рота быстро оказалась на противоположном берегу. Малочисленная охрана почти не оказала сопротивления. Саперы разминировали плотину и здание электростанции. Весь батальон автоматчиков перебрался на левый берег реки, а главные силы бригады сосредоточились на правом берегу.

О захвате электростанции и плацдарма на западном берегу реки Бобер я отправил радиодонесение в корпус и армию. Сил батальона автоматчиков оказалось недостаточно для прочного удержания захваченного плацдарма, и я попросил прислать подкрепление. Вскоре на усиление прибыл батальон 29-й гвардейской мотострелковой бригады, который вместе с нашим батальоном автоматчиков расширил плацдарм. Очевидно, по этой причине или по какой-то ошибке в регистрации донесений в воспоминаниях генерала Д. Д. Лелюшенко указывается, что 29-я бригада, форсировав реку Бобер, заняла гидроэлектростанцию.

Подтянув до полка пехоты, два-три дивизиона артиллерии и минометов, пять штурмовых орудий, противник 12 февраля настойчиво атаковал наши силы на плацдарме, но его атаки успешно отражали автоматчики нашей и мотострелки 29-й бригад. Сопровождающие атаку пехоты противника штурмовые орудия, вышедшие на открытую местность, были сожжены огнем танков 1-го танкового батальона.

К моменту начала атак противника подошел понтонный парк, и саперы под огнем вражеской артиллерии навели мост. Первыми по нему прошли танкисты нашей бригады. Нужно сказать, что переправа танков по понтонному мосту требует от механиков-водителей большого мастерства и мужества. Понтонный мост под тяжестью танка делается "живым", он "дышит", то опускается, то поднимается. Малейшая небрежность, неточность, растерянность грозят бедой - танк может свалиться в воду, разрушить мост. Вот почему переправа танков по понтонному мосту даже в обычных условиях требует от личного состава хорошей организации, предусмотрительности и высокой дисциплины. При переправе под огнем противника все эти требования возрастают многократно. Зная, как важно для танкистов чувствовать, что опасности, которым они подвергаются, разделяют их командиры, вместе с офицерами штаба я стоял при въезде на мост, подбадривая механиков-водителей и командиров танков, которых я всех знал в лицо. За последним танком переправился и я на машине Поплавского.

После переправы через реку Бобер бригада получила задачу - к исходу дня 13 февраля овладеть важным узлом дорог и мощным опорным пунктом немцев городом Зорау. В качестве усиления

бригаде придали батальон 29-й гвардейской мотострелковой бригады, самоходно-артиллерийскую батарею истребительного артиллерийского полка гвардии полковника Н. С. Шульженко. Последняя особенно была нам нужна для борьбы с появившимися у противника тяжелыми танками "королевскими тиграми", отличавшимися от обычных "тигров" обтекаемой формой корпуса и более мощной броней.

Изучая по карте полученную задачу, мы поняли, что противник будет удерживать город Зорау любой ценой, так как он как бы запирал выход наших войск к реке Нейсе. Город окружали леса, особенно с востока, что облегчало противнику организацию обороны. Посоветовавшись, мы пришли к выводу, что брать город "в лоб" не следует, поскольку в этом случае мы можем понести большие потери. Решили атаковать город не с востока, откуда нас ждет противник и где им создана прочная противотанковая оборона, а обойти его лесами и затем нанести удар с севера. Чтобы ввести противника в заблуждение, мы организовали имитацию наступления с востока. Для этой цели выделили усиленный танковый взвод, который возглавил командир роты гвардии старший лейтенант В. И. Москаленко.

Как только отряд Москаленко ушел на выполнение задания, бригада, не доходя до Зорау десяти километров, свернула с шоссе в лес и стала пробираться просеками и лесными дорогами в заданный район севернее Зорау. Впереди шел танковый взвод с разведывательным отделением, которое возглавлял отважный разведчик Иван Чепурышкин. Далее двигались танковые батальоны с автоматчиками и мотострелками на броне танков. После поворота на другую просеку мы, как говорят, нос к носу столкнулись с двумя самоходно-артиллерийскими установками противника, которые стояли почти вплотную борт к борту. Экипажи их сидели сверху и завтракали. От неожиданного появления перед ними нашего танка они как бы оцепенели, затем, не произнеся ни звука,, спрыгнули с машин и скрылись в лесу. Разведчики пустили им вслед несколько автоматных очередей. Так нам достались совершенно новые самоходки типа "слон".

Появление бригады у северной окраины Зорау оказалось полной неожиданностью для противника. Мы сравнительно легко захватили всю северную часть города. Но, придя в себя, в дальнейшем враг оказал упорное сопротивление. Засевшие в подвалах домов и на чердаках солдаты полицейской бригады "Вирт" вели огонь из автоматов, фаустпатронов, пулеметов. Частично им оказывало помощь мужское население города. Яростные схватки велись за каждый дом, квартал города. Мы организовали тесное взаимодействие наших танков с пехотой.

Пехотинцы шли немного впереди и, уничтожая фаустников, расчищали танкам путь и указывали цели. Танки, двигавшиеся по левой стороне улицы, уничтожали огнем своих пушек огневые средства немцев на ее правой стороне, а танки, идущие по правой стороне улицы, били по целям на левой стороне. Этот способ взаимодействия танков с пехотой мы впоследствии применяли в боях загорода и крупные населенные пункты.

В Зорау нас восторженно встретили советские и французские военнопленные. Французских военнопленных насчитывалось более четырех тысяч, советских - более двух тысяч. Наши военнопленные, да и французы, просили дать им оружие, чтобы сражаться вместе с нами против фашистов. Я распорядился, пока идут бои, держать военнопленных в лагерях во избежание никому не нужных потерь. Военнопленным разъяснили, что если потребуется их помощь, то мы об этом их попросим.

Преодолевая ожесточенное сопротивление фашистов, бригада во второй половине дня очистила от противника значительную часть города и, выйдя к железной дороге, лишила немецкие войска возможности использовать шоссейную и железную дороги, проходившие через Зорау. Как мы и ожидали, противник не смирился с потерей города и предпринял контратаку на Зорау с запада, обрушив на нас сильнейший артиллерийский и минометный огонь. Эта контратака не застала нас врасплох, мы отбили ее с большими потерями для противника.

У нас появились раненые, а из медиков в бригаде остался один гвардии капитан медицинской службы И. С. Матешвили. Наш медсанвзвод по пути к Зорау попал под удар противника и понес большие потери - погиб и его командир гвардии капитан медицинской службы Сластенин, который в предыдущих боях очень много сделал для спасения раненых. Погибли и многие другие врачи и военфельдшеры, а те, кто уцелел, не смогли пробиться в Зорау.

Матешвили получил задание срочно развернуть в Зорау госпиталь для раненых, эвакуировать которых мы не могли, так как сражались в полуокружении. Решили медперсонал укомплектовать из врачей, имевшихся среди освобожденных военнопленных, и частично из местных врачей-немцев. Матешвили энергично взялся за дело и госпиталь через несколько часов открыл. Раненые воины бригады, а их к завершению боя за Зорау насчитывалось 145 человек, получили квалифицированную медицинскую помощь. Помнится, что из числа врачей, освобожденных из плена, в бригаде до конца войны служил бурят хирург Атаев.

В первой половине дня 14 февраля в Зорау вошел штаб

корпуса, вместе с которым следовал заместитель командарма гвардии генерал-майор Е. Е. Белов. Я удивился этому, ибо противник держал на крепком замке все подступы к городу. Усмехаясь, генерал Белов сказал, что он старый охотник и умеет читать следы. Короче, он провел штаб по нашим следам. Генерал Белов тепло поздравил меня и всех воинов бригады с успешным захватом Зорау, поинтересовался организацией обороны города, пожелал нам успехов и выступил в направлении Тейплиц, где ожидалась встреча штаба корпуса с 62-й гвардейской танковой бригадой.

Во второй половине дня в Зорау прибыл 299-й гвардейский минометный полк корпуса во главе со своим отважным, обаятельным командиром гвардии подполковником Василием Константиновичем Зылем. Его появление удивило меня еще больше, чем приход штаба корпуса, ведь его тяжелые минометы в походной колонне были беззащитны. Как бы то ни было, я обрадовался приходу полка, мы искренне уважали его командира и храбрых минометчиков, которые в боях не раз поддерживали своим мощным, сокрушительным огнем атаки бригады. Оказалось, полк прошел по маршруту штаба корпуса. По нашей просьбе минометный полк около суток поддерживал бригаду своим огнем в трудном бою с превосходящими силами противника, но по приказу командира корпуса 15 февраля двинулся в направлении Тейплитц.

Следующий день оказался очень трудным. С утра противник предпринял ожесточенные атаки крупными силами сразу с трех направлений: восточного, западного и южного. Атаки пехоты и танков поддерживались массированным огнем артиллерии и минометов, ударами авиации. Особенно напряженно шел бой за удержание восточной окраины города, куда рвались два полка вражеской пехоты и 30 танков. Этот участок оборонял 3-й танковый батальон гвардии майора Анкудинова и противотанковая артиллерийская батарея полка гвардии полковника Шульженко. В ожесточенном многочасовом бою батальон и батарея удержали свои позиции. Противник понес большой урон: сожжены 10 танков, уничтожено более 150 солдат и офицеров. Мы потеряли три орудия, из личного состава батареи в строю осталось восемь человек, среди личного состава бригады имелись убитые и раненые. В числе тяжелораненых находился комбат гвардии майор Анкудинов. Вместо него командиром 3-го танкового батальона назначили вернувшегося незадолго перед этим из госпиталя гвардии капитана В. А. Маркова.

Слаженно действовал при обороне Зорау штаб бригады во главе с гвардии полковником К. Т. Хмыловым. Бесперебойное

управление боевыми действиями, непрерывная связь с подразделениями, хорошо организованные разведка и наблюдение исключали элемент внезапности в атаках противника.

18 февраля я получил задачу от командарма, продолжая удерживать Зорау, частью сил выступить в направлении Бенау и, оказав помощь командиру стрелковой дивизии 101-го стрелкового корпуса, командный пункт которой окружен противником, затем поступить в подчинение командира 6-го гвардейского мехкорпуса и ударом с запада на восток овладеть Бенау. Дело в том, что, в связи с образовавшимся разрывом между стремительно наступавшей 4-й танковой армией и следовавшей за ней 13-й армией, противник предпринял попытку отрезать наши части, вырвавшиеся к Нейсе. Нанеся удар силами танковой и пехотной дивизий, полицейской бригады "Вирт", враг захватил половину Бенау и окружил войска 4-й танковой армии. Требовалось объединенными усилиями 4-й танковой и 13-й армий принимать срочные меры для разрядки создавшейся опасной обстановки. В число таких мер входили и предстоящие действия нашего отряда.

Для выполнения задачи, поставленной командармом, привлекался 1-й танковый батальон, с которым я решил выступить лично вместе с начальником разведки гвардии майором Рязанцевым и группой офицеров штаба. Руководство обороной Зорау временно возлагалось на начальника штаба бригады гвардии полковника К. Т. Хмылова. К западной окраине Бенау мы подошли с батальоном в составе 11 танков и группой разведчиков в сумерках 18 февраля и остановились на опушке леса. Наблюдением установили, что с севера из леса к западной окраине Бенау подходит группа танков противника. Мы увидели три танка, остальные скрывал лес. Я стоял около головного танка, где командиром орудия был один из лучших танковых снайперов бригады гвардии старшина Тебеньков. Ставлю ему задачу сжечь танки противника. В душе мало надеялся, что он выполнит эту задачу: полумрак наступившего вечера, расстояние до цели не менее 1500 метров. Но гвардии старшина Тебеньков блестяще выполнил приказ: с первого выстрела поразил и поджег головной танк, со второго - третий, а третьим выстрелом оставшийся между горящими танками - второй танк. Три пылающих танковых костра преградили путь остальным. Я от души обнял и расцеловал героя-танкиста.

Теперь мне надлежало проехать на командный пункт стрелковой дивизии, который находился в деревне в двух-трех километрах западнее Бенау. Путь в эту деревню лежал по дороге,

проходящей в 600-700 метрах от обороны противника. Объезжать целиной по вязкому грунту не менее опасно, чем ехать по дороге. Решили с Рязанцевым проскочить под огнем противника, надеясь, что у него к вечеру ослабляются наблюдение и готовность к открытию огня. В конце нашего пути дорога разветвлялась - вправо вела в Бенау, а влево - в деревню на командный пункт стрелковой дивизии. Поворот у развилки приходилось сделать на большой скорости примерно на 90 градусов. Я ехал на "виллисе" с водителем Ваней Поплавским, Рязанцев на трофейном бронетранспортере с водителем из числа советских солдат, только что освобожденных из плена. Мы вихрем промчались по дороге, и противник не успел сделать ни одного выстрела.

Командный пункт стрелковой дивизии размещался в костеле, вокруг которого стояло 10 танков и самоходно-артиллерийских установок. Командир дивизии, пожилой генерал-майор, сказал, что надобность в нашей помощи отпала, так как дивизия выполнила задачу сама. Теперь нам предстояло возвращаться к своим танкам. Должен признаться, что ездить под дулами автоматов и пулеметов противника не представляло никакого удовольствия, но заставляла необходимость. С Рязанцевым условились, что поедем так же, как и ехали сюда. Ваня Поплавский сделал лихой поворот на развилке дорог, и мы устремились вперед со всей скоростью, на какую был способен наш старенький "виллис".

Вот и опушка, где стоят наши танки. Выскочив из машины, я посмотрел назад и вдруг увидел, как бронетранспортер Рязанцева мельнул на въезде в Бенау. Значит, водитель не сделал поворот, как мы, а поехал прямо-в Бенау, к противнику. Мое сердце сжалось от опасения за судьбу гвардии майора Рязанцева.

В мрачном настроении я обдумывал сложившуюся ситуацию. И вдруг вижу подъезжает к нам машина Рязанцева. Как он рассказал, водитель забыл сделать поворот на развилке дорог и поехал в Бенау. Машина не вызвала подозрения у противника, так как она была типичным немецким бронетранспортером, да и водитель сидел в немецкой форме. Так они проехали часть Бенау и, сделав повороту первой попавшейся дороги, вернулись к себе.

Уже совсем стемнело, когда к нашей группе танков подошли пять танков Ис-2 6-го гвардейского механизированного корпуса во главе с его командиром гвардии лолковником В. Ф. Орловым. Я представился ему и сказал, что жду его указаний по организации боя за Бенау. На это он ответил: "Товарищ подполковник, на войне командует тот, у кого есть сила. У вас 11 танков, а у меня пять, вот вам и командовать этими объединенными силами". Я поблагодарил за доверие и изложил

свой план боя по овладению Бенау: внезапный удар по противнику .нанести через полтора часа, атаковать тремя группами танков с тем, чтобы разрезать силы противника, затруднить ему маневр и управление боем, а затем повести наступление навстречу друг другу. Я заверил, что танкисты и автоматчики, обученные ведению боя в ночных условиях, к рассвету очистят Бенау от немцев. Гвардии полковник Орлов согласился с моим планом и подчинил мне свои пять танков. Так боевая судьба свела меня с молодым энергичным командиром 6-го гвардейского мехкорпуса.

Как же развивался бой в Бенау? Ориентирами для наступления трех созданных групп служили: костел, ко.локольня которого ясно вырисовывалась на светлой полосе неба, громада прямоугольного здания левее костела и западная окраина Бенау. Группой, наступавшей на костел, командовал старший лейтенант Лысун, в его распоряжении имелось пять танков и взвод автоматчиков. Группой, наступавшей на прямоугольник высотного здания, командовал комбат гвардии капитан Гребнев с 6-ю танками и двумя взводами автоматчиков. Гребневу поручалось при соединении с группой Лысуна взять на себя руководство боем. Руководство группой, наступавшей в направлении западной окраины, я взял на себя. В моей группе помимо шести тяжелых танков 6-го гвардейского мехкорпуса были командирский танк гвардии лейтенанта Савича, отделение разведчиков и отделение саперов.

Движение групп в атаку началось без открытия огня и без световых сигналов - по времени, направление движения выдерживалось по ориентирам. Моя группа первой вступила в бой, ибо западная окраина Бенау находилась на удалении от опушки леса не далее одного километра. Первыми тремя домами овладели быстро, противник не оказал серьезного сопротивления. В двух домах разместился В. Ф. Орлов с сопровождавшими его офицерами и бойцами. Третий дом отвели под мой командный пункт.

Дальнейшее продвижение к центру Бенау замедлилось из-за упорного сопротивления противника. При нашем приближении к каменному дому, представлявшему из себя вместе с надворными постройками своеобразную крепость, фашисты в ответ на наше требование открыть ворота повели сильный огонь. Пришлось Савичу огнем своего орудия "открывать" эти ворота и брать маленькую крепость. Выбивая немцев таким путем из каждого следующего дома, мы продвигались к центру Бенау.

Гвардии старший лейтенант Лысун доложил по радио, что его группа, достигнув костела, отражает атаки противника,

который лезет со всех сторон. Приказал Лысуну не уступать захваченных позиций и пообещал ему помощь Гребнева. Действительно, через некоторое время Гребнев донес, что соединился с Лысуном и принял общее руководство боем батальона. Таким образом мы овладели центром Бенау, разъединив силы противника.

На рассвете 19 февраля на мою группу силой примерно до батальона пошла в психическую атаку пехота противника. Огонь, который мы открыли из всех видов оружия, противника не остановил. Плотные массы вражеской пехоты, несмотря на потери, накатывались на нас. Исход боя решили два зенитных 37-миллиметровых орудия, открывшие огонь по приказу гвардии полковника В. Ф. Орлова, они охладили горячие головы фашистов.

Сначала немцы замедлили свое продвижение, потом остановились, и вдруг все, кто уцелел, в панике побежали в лес. После отражения этой атаки противника его силы, находившиеся между моей группой и группой Гребнева, заметно иссякли. С востока навстречу нам нанесли удар по фашистам части нашей армии, занимавшие восточную часть Бенау. Батальон Гребнева соединился с подразделениями 22-й самоходно-артиллерийской бригады.

Задачу по овладению Бенау мы решили, о чем я доложил гвардии полковнику Орлову. Поблагодарив за службу, он тут же ушел со своей группой к главным силам 6-го гвардейского мехкорпуса. Возглавляемый мною отряд в составе 1-го танкового батальона и группы управления в середине дня 19 февраля вернулся в Зорау, где уже находились общевойсковые соединения 13-й армии.

Импровизированный госпиталь расформировали, раненых эвакуировали в армейский госпиталь. Приступили к эвакуации военнопленных. Делегация французских военнопленных посетила меня и вручила адрес с благодарностью Красной Армии за их освобождение.

В связи с тем что бригада в течение почти шести суток вела тяжелые бои с превосходящими силами противника, мы не могли произвести учет захваченных трофеев. Выяснилось, что они значительны. В Зорау захватили более 200 самолетов, хранившихся на тайных складах, в том числе много самых новейших истребителей.

Похоронив погибших, в том числе уральцев-добровольцев Рептуна, Девятова, Полянского, Инкина, Сургонова и отдав им воинские почести, утром 20 февраля бригада выступила в Тейплитц и в этот же день присоединилась к главным силам

корпуса, которые вели бои у реки Нейсе. В Тейплитце мы получили от командования корпуса задачу - овладеть городом Трибель. Не имея средств усиления, я решил брать этот город с наступлением темноты. Считал, что решительными действиями в ночном бою мы нанесем поражение противнику с меньшими потерями, чем днем. Учитывалось и то обстоятельство, что, по данным разведки, город обороняли плохо обученные солдаты фольксштурма и различные тыловые подразделения немцев.

После переданного по радио сигнала танковые батальоны в 21.00 начали наступление. Находясь в боевых порядках батальона автоматчиков, я руководил по радио действиями танкистов. На восточной окраине города мы попали под прицельный огонь вражеского пулемета, но, к счастью, минометчики довольно быстро засекли и подавили его. В результате согласованных, быстрых действий танковых батальонов и батальона автоматчиков к рассвету 21 февраля город оказался в наших руках. С рассветом появилась авиация противника. Бомбежка причинила больше вреда населению города, чем нам. Танкисты успели укрыть машины в каменных надворных постройках.

Взятием города Трибель завершилось участие нашей бригады и всего корпуса в Нижне-Силезской операции. Ее оперативно-стратегическое значение состояло в том, что войска 1-го Украинского фронта сразу же после Висло-Одерской операции, не дав опомниться противнику, совершили рывок от Одера до Нейсе и приблизились еще на 100-150 километров к логову врага. Командующий фронтом Маршал Советского Союза И.С. Конев высоко оценил этот подвиг советских солдат и офицеров, "которые, казалось бы, сделав все, что в силах человеческих, при наступлении от Вислы до Одера все-таки на следующий день с неослабевающим мужеством вступили в новые ожесточенные семнадцатидневные бои, приведшие их на подступы к фашистскому Берлину"{5}.

За успешное выполнение задач в ходе Нижне-Силезской операции бригада удостоена ордена Суворова II степени.

В этой операции еще наглядней, чем в предыдущих, проявилось возросшее боевое мастерство личного состава, особенно танковых экипажей, их способность и умение использовать до конца превосходство нашей бронетанковой техники. На собственном опыте наши танкисты убедились в превосходстве танка Т-34, с которым не могли сравниться новейшие немецкие танки. Свою "тридцатьчетверку" воины бригады полюбили за ее надежность в бою, высокую маневренность, хорошую проходимость, неплохую броню, отличное 85-миллиметровое орудие. При подведении итогов боя

в Нижней Силезии командиры танковых батальонов попросили командование бригады выразить от имени танкистов благодарность рабочим, техникам и инженерам Нижнего Тагила, откуда бригада получала танки, за высокое качество их работы. Мы с большой радостью выполнили эту просьбу. Да и сами наши танкисты в письмах к землякам не раз выражали гордость за первоклассное оружие, которое дает фронту родной Урал.

Вслед за Нижне-Силезской 1-й Украинский фронт провел Верхне-Силезскую операцию, в ходе которой предусматривалось окружить и уничтожить противника на оппельнском выступе и в самом Оппельне. Для выполнения этой задачи создавались две ударные группировки: Северная и Южная. Северная (оппельнская) группировка, в которую вошли 21-я армия, 4-я танковая армия, другие соединения, имела задачу нанести удар по врагу из района Гротткау на юго-запад в направлении Нойштадт. Южной (ратиборской) группировке предстояло наступать навстречу Северной (оппельнской) группировке в западном и северо-западном направлениях. 10-му гвардейскому танковому предстояло наступать совместно с 117-м стрелковым корпусом в направлении Нейсе, овладеть им, а на второй день - городом Нойштадт.

В период подготовки к новым боям в бригаде, как всегда, активно проводилась партийно-политическая работа, состоялись собрания партийного актива, собрания в первичных партийных организациях, на которых анализировались итоги Нижне-Силезской операции, определялись задачи, которые предстояло решать. В подразделениях приводилась в порядок боевая техника. Произошли некоторые изменения в командном составе. Так, начальника штаба бригады гвардии полковника К. Т. Хмылова назначили командиром отдельной танковой бригады. Вместо него начальником штаба бригады стал гвардии подполковник Н. П. Беклемешев, который до этого командовал корпусным разведывательным батальоном.

4 марта 1945 года бригада получила задачу - выйти в район Бунцлау, занять рубеж обороны и составлять резерв командующего фронтом. Задачи выполнять только по письменному или устному приказу, никаких других распоряжений не выполнять. Бригада временно выходила из подчинения командира 10-го гвардейского танкового корпуса.

На маршруте следования бригады в назначенный район нас встретил командующий бронетанковыми войсками фронта генерал-полковник В. В. Новиков. Он уточнил мне задачу, еще раз разъяснил, что, заняв указанный рубеж обороны, мы должны его удерживать во что бы то ни стало, и подчеркнул, что я должен

выполнять только приказы командующего фронтом, отданные им устно или письменно. Во второй половине дня бригада вышла в назначенный район и приступила к организации обороны. Я поехал представиться и доложить о прибытии бригады командующему 52-й армии, в полосе которой мы находились. Командарм генерал К. А. Коротеев, выслушав мой доклад, приказал установить телефонную связь между командными пунктами армии и нашей бригады.

Между тем обстановка в полосе действий 52-й армии с каждым часом усложнялась. 4 марта противник, наступая в направлении Бунцлау, потеснил части 52-й армии. В ночь на 5 марта генерал К. А. Коротеев вызвал меня и поставил боевую задачу бригаде. Я попросил предъявить письменный приказ командующего фронтом. Командарм вспылил и приказал покинуть его командный пункт. В течение ночи противник продолжал наступать и требования командарма о введении в бой нашей бригады становились все категоричнее. Чувствуя, что не устою перед напором генерала К. А. Коротеева, отправил шифротелеграмму о создавшейся обстановке командующему 4-й танковой армии генерал-полковнику Д. Д. Лелюшенко.

Утром 5 марта в бригаду прилетел член Военного совета 4-й танковой армии генерал-майор В. Г. Гуляев, подтвердивший командующему 52-й армии, что ввести в бой нашу бригаду можно только с разрешения маршала И. С. Конева. Но к этому времени 52-я армия своими силами отбросила противника и восстановила положение в своей полосе, и вопрос решился сам собой. Бригада получила приказ вернуться в прежний район дислокации, чтобы действовать снова в составе 10-го гвардейского танкового корпуса.

Перед тем как выполнить этот приказ, группа воинов бригады посетила расположенный в нескольких километрах от наших позиций город Бунцлау и побывала в небольшом двухэтажном домике, где 28 апреля 1813 года скончался великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов. Перед домом установлен памятник полководцу, на котором высечена надпись: "До сих мест полководец Кутузов довел победные войска Российские, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас Отечество свое и открыл путь освобождения Европы. Да будет благословенна память Героя". В нескольких километрах юго-западнее Бунцлау, на Саксонской дороге, захоронено сердце фельдмаршала. Это место ограждено чугунной оградой. Воины бригады почтили память полководца и возложили цветы к памятнику и месту захоронения сердца героя. Между прочим, момент посещения и возложения венков запечатлен фронтовыми

кинооператорами.

Верхне-Силезская операция началась 15 марта 1945 года. Главные силы 4-й танковой и 21-й армий после сорокаминутной артиллерийской подготовки перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление врага и отражая его контратаки, 10-й гвардейский танковый корпус, наступавший в первом эшелоне, медленно продвигался вперед.

Замедленный темп наступления обусловливался тем, что плотные боевые порядки противника опирались на часто расположенные населенные пункты с многочисленными инженерными сооружениями и укрепленными районами, а противотанковая оборона была густо насыщена фаустпатронами и 'к тому же недостаточно подавлена артиллерией. Осложняла положение и весенняя распутица, сделавшая дороги труднопроходимыми. Все это привело к тому, что каждый шаг вперед не обходился без значительных потерь.

Наша бригада составляла второй эшелон корпуса и следовала рывками на некотором расстоянии за 62-й гвардейской танковой бригадой.

В течение 15 и 16 марта первый эшелон корпуса развивал наступление в направлении Ротхаус, форсировал реку Нейсе и захватил плацдарм на ее восточном берегу. К утру 17 марта через реку Нейсе в районе Ротхаус навели понтонный мост. Наша бригада получила задачу переправиться по этому месту через Нейсе, стремительным ударом к исходу дня овладеть городом Нойштадт и удерживать его до подхода частей 7-го гвардейского механизированного корпуса. Здесь предполагалось замкнуть кольцо окружения оппельнской группировки противника.

Поручив начальнику штаба гвардии подполковнику Беклемешеву вести бригаду, я вместе с начальником разведки гвардии майором Рязанцевым выехал вперед, к переправе, для уточнения обстановки на месте. У переправы встретил командующего армией генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко. Он выяснил состояние бригады и потребовал переправиться через Нейсе в быстром темпе в таком порядке: первый танк выходит к противоположному (восточному) берегу, второй на средине моста, и третий входит на мост, то есть чтобы по мосту постоянно шли три танка. Я поставил задачу комбатам, те довели ее до личного состава. Мы стояли с 'командующим у моста до переправы последнего танка. Он остался доволен организацией переправы, точным соблюдением его требований и пожелал нам успешно прорваться через оборону противника и совершить марш-бросок на Нойштадт.

На плацдарме вели бой с противником 62-я гвардейская

танковая и 29-я мотострелковая бригады. Здесь, в одном километре севернее Ротхаус, в бою погиб командир нашего корпуса полковник Нил Данилович Чупров, прошедший славный боевой путь с начала Великой Отечественной войны до Нейсе. В командование корпусом вновь вступил генерал-майор танковых войск Е. Е. Белов - заместитель командующего 4-й танковой армией.

Наша бригада, выполняя боевую задачу, при помощи разведки нащупала поблизости к берегу реки уязвимое место в обороне противника и, протаранив ее, вышла во вражеский тыл. Впереди в быстром темпе двигался 3-й танковый батальон гвардии капитана Маркова. За ним в колонне следовали 1-й танковый батальон Гребнева, штаб, реактивный дивизион, батарея и минометная рота батальона автоматчиков. Замыкал боевой порядок 2-й танковый батальон гвардии капитана Моськина. Личный состав батальона автоматчиков, как обычно, располагался десантом поротно на танках.

Противник никак не ожидал, что вдоль реки устремится наша танковая колонна. Пока он опомнился и стал принимать меры, мы оказались в его тылу, пулеметно-пушечным огнем согнали с шоссе его обозы. Вначале мы пытались давить их танками. Но громоздкие повозки, запряженные парой больших битюгов, стали солидным противотанковым препятствием и замедлили бы наше движение. Так мы и двигались: наша танковая колонна с максимально возможной скоростью по шоссе, а обозы противника параллельно - по целине. Вдогонку нам противник бросил свои танки, но, потеряв от огня нашего тылового охранения три из них, прекратил преследование. Мы в тыловом охранении потеряли один танк.

Наступил вечер, когда бригада подошла к Нойштадту. Мы стояли на высоте, откуда город был виден как на ладони. Вот железнодорожный вокзал, у его перрона поезд, пассажиры прогуливаются в ожидании отправления. Около меня командиры батальонов в ожидании боевой задачи. По всем признакам противник не подозревал, что мы стоим у ворот города. Сначала созрело решение после залпа реактивного дивизиона ворваться в город и занять его. Но разведчики доложили, что на железнодорожной станции стоит состав с химическими отравляющими веществами. Пришлось отказаться от применения реактивного дивизиона и наметить другой план овладения городом.

В новом решении танковым батальоном ставились самостоятельные задачи по овладению всеми четырьмя окраинами города и организации после этого круговой обороны в

готовности выдержать после этого натиск выходящих из окружения частей противника. Поздно вечером батальоны, не открывая огня, приступили к выполнению своих задач. Трудно представить изумление, испуг и панику, которые охватили фашистов, когда наши танки пронеслись через весь город и вышли в назначенные районы. Ошеломленный противник практически не успел оказать сопротивление. Любопытно, что часовой, стоявший на посту у немецкой комендатуры, с перепуга стал требовать от наших автоматчиков пропуск.

В 21.00 комбаты доложили, что вышли в отведенные им районы и организуют оборону. Штаб разместился в центре города. Город будто вымер. Я отправил по радио донесение командующему армии и командиру корпуса о выполнении боевой задачи. Вскоре поступило поздравление Военного совета армии и благодарность личному составу бригады за достигнутый успех.

У Командования и штаба бригады появилось много забот. Ночью враг не тревожил нас, но мы знали, что он притаился в городе, а как поведет себя дальше - неизвестно. Решили документально зафиксировать захват города и издали по этому поводу приказ, развесив его текст на видных местах. У нас не имелось переводчика, поэтому приказ составили на русском языке. В нем предлагалось всему населению города сдать имеющееся оружие, всему мужскому населению в возрасте от 17 до 55 лет явиться в комендатуру города. Хождение по улицам города разрешалось одиночкам с 10.00 до 17.00. В темное время требовалось соблюдать светомаскировку. Лицам, имеющим радиопередатчики, сдать их в комендатуру города.

Ночь прошла спокойно, но с рассветом противник дал о себе знать, совершив нападение на командный пункт бригады. Часовой, охранявший командный пункт, был убит, в бой вступили командирский танк гвардии лейтенанта Савича, разведчики и саперы под общим руководством гвардии майора Рязанцева. По радио я связался с комбатами, и те доложили, что фашисты, забаррикадировавшиеся в отдельных домах, пытались вести огонь из фаустпатронов, но этот огонь, не причинивший нашим танкистам потерь, подавлен.

Хуже обстояло дело в центре города, где мы не располагали силами для прочесывания и осмотра трехэтажных и четырехэтажных домов, а их обстрел из танковых пушек не давал эффекта. Пришлось использовать ракетный дивизион. Достаточно было выпустить одну-две ракеты в дом, откуда нас обстреливали немцы, чтобы заставить их замолчать. Таким образом, сопротивление врага в центре города быстро прекратилось.

В умиротворении противника не последнюю роль сыграл и

изданный нами приказ. Часть автоматчиков и фаустников из охранного батальона и отряда фольксштурма сдалась в плен, другие растворились среди гражданского населения. К полудню в городе воцарились мир и спокойствие. Но все же мы приняли профилактические меры. Объехав с офицерами штаба районы обороны, мы вместе с комбатами тщательно продумали организацию обороны, систему огня для различных видов оружия и взаимодействия с соседями.

При посещении 1-го танкового батальона впервые увидел разъяренным обычно спокойного и уравновешенного комбата Владимира Гребнева. Причина его гнева состояла в том, что при обходе расположения своего батальона он попал под огонь фаустников. Человек не робкого десятка, обычно он пулям не кланялся, а тут его заставили бежать. Этого "оскорбления" он перенести н,е мог и выместил зло на фаустниках, засевших в расположении его батальона. Всех их уничтожили или выловили.

После полудня 18 марта на восточную окраину Нойштадта, где оборону держал 1-й танковый батальон, стали выходить набольшие разрозненные группы противника, которые легко рассеивались огнем наших пулеметов и автоматов. В ночь на 19 марта пытались проложить себе дорогу на запад уже более крупные отряды, и отражать их становилось труднее. Мы предполагали, что утром начнется настоящий штурм города, но, к счастью, именно к этому времени с востока к нам подошли части 7-го гвардейского механизированного корпуса, и тем самым северная и южная ударные группировки 1-го Украинского фронта завершили окружение оппельнской группировки противника.

18 марта к нам поступила радостная весть о том, что приказом Верховного Главнокомандующего 4-я танковая армия преобразована в 4-ю гвардейскую танковую армию. Это сообщение личный состав воспринял с большим воодушевлением, оно словно прибавило сил.

Окруженные немецко-фашистские соединения и части предпринимали отчаянные попытки вырваться из котла. Командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев приказал: "Выходящие группы противника уничтожать, пленить...не выпускать врага из окружения". В выполнение этого приказа значительный вклад внес 10-й гвардейский танковый корпус. В своих воспоминаниях маршал И. С. Конев писал: "Гитлеровцы предприняли мощный контрудар с внешней стороны окружения силами только что появившейся здесь танковой дивизии "Герман Геринг". Однако наш 10-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала Е. Е. Белова держался стойко и отбил этот натиск"{6}.

Как и другие части корпуса, наша бригада с 19 до 22 марта вела ожесточенные изнурительные бои с частями противника, стремившегося любой ценой вырваться из окружения. Сложность этих боев заключалась в том, что бригада занимала оборону на широком фронте с неизбежными интервалами между удерживаемыми районами. Отдельные группы, противника просачивались через них. К чему это приводило, можно показать на следующем примере.

Ранним утром 20 марта я находился в 3-м танковом батальоне. Комбат гвардии капитан Марков обратился с просьбой прислать боеприпасы, которые у него кончались. По возвращении на командный пункт бригады я приказал начальнику боепитания немедленно самому отвезти машину с боеприпасами в батальон Маркова. Через некоторое время он вернулся и доложил, что из-за сильного обстрела проехать к Маркову не смог. У меня закралось подозрение, что начальник боепитания струсил, ведь только перед этим я возвращался от Маркова вместе с ординарцем Лобачевым. Мы спокойно проехали по этой же дороге. Приказал выезжать снова в сопровождении танка. Вскоре начальник боепитания опять вернулся и доложил, что танк немцы сожгли и невозможно пробиться с машиной к Маркову. Это не на шутку встревожило меня, ведь у Маркова уже почти нечем было отбиваться от атакующих фашистов.

Пришлось для доставки боеприпасов выделить целый отряд из трех танков и отделения саперов под командованием гвардии старшего лейтенанта Москаленко, перед которым ставилась задача огнем проложить дорогу к Маркову. Саперы подорвали дома, из которых вели огонь пробравшиеся туда фашисты, и только тогда Марков получил долгожданные боеприпасы.

День за днем наша бригада, другие части нашего 10-го гвардейского танкового и 6-го гвардейского механизированного корпусов методически и упорно расчленяли на части попавшего в "котел" неприятеля и к утру 22 марта окруженную группировку полностью ликвидировали. Одержанная победа далась нелегко. На второй день после гибели командира нашего корпуса гвардии полковника Н. Д. Чупрова скончался от полученных ран и мужественный командир 6-го гвардейского механизированного корпуса гвардии полковник В. Ф. Орлов. Наша бригада тоже имела потери и в людях, и в технике. Но мы нанесли тяжелый урон врагу: уничтожили 18 танков, шесть бронетранспортеров, более 1500 солдат и офицеров. В Нойштадте взяли в плен 420 солдат и офицеров, захватили на железнодорожных платформах пять танков, шесть бронетранспортеров и 12 орудий.

После уничтожения оппельнской группировки настала

очередь Ратибора последнего опорного пункта противника и промышленного центра Верхней Силезии. 60-я армия, на которую возлагалась эта задача, продвигалась медленно, и возникла необходимость дополнительно ввести в сражение 4-ю гвардейскую танковую армию, чтобы она нанесла удар по Ратиборской группировке немцев с севера в направлении на Троппау.

Введенный в состав 4-й гвардейской танковой армии 5-й гвардейский механизированный корпус перешел в наступление 24 марта, но день упорных боев принес ограниченный результат, так как противник упорно защищал заранее подготовленные позиции. 26 марта в сражение ввели 10-й гвардейский танковый корпус. В его первом эшелоне действовала наша бригада, получившая приказ наступать в направлении Егерндорф в полосе, где наступал 5-й гвардейский мехкорпус.

При подходе к рубежу обороны противника я дал команду по радио развернуться в боевой порядок "линия". Сам на танке следовал за боевым порядком бригады. Местность, где происходили эти события, была ровной, затем постепенно снижалась, после чего вновь начинался пологий подъем. Танки бригады, как на строевом учении, шли ровной линией на хорошей скорости. Мы обгоняли группы пеших танкистов 5-го мехкорпуса, потерявших в бою свои танки, они что-то нам кричали, но за шумом ревущих двигателей, лязгом гусениц уловить, что они нам хотели сказать, было невозможно. Обогнав боевые порядки 5-го мехкорпуса, мы с ходу вступили в бой. Танкисты вели огонь по противнику, автоматчики, спрыгнув с танков, бежали следом. Я заметил, что за моим танком два связиста, выбиваясь из сил, тянули телефонный провод. Остановил танк и подождал, когда они подбегут. Тут же один из них сказал, что меня вызывает к аппарату Громов. Это был позывной командущего фронтом. Спрыгнув с танка, я подошел к аппарату, взял трубку. В ответ на мой доклад маршал сказал: "Молодцы, хорошо идете, объявляю вам благодарность". Ответив по-уставному, я вернулся к танку.

Успешные действия наших танковых батальонов, благодарность маршала И. С. Конева успокоили меня. Поскольку со вчерашнего дня у меня, как говорят, не было во рту и маковой росинки, решил немного перекусить. Поручив Савичу поддерживать по радио связь с комбатами и прослушивать их доклады, принялся за еду. Через несколько минут Савич доложил, что комбаты молчат. Тут телефонист вновь подозвал меня к аппарату, и я опять услышал голос маршала, но на этот раз он был резкий, недовольный. "У вас не бригада, а стадо баранов. Немедленно наведите порядок", - сказал маршал. Не возобновляя

завтрака, я бросился к танку, и мы стали догонять батальоны.

И вот предо мной предстала такая картина. Танки сгрудились в лощине, действительно как стадо баранов. Дело в том, что в этих боях противник применил тактическую хитрость, противотанковую оборону стал строить на обратных скатах, и как только наши танки выходили на гребень высот, немцы поражали их огнем противотанковых средств, которых танкисты не видели. Вот на такой обороне понес большие потери 5-й мехкорпус. Мы прорвали первую позицию противника потому, что бригада шла сплошной массой в линию и раздавила его оборону. Но, спустившись в лощину, танковые батальоны пытались наступать по-старому, однако, достигнув гребня следующей высоты, встретили сильнейший огонь противотанковых средств противника и откатились назад в лощину. Танкистов смущало то, что они не видели, кто и откуда ведет по ним огонь. Это порождало чувство беспомощности и неуверенности. Разумеется, с таким настроением много не навоюешь.

Тщательно продумав порядок дальнейших действий, построил все танки в линию с интервалами в 40-50 метров и отдал приказ по первой ракете с моего танка завести двигатели, по второй - включить вторую передачу и двигаться вперед, выдерживая боевой порядок "линия", а по достижении гребня высоты открыть огонь из пушек и пулеметов по предполагаемым местам расположения огневых средств противника. Всем экипажам разъяснили, что успех обеспечат единовременность и быстрота действий.

События развивались по плану. Убедившись в том, что после подачи первой ракеты двигатели заработали, подал вторую ракету, и танки пошли вперед. Когда до гребня высоты осталось менее 100 метров, вдруг увидел, как один танк в центре боевого порядка вырвался вперед, люк башни открылся и командир танка, высунувшийся из башни, что-то закричал и энергично взмахнул флажками.

Все танки, следуя примеру смельчака, тоже увеличили скорость движения и почти одновременно вышли на гребень высоты. Противник по массе наших танков выпустил несколько противотанковых снарядов (мы их называли болванками), которые не причинили вреда, но прямым попаданием был убил танкист-герой, вырвавшийся первым на гребень высоты, фамилию его, к сожалению, никак не могу вспомнить. Танкисты теперь уже видели противника и вели по нему прицельный огонь. Оборону противника прорвали, а мы потеряли одного отважного бойца, память о подвиге которого живет в моем сердце.

В связи с тем что противник ввел в сражение 16-ю и 17-ю

танковые дивизии, а также дивизию "Охрана фюрера", положение осложнилось, и завязались очень тяжелые бои. Отражая яростные контратаки врага, мы продвигались вперед не больше чем на три - пять километров за светлое время суток, несли при этом значительные потери в людях и технике. С наступлением темноты бой затихал, приступали к работе тыловые и ремонтные службы бригады: танки заправлялись горючим, пополнялись боеприпасами, ремонтники устраняли технические и боевые повреждения.

Эти изнурительные бои с черепашьим продвижением вперед выматывали личный состав и физически, и морально. Танкисты не привыкли к таким боям. Они привыкли к стремительным маршам на сотни километров, молниеносным ударам.

Однажды после такого трудного, кровавого боевого дня, перед тем как лечь отдохнуть, я решил немного побродить вдоль улицы небольшого населенного пункта, где находился командный пункт бригады. До моего слуха донеслась мелодия песни о Волге. Подойдя поближе к дому, откуда сквозь щели светомаскировки пробивались тонкие лучи света, я понял, что здесь, в помещении, где расположились офицеры 1-го танкового батальона, собрались наши танкисты, чтобы в коллективе отдохнуть после напряженного боя. До меня доносились чистые голоса, которые с чувством и упоением исполняли русские и украинские народные песни о Родине, любви и верности. Слышались сильные женские голоса. Очевидно, на вечеринку пригласили наших связисток и медсестер. Я не вошел в дом, чтобы не стеснять моих боевых товарищей. По-человечески я понимал их: светлая пора молодости тянула их к дружескому общению, которое особенно остро и приятно ощущается в хоровой песне. В ней они черпали силы для новых подвигов во имя Родины.

Утром, когда я встал пораньше, чтобы сделать необходимые распоряжения в связи с предстоящим тяжелым боем, мне стало особенно ясно, какой разрядкой для души была для моих подчиненных товарищеская вечеринка. Комбаты выглядели молодцевато. Улыбающийся и подчеркнуто подтянутый гвардии капитан Гребнев своим басистым окающим говорком доложил, что 1-й танковый батальон готов к занятию исходных позиций для наступления. Такие же четкие доклады сделали комбаты Моськин и Марков - у них уже работали двигатели всех танков.

Испытанием стойкости и мужества личного состава стали кровопролитные бои в районе Кристиллау. Ветераны бригады по праву называют их боями в "долине смерти". Овладев 28 марта Кристиллау и продвинувшись на три-четыре километра юго-восточнее, бригада остановилась под сильным артиллерийским

противотанковым огнем с поросших лесом высот. Противник часто переходил в контратаки. В ходе завязавшегося боя стало ясно, что мы своими силами не в состоянии сломить оборону противника. Лучшим выходом из создавшегося положения представлялся обход этого узла сопротивления, о чем я и запросил командование корпуса. Мою просьбу отклонили.

Противник стремился окружить бригаду, но личный состав в этих трудных и сложных условиях сохранял хладнокровие, отражал метким огнем танков контратаки немцев, их попытки выйти к нам в тыл. Большим испытанием для всех нас стал бомбовый удар нашей авиации, частично пришедшийся по боевым порядкам бригады. В результате мы имели потери. Среди тяжелораненых был и командир 1-го танкового батальона, любимец бригады гвардии капитан Владимир Гребнев. Винить нашу бомбардировочную авиацию нельзя, она наносила удар по противнику, и наша беда заключалась в том, что мы находились с ним в тесном соприкосновении.

Занимаемый бригадой район насквозь простреливался противником. Как-то я стоял у самоходного орудия и курил, обдумывая создавшуюся обстановку. Мой заботливый ординарец Саша Лобачев стал уговаривать меня отойти от самоходки и буквально силой отвел меня в сторону. Не успел я рассердиться на неуместную, как мне казалось, заботу, как просвистел снаряд и ударил в то место, где я стоял, срикошетировал и убил двух членов экипажа, находившихся в щели под днищем самоходки.

Я вновь попросил у командования разрешения обойти противостоящего противника и такое разрешение получил. Гвардии капитана Гребнева и других раненых эвакуировали на танке, ибо "виллис" Вани Поплавского, единственную колесную машину, которая с нами находилась, разбило прямым попаданием, а сам Поплавский получил контузию.

Вместе с комбатами и командиром приданного танкового полка гвардии майором А. И. Дементьевым мы определили направление прорыва в тыл противника. Неожиданным для него ударом мы вырвались из кольца окружения и устремились во вражеский тыл, уничтожая на своем пути танковые подразделения немцев.

В составе двух неполных танковых батальонов, группы автоматчиков, разведчиков и саперов бригада продолжала вести боевые действия. Когда мы к исходу дня 30 марта заняли деревню Нассидель, меня вызвал к телефону командарм гвардии генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко. Он сказал, что на пополнение бригады направлены подразделения из других частей 10-го гвардейского танкового корпуса, и приказал сразу же после их

прибытия начать наступление. И к утру 31 марта захватить деревню Рейснитц. Уже в темноте в наше распоряжение прибыли 11 танков и самоходок и два артиллерийских полка.

Участок, где нам предстояло наступать, находился между двумя немецкими деревнями, где держали оборону крупные силы противника. Узнав от разведчиков, что кочковатый луг между деревнями можно пройти танкам по хорошо исследованному маршруту, я принял решение наступать именно здесь. В полночь по моему сигналу артиллеристы открыли сильный огонь по обеим лежащим справа и слева деревням, и через 10 минут батальон Маркова, ведомый разведчиком Мининым, начал наступление. В этом батальоне находился и я. За нами следовал батальон Моськина. Преодолевая заболоченный луг, только один из приданных нам танков застрял, но и его вытянули на буксире.

К Рейснитцу подъехали на рассвете вместе с разведкой. Деревня лежала буквально у наших ног в глубокой лощине, протянувшись на несколько километров с запада на восток. Из печных труб шел дым, хозяйки готовили завтрак, слышался лай собак, мычание коров - мирная идиллия, ничем не напоминавшая жестокую войну. По данным нашей разведки, в Рейснитц только-только вошел довольно крупный отряд немецкой пехоты. Простым глазом было видно, как на высотах южнее Рейснитц занимала огневые позиции артиллерия противника на конной тяге. Требовалось внезапной танковой атакой не дать противнику организовать оборону. Подошли танковые батальоны и, как снег на голову, нанесли внезапный удар по противнику. Мне с высоты, что севернее Рейснитц, было хорошо видно, как бежали из деревни разрозненные вражеские подразделения. Однако по всему чувствовалось, что противник собирался драться за Рейснитц. Гитлеровцы отбили наши попытки обосноваться на высотах южнее и юго-западнее деревни, подтягивали танковые силы, в том числе "королевские тигры".

Наши предположения на этот счет подтвердились. В течение дня противник четыре раза пытался вернуть себе Рейснитц, всякий раз вводя в бой танки, артиллерию, пехоту. Все атаки фашистов мы отбили, при этом уничтожили 13 танков, не считая подбитых, которые противнику удалось эвакуировать. Враг потерял до двух рот пехоты. Но и наши потери оказались чувствительными - семь танков сгоревших и пять подбитых. Ночь прошла более или менее спокойно. Экипажи танков и ремонтники устраняли неисправности и повреждения боевых машин. Танки пополнялись боеприпасами.

Утром 1 апреля противник открыл ураганный огонь. Крупные силы при поддержке танков рвались в деревню, не считаясь с

потерями. Наши танкисты пушечным огнем не допускали прорыва танков в деревню, а пулеметным огнем поражали пехоту противника. А автоматчики, несмотря на свою малочисленность, не допускали просачивания пехоты противника, четко взаимодействовали с танками, сдерживали атаки превосходящих сил. В этот напряженный момент пять танков (из числа приданных бригаде) дрогнули и отошли с южной окраины деревни на северную, оголив стык батальонов. Противник немедленно воспользовался этим и овладел центром деревни, разрезав силы бригады на два изолированных друг от друга участка - западный, где находился командный пункт бригады и батальон Маркова, и восточный, обороняемый батальоном Моськина. Чтобы не дать противнику расширить свои позиции в деревне, я использовал последний свой резерв - группу разведчиков и отделение саперов, приказав им не допускать пехоту противника в западную часть деревни, и, надо сказать, разведчики и саперы дрались героически.

В условиях, когда танки противника проникли в деревню и вступили в ближний бой с нашими танками, началась требующая осторожности и крепких нервов охота, в которой наши танкисты оказались на высоте, подбив несколько вражеских танков, не потеряв из своих ни одного. Гвардии майор Рязанцев по моему распоряжению отправился на северную окраину деревни, чтобы вернуть на старые позиции пять танков. В это время обвалилась кровля загоревшегося дома, где располагался командный пункт бригады, и мне пришлось перебираться в соседний дом.

В этот напряженный и, можно сказать, критический для нас момент боя наблюдатель доложил, что противник обратился в беспорядочное бегство из занятой им части Рейснитца. Прекратились атаки противника и на нашем участке. По всем данным, немецкие солдаты побежали не от танков, которые Рязанцев повернул и направил в бой. Выяснилось, что к расположению танкового батальона Моськина подошла 16-я гвардейская механизированная бригада 6-го гвардейского мехкорпуса и вместе с нашими танкистами двигалась к центру Рейснитца. Уже сожжены два танка и самоходка противника. Пытавшиеся уйти из Рейснитца две "пантеры", за которыми охотились танки Маркова и Савича, подставили под пушки наших танкистов свои борта, и их сразу же сожгли. Буквально в течение часа Рейснитц очистили от противника. Я выразил искреннюю благодарность командиру 16-й гвардейской мехбригады гвардии подполковнику Г. М. Щербаку за выручку.

Встречей нашей 61-й гвардейской танковой бригады с 16-й гвардейской механизированной бригадой замкнулось кольцо окружения ратиборской группировки врага. Рассеченная на две части, она была в течение 2 и 3 апреля уничтожена частями 4-й гвардейской танковой и 60-й армий.

В связи с тем что в бою за Рейснитц мы потеряли значительную часть техники и в бригаде осталось только восемь исправных танков, 2 апреля мы получили приказ сдать свой боевой участок стрелковому полку, а бригаду вывести из боя. К 3 апреля бригада сосредоточилась в Троппау, где техническая служба принялась за восстановление неисправной боевой техники. Личный состав получил возможность отдохнуть после тяжелых боев. Многие легкораненые бойцы не захотели покидать бригаду и долечивались в медсанвзводе, на базе которого гвардии капитан Матешвили развернул подвижной госпиталь. Он считал, что раны у бойцов и офицеров заживают быстрее, если они продолжают выполнять в меру сил свои обязанности в подразделениях.

3 апреля бригаду посетил командующий 4-й гвардейской

танковой армии гвардии генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко. Он тепло беседовал с танкистами, с комбатами гвардии капитанами Марковым и Моськиным, которых знал лично. Командующий расспрашивал меня о прошедших боях и высоко оценил боевые успехи бригады. Наши разведчики подарили командарму новейший трофейный пистолет с длинным стволом и дарственной надписью.

На прощание генерал порекомендовал принять все меры к быстрейшему восстановлению боеспособности бригады. "Времени на раскачку нет", - говорил он. Да и все мы понимали это. Если другие части корпуса вышли из боя в двадцатых числах марта, то мы - только 2 апреля. Можно утверждать, что основную тяжесть боевых задач, выполненных в Верхне-Силезской операции нашим корпусом, вынесла на своих плечах 61-я гвардейская Свердловско-Львовская танковая бригада. Она была стальным клинком нашей армии, рассекающим группировки противника. Так было при взятии Нойштадта и повторилось при взятии Рейснитц.

За Верхне-Силезскую операцию бригаду наградили орденом Кутузова II степени.

Свердловские танкисты штурмуют Берлин

Разгромив немецко-фашистские войска в Силезии, добившись важных побед на других участках советско-германского фронта - в Чехословакии, Венгрии, Восточной Пруссии, - Красная Армия пробила себе дорогу к подступам Берлина. Близилась полная победа над гитлеровской Германией. В апреле 1945 года нам предстояло нанести завершающий удар по фашистской Германии, который, как мы понимали, потребует от всех нас величайшего напряжения, самоотверженности, героизма и высокого воинского мастерства.

Гитлеровское командование проделало огромнейшую работу по укреплению подступов к Берлину, созданию глубоко эшелонированной обороны. Берлинский оборонительный район включал три кольцевых обвода: внешний, проходивший по рекам, каналам и озерам через превращенные в узлы сопротивления крупные населенные пункты, внутренний, проходивший по окраинам пригородов Берлина, и наконец, городской - в самом Берлине. Мощные инженерные барьеры сочетались с естественными препятствиями и хорошо организованной обороной. Было ясно, что фашисты для обороны своего логова ничего не пожалеют и ни перед чем не остановятся, окажут тут сильнейшее сопротивление в надежде остановить наши войска под Берлином.

При подготовке Берлинской операции нам предстояло

провести большой объем организационно-политических и организационно-технических мероприятий. Танковые экипажи в основном доукомплектовывались за счет нового пополнения личного состава и боевых машин, прибывших с Урала, в частности из Нижнего Тагила. В бригаду возвращались ветераны из госпиталей.

Механик-водитель гвардии старшина Овчинников рассказал мне, что при следовании команды в запасной полк на одной из дорог он увидел ехавшего на "виллисе" генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко, бросился к машине и попросил командарма помочь направить уральцев в родной корпус, чтобы вместе со своими однополчанами бить врага. Командующий вышел из машины, собрал танкистов, ранее служивших в его армии, назначил старшего, дал ему записку с указанием маршрута.

На укомплектование бригады мы получили 45 танков и заново сформировали три танковых батальона двухротного состава. Первый танковый батальон возглавил гвардии капитан Н. И. Лапшин - бывший заместитель командира разведывательного батальона корпуса. Численность батальона автоматчиков довели до 195 человек. Формирование батальонов, прием боевой техники мы совместили с выверкой осевых линий танкового вооружения, проведением боевых стрельб на действительные дальности штатным боевым снарядом по трофейным фашистским танкам самых новых типов.

В партийно-политической работе основное внимание уделялось разъяснению личному составу исторического значения предстоящей Берлинской операции. Призыв коммунистической партии и всего советского народа, выраженный в приказе Верховного Главнокомандующего: "Добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя Победы", нашел самый горячий отклик в сердцах воинов бригады. Большие усилия политотдела бригады, заместителей командиров батальонов по политчасти, командиров подразделений были направлены на создание боеспособных партийных и комсомольских организаций во всех ротах. Парторганизация бригады в боях в январе - марте 1945 года потеряла убитыми и ранеными 213 коммунистов. Но за счет приема в партию отличившихся в боях 170 воинов и вернувшихся в бригаду после излечения коммунистов численность парторганизации почти полностью восстановилась. Комсомольская организация также пополнила свои ряды. Перед Берлинской операцией в бригаде насчитывалось 400 коммунистов и 149 комсомольцев.

Буквально накануне наступления меня до глубины души взволновало поступившее в бригаду известие о том, что я

удостоен звания Героя Советского Союза. 12 апреля командующий 4-й гвардейской танковой армии гвардии генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко перед строем бригады вручил мне орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

15 апреля у меня состоялась непринужденная беседа с командирами танков и механиками-водителями.

Я обратил их внимание на особенность предстоящих боевых действий. С первого же дня придется наступать в лесу. Успех может быть достигнут, если будет обеспечена высокая бдительность, отлично организованное круговое наблюдение в каждом экипаже, постоянная готовность к нанесению удара по неожиданно возникшему противнику. Бои в лесу потребуют четко выдерживать заданное направление наступления, умело ориентироваться по карте и компасу.

Предупредил, что в ходе Берлинской операции нам придется сражаться помимо регулярных войск противника с так называемым фольксштурмом, сформированным гитлеровским командованием из лиц непризывных возрастов - стариков и подростков. Для борьбы с нашими танками фольксштурмовцы, среди которых немало фанатиков, несомненно организуют широкое использование фаустпатронов. Попросил учесть, что действительный огонь фаустпатронов 100 метров и больше. Поэтому экипажам танков не следует останавливаться неподалеку от возможных засад фаустников, надо уметь своевременно их обнаруживать и обрабатывать интенсивным огнем из танковых пушек и пулеметов.

Одной из важнейших задач, которую поставило командование фронта перед танковыми частями, является высокий темп наступления после того, как танки вырвутся на оперативный простор. Поэтому танковым войскам предложено не ввязываться в бои за города и крупные населенные пункты, которые лишили бы танкистов их главных боевых качеств - быстроты маневра и свободы действий в интересах сосредоточенного и внезапного удара по резервам и тылам противника. Я попросил неуклонно руководствоваться этим правилом, чтобы успешно громить вражескую группировку на Берлинском направлении.

Берлинская операция началась, как известно, 16 апреля 1945 года.

10-му гвардейскому танковому корпусу требовалось выделить две бригады в передовой отряд и наступать на участке 95-й гвардейской стрелковой дивизии в направлении на Беесков. После форсирования Нейсе пехотой сразу ввести свой передовой отряд, допрорвать оборону противника, обогнать ее боевые

порядки и в ночь с 16 на 17-е развивать наступление с тем, чтобы к утру 17 апреля с ходу форсировать реку Шпрее.

Нашей бригаде предписывалось наступать за 62-й гвардейской танковой бригадой, после форсирования реки Шпрее выйти в район Гросс-Буков и северной окраины Кансдорф в готовности к отражению контратак противника из района Шпремберг. На третий день, составляя первый боевой эшелон левой колонны, бригаде следовало наступать в направлении на Штрадов, северная окраина Альт-Деберн, Задо, южная окраина Зонневальде и к исходу дня овладеть Бревитц, перерезать железную дорогу Берлин - Лейпциг. В последующем наступать на Кронштедт, Барсдорф{7}.

Из боевой задачи, которую получила бригада, вытекало, что при вводе в прорыв активных задач ей не ставилось, и только после форсирования реки Шпрее она выдвигалась в первый эшелон корпуса и приступала к активным боевым действиям. Для бригады такая боевая задача была весьма благоприятной, так как обеспечивала постепенное втягивание личного состава в боевую обстановку. Но боевая действительность очень часто чревата крутыми поворотами, и я предупредил командиров батальонов и рот с вводом в прорыв быть ежеминутно готовыми к бою.

Вечером 15 апреля бригада по распоряжению штаба корпуса начала выдвигаться в район исходных позиций для ввода в прорыв и к двум часам ночи вышла к Клейн-Зархену. Доложив об этом командиру корпуса по телефону, я обошел все подразделения бригады и убедился, что все готовы к выполнению боевой задачи.

В 6.15 началась артиллерийская подготовка. Наша авиация поставила плотную дымовую завесу, чтобы скрыть от наблюдения противника участки форсирования реки Нейсе. После артиллерийской подготовки войска 5-й гвардейской армии приступили к форсированию реки. За ними по наведенным мостовым переправам прошла 62-я гвардейская танковая бригада, а за ней двинулись и мы. Впереди шел 3-й танковый батальон гвардии капитана Маркова, а за ним другие подразделения бригады и средства усиления. Местность в междуречье Нейсе и Шпрее лесистая. Лес после артиллерийской подготовки загорелся, что осложнило наше движение вперед. Находчивые десантники, расположившись на броне танков, надели противогазы, чтобы не страдать от дыма. Несколько человек были ранены, и, когда их отправили в тыл в противогазах, там поднялась паника, так как многие решили, что противник применил отравляющие вещества, а у тыловиков не имелось противогазов. Дело дошло до комкора, который запросил меня по

радио: "Что происходит на твоем участке? Почему люди в противогазах?" После того как я доложил о действительной причине переполоха, генерал Белов решительно пресек возникшую было панику в тыловых подразделениях.

62-я гвардейская танковая бригада, совместно с частями 5-й гвардейской армии, прорвала первую полосу вражеской обороны. При подходе ко второй полосе мы встретили яростные контратаки противника, который уже в этот день выдвинул в междуречье Нейсе-Шпрее на заранее подготовленный рубеж "Матильда" свои не только тактические, но и оперативные резервы. На нашем участке в бой вступили, как выяснила разведка, части вражеских дивизий "Охрана фюрера" и "Богемия".

К исходу дня 16 апреля комкор запросил меня об обстановке. Я доложил, что боевые действия прекратились с обеих сторон к 23.00, а уставшие наши танкисты и стрелки отдыхают, то же самое и у противника. Он приказал мне обогнать боевые порядки 62-й бригады и пехоты 5-й гвардейской армии и стремительными действиями выйти к реке Шпрее, форсировать ее у Залессен и не допустить занятия войсками противника подготовленного рубежа обороны по западному берегу Шпрее. Так 61-я гвардейская танковая бригада в первый день операции вышла в первый эшелон корпуса и приступила к выполнению важнейшей задачи форсированию реки Шпрее.

Гитлеровцы не ожидали, что мы будем наступать ночью, и это их погубило. Наше продвижение в основном развивалось успешно. Огня мы, как правило, не открывали, двигались с выключенными фарами на сокращенных дистанциях, старались обходить населенные пункты и снова скрываться в лесу. И после наступления рассвета мы по преимуществу пробирались по лесным дорогам, преодолевая сравнительно небольшое сопротивление противника, застигнутого врасплох. Так мы преодолели рубеж обороны врага "Матильда".

С приближением к Шпрее мы понесли некоторые потери. Танк, шедший в боевом охранении, попал в противотанковую яму, подготовленную и искусно замаскированную немцами на перекрестке лесных просек. Казалось, что танк буквально провалился сквозь землю. Вместе с комбатами Марковым и Бендриковым, группой автоматчиков мы подошли к яме и убедились - она настолько глубока, что экипажу самостоятельно оттуда не выбраться, да он и не подавал признаков жизни. В это время из кустов раздался слабый звук выстрела. Бендриков схватился руками за лицо, между пальцами показалась кровь. Мы тщательно осмотрели местность, откуда раздался выстрел, и вскоре автоматчики вытащили двух отлично замаскированных

фашистов с фаустпатронами. Если бы они не поспешили с выстрелом, мы бы их, безусловно, не обнаружили, и своими фаустпатронами они могли бы сжечь не один наш танк. Вот с такими засадами мы имели дело до рубежа реки Шпрее и после ее форсирования.

Через пару часов в скоротечной схватке с противником получил ранение комсорг батальона автоматчиков гвардии старшина В. К. Очеретин, погиб парторг роты управления гвардии старший сержант Хмельницкий.

И дальше мы встречались с засадами противника, но танковые подразделения, для которых практически непроходимых участков местности почти не существовало, обходили узлы сопротивления и засады, в то время как под огонь гитлеровцев попадали колесные машины тыловых подразделений, привязанные к дорогам. Получилось так, что борьбу с засадами противника вынес на своих плечах отважный личный состав службы тыла и штаба бригады. Шофера, ремонтники, писаря, повара не раз вступали в схватки с противником и выходили из них победителями. В этих боях мы несли потери. Так, в бою с одной из засад погиб командир взвода связи коммунист гвардии старший лейтенант Петровичев.

К концу дня 17 апреля бригада завязала бой за деревню Ройтен, являвшуюся узлом дорог и важным опорным пунктом противника на пути к Шпрее. Разведка, возглавляемая гвардии младшим лейтенантом Буль, доложила, что Ройтен обороняет до батальона пехоты, усиленного артиллерией и танками. Захваченный в плен немецкий солдат показал, что Ройтен занимает 100-й запасной батальон танковой дивизии "Великая Германия". Используя данные разведки, бригада нанесла удар по южной окраине Ройтена, как наиболее слабому месту в системе обороны противника, и с ходу заняла половину населенного пункта. Подошедшие части 350-й стрелковой дивизии во взаимодействии с танкистами 1-го танкового батальона очистили от противника и вторую половину Ройтена.

Из Ройтена в направлении Залессена выслали разведгруппу под командованием командира взвода гвардии лейтенанта Сапрыкина. Разведка обнаружила и обозначила минированную просеку, ведущую к Залессен. Саперы бригады разминировали ее. Но я повел бригаду по более трудной тропе, на которой отсутствовали мины и фугасы противника. Начали движение в полной темноте. Это усложняло наши действия, но зато мы избавились от налетов авиации противника, которая делала все, чтобы как-то замедлить наше продвижение к реке Шпрее. К рассвету вышли из лесов. Разведка донесла, что Залессен и берег

реки Шпрее обороняет 243-й полк фольксштурма, все средства переправы через реку противником уничтожены. Залессен небольшой поселок дачного типа. Головной, 2-й танковый батальон гвардии капитана Моськина совместно с 1-м танковым батальоном гвардии капитана Лапшина во взаимодействии с батальоном автоматчиков, в командование которым после ранения Бендрикова временно вступил его заместитель гвардии капитан Доронин, подавили сопротивление гитлеровцев, овладели Залессеном и очистили восточный берег Шпрее от мелких групп противника.

К середине дня 18 апреля к Шпрее подошли передовые части 5-й гвардейской армии и при огневой поддержке танков нашей бригады форсировали Шпрее, захватили плацдарм на ее западном берегу. Прибывшие понтонные части навели мост, и бригада первой в нашем корпусе и армии переправилась через Шпрее.

В этот день нам стало известно о том, что во исполнение приказа Верховного Главнокомандующего о повороте 3-й и 4-й гвардейских танковых армий на Берлин, 4-й гвардейской танковой армии командованием фронта поставлена новая задача после форсирования реки Шпрее развивать стремительное наступление в общем направлении Дрепкау, Калау, Дааме, Луккенвальде, к исходу 20 апреля овладеть районом Беелитц, а в ночь на 21 овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина.

Приступив к выполнению этой новой задачи, бригада протаранила оборону противника и устремилась в оперативную ее глубину. Успешному прорыву обороны противника содействовали части 5-й гвардейской армии.

Ночь с 18 на 19 апреля выдалась темная. Танки шли по лесной просеке без света, только тускло мерцали их габаритные огни и стоп-сигналы. Лес шумел, зловещая мгла окутывала танки. Десантники нервничали. Я опасался, как бы они не открыли беспричинного огня. На войне часто бывает так, что воин стреляет не потому, что увидел противника, а как раз потому, что не видит его, и ему становится не по себе. Это очень опасное состояние. Чего я боялся, то и случилось. Впереди кто-то из десантников открыл огонь, и вот уже во все стороны полетели автоматные очереди. Чтобы автоматчики не перестреляли в темноте друг друга, принимаю срочные меры. Останавливаю колонну, иду от танка к танку, кричу: "Прекратить огонь!" Мне помогают замполит бригады И. Скоп, замполит и начальник штаба батальона автоматчиков Татарченко и Морозов, другие офицеры. Постепенно огонь стал затихать, автоматчики успокоились. На них положительно воздействовало присутствие командиров, их спокойные распоряжения.

Еду в голову колонны к комбату Моськину, который в возбужденно-нервном тоне докладывает: "Впереди - Клейн-Буков, его обороняют 15 танков типа "тигр".

Размышляя над тем, как же организовать бой, я громко сказал комбату Моськину: "Давай покурим, а потом ты мне покажешь эти танки". Покурили, комбат успокоился, и мы пошли понаблюдать, что там творится впереди. Немецких танков оказалось всего лишь три. Я распорядился брать Клейн-Буков после огневого налета двух танковых батальонов и полка самоходных артиллерийских установок. Налет оказал сильное моральное воздействие на противника, и, когда наши танки пошли в атаку, он сопротивлялся слабо. Заняв Клейн-Буков, один из важнейших узлов обороны противника, мы открыли частям корпуса дорогу для дальнейшего наступления на Берлин.

19 апреля мы подошли к Калау, крупному узлу шоссейных дорог. В этом городе вела упорный бой 63-я гвардейская танковая бригада. Встретившись с ее командиром гвардии полковником Фомичевым, я предложил ему помощь, но он ответил, что, хотя и приходится драться буквально за каждый дом, сил у него хватит, чтобы добиться успеха.

Вернувшись в бригаду, получил шифровку от командира корпуса, в которой тот требовал, обходя узлы сопротивления противника, стремительно двигаться к Берлину. Нашей бригаде комкор поставил задачу - к исходу дня овладеть городом Люккау.

На подходе к Люккау захваченные в плен немецкие солдаты показали, что в городе сосредоточены крупные силы, включающие помимо пехоты артиллерию и танки. Чтобы не лезть на рожон, я решил предварительно овладеть деревней Кансдорф, расположенной на восточной окраине Люккау. Захват этой деревни позволил бы контролировать подходы к Люккау и по своему усмотрению избрать наиболее отвечающее обстановке направление для захвата или обхода города.

Бригада всеми силами навалилась на эту деревню-и молниеносно овладела ею. На северо-западную окраину Кансдорфа вышел танковый батальон гвардии капитана Моськина с задачей не допустить контратаки противника из Люккау. Первый батальон развернулся фронтом на север в сторону леса. Такую же позицию занял приданный нам самоходно-артиллерийский полк гвардии подполковника Мусатова. Батальон гвардии капитана Маркова находился вместе со штабом бригады в центре Кансдорфа.

Когда наши танки овладели деревней, я решил зайти к бургомистру, который, как мне доложили, не успел покинуть Кансдорф. Полуодетый бургомистр растерянно смотрел на нас, на

его лице застыло выражение полной беспомощности и страха. В это время зазвонил телефон. Трубку взял хорошо владевший немецким языком инструктор политотдела армии гвардии старший лейтенант Круглянский, который в этой операции следовал на танке Маркова. Звонили из Люккау и попросили к аппарату бургомистра. Круглянский передал ему трубку и приказал ему ни слова не говорить о том, что наши войска вступили в Кансдорф. На вопрос из Люккау: "Что у вас за стрельба? Не пришли ли русские?" - бургомистр ответил: "У нас все спокойно. Проводили учения фольксштурма. О русских пока ничего не знаем". После этого разговора мы перерезали связь с Люккау.

Выставив охранение, мы направили разведчиков в Люккау и в лес севернее города. Разведчики, возглавляемые гвардии старшим сержантом В. А. Мининым, пробрались в город и насчитали там около десятка танков, на железнодорожной станции увидели бронепоезд. По их данным, в Люккау находилось до полка пехоты. По сообщению гвардии старшего сержанта Батяйкина, разведывавшего лес севернее Кансдорфа, там обнаружено до 15 тяжелых танков с группой пехоты.

На рассвете 20 апреля на опушке леса показались танки, двигавшиеся в нашем направлении. Первым их заметил наблюдатель комсомолец Афанасьев, сразу же подавший сигнал тревоги. Взяв бинокль, я насчитал в первой линии одиннадцать машин. Когда они подошли на расстояние пятисот метров, мы различили на них кресты. Это были "королевские тигры". Я дал команду: "Огонь". Танки противника были буквально изрешечены снарядами наших самоходок и танков.

Принял решение воспользоваться достигнутым успехом и обойти Люккау с севера через поле, на котором неподвижно застыли остовы "королевских тигров". Некоторые танки еще продолжали дымиться, издавая тошнотворный запах горелого человеческого мяса и резины. Вид разбитых и обгоревших танков противника и то, что мы в этом бою не потеряли ни одного человека и танка, говорили о многом: о боевом мастерстве и отваге наших танкистов и самоходчиков, о безрассудных, лишенных здравого смысла действиях вражеских танкистов. Противник лез в огневой мешок без разведки, боевого обеспечения, подобно бросающемуся в омут самоубийце.

Мы продвигались к городу Дааме и по пути получили по радио приказ командира корпуса повернуть бригаду в сторону Луккенвальде и, обходя этот город с юга, наступать на Заармунд и далее на Потсдам. Вскоре бригада вышла в лес южнее Луккенвальде. За этот город вели бой 63-я танковая и 29-я

мотострелковая бригады. Южнее и восточнее Луккенвальде противника не оказалось. Выслали разведку в направлении Готтов, Вольтерсдорф. Разведчикам предстояло установить, смогут ли пройти танки по лесисто-болотистой местности в обход Луккенвальде. Когда разведчики доложили, что при помощи саперов танки в состоянии пройти в направлении Вольтерсдорфа, я сообщил об этом комкору. Он приказал действовать без промедления.

Вперед по тропе, по которой должны были пройти наши батальоны, двинулись саперы для точного определения маршрута и его инженерного обеспечения. За ними пошли танки. Экипажи подкладывали под гусеницы заготовленные немцами дрова, срезанные деревья и кустарники. В поисках лучшей дороги я с группой офицеров и ординарцем Алексеем Воронцовым углубился в лес. Когда мы нашли лучший маршрут и возвращались к своим, нас заставили лечь автоматные очереди противника. Мы забрались в небольшую спасительную выемку. Пройти к своим было невозможно.

Создалось глупое положение: группа офицеров, вместе с комбригом, оказалась отрезанной от своих сил. Наши недалеко, но как подать им сигнал? Выход нашел Воронцов. Он сказал: "Я буду вести шквальный огонь в сторону противника, а вы выходите в это время к бригаде". Как только мы вышли из-под огня, я послал на помощь Алексею Воронцову автоматчиков, но они нашли его уже мертвым. Он погиб, давая нам возможность выполнить боевую задачу по разгрому врага.

Я любил этого скромного, простого и отважного воина и всегда вспоминаю о нем с большой теплотой. По профессии он был клепальщиком котлов и называл себя "глухарем". В действительности он слышал слабовато. Сам он был волжанином и как-то сказал мне: "Вот, товарищ подполковник, кончится война, приезжайте ко мне на Волгу. Какая у нас красота! Какая Волга! Угощу ухой, какой Вы никогда не ели". Геройская смерть Алехи Воронцова, как любовно называли его боевые друзья, взволновала и в то же время словно подстегнула нас-смяв боевое охранение немцев, вышли из болота на шоссе, овладели Вольтерсдорфом, расположенным в тылу Луккенвальде, и устремились на север в направлении к Треббину.

На пересечении шоссейных дорог мы встретили колонну наших военнопленных численностью около 400 человек, которых немцы эвакуировали из Луккенвальде. Появление наших танков оказалось настолько неожиданным, что конвой немцев, сопровождавших эту колонну, оцепенел, это передалось и пленным, но, когда последние увидели на танках красные звезды,

они с криком "ура" бросились на конвой и обезоружили его.

В районе Либец располагался аэродром противника. На наших глазах начал взлетать с него бомбардировщик. Метким огнем из танковой пушки на дистанции полтора километра его сбили, и он взорвался. Наши танки устремились на остальные самолеты, и ни одному из них не удалось взлететь. Вскоре этот аэродром освоили наши авиаторы.

Надо сказать, чем ближе мы подходили к Берлину, тем чаще встречали советских людей, угнанных насильно в фашистскую неволю. Они использовались немцами как рабочая сила на фабриках и заводах, на сельскохозяйственных фермах и просто в качестве домашней прислуги у зажиточных и влиятельных фашистов. Жили они в ужасных условиях: в неотапливаемых бараках за колючей проволокой, а на фермах - вместе со скотом.

Все пленные горели желанием отомстить фашистам за бесчеловечное отношение и рабский труд в неволе и часто обращались к нам с просьбой дать им возможность с оружием в руках бить ненавистного врага. Мы получили разрешение принимать в бригаду, главным образом в батальон автоматчиков, добровольцев из числа наших соотечественников, насильственно угнанных гитлеровцами в Германию. Надо отдать должное, они воевали храбро, и мы ни разу не пожалели, что доверили им оружие. Всего в этот период в бригаду отобрали 220 человек, 35 из них за отличие в боях получили ордена и медали.

21 апреля бригада с ходу овладела населенным пунктом Шенхаген. Первым ворвался в него командир танковой роты второго батальона гвардии старший лейтенант Громаков. Выход в тыл немецкой обороны и захват Шенхагена давал большие преимущества частям корпуса и 4-й гвардейской танковой армии в целом. Однако личный состав бригады физически измотал себя до предела и очень нуждался в отдыхе. К тому же бригада оторвалась от главных сил корпуса на 60 километров, и связь со штабом корпуса из-за большого расстояния прервалась. В связи с этим я принял решение остановиться в Шенхагене до утра следующего дня. На рассвете 22 апреля немцы предприняли попытку выбить нас из Шенхагена, но, благодаря своевременному предупреждению нашей разведки, мы отбили атаку противника с большими для него потерями.

Но все же стало ясно, что противник подтянул силы, чтобы воспрепятствовать нашему дальнейшему продвижению на север. Решили обмануть его. Частью сил бригады демонстрировать нашу попытку наступать на север, а главными силами нанести внезапный удар в западном направлении, прорвать оборону, а потом повернуть снова на север и продолжать наступление

бригады по указанному нам маршруту. Этот замысел удалось осуществить как нельзя лучше.

Мы прорвали оборону противника и к вечеру завязали бой за Штангенхаген. Здесь отличился комбат В. Марков. В этом населенном пункте находилась авиационная школа и большой действующий аэродром, охранявшийся пехотой численностью до полка. Вооружившись трофейным фаустпатроном, Марков поджег два самолета противника, а затем, подкравшись к ангару, поджег и его. Возникший пожар осветил аэродром и прилегающую к нему часть городка, что позволило вести прицельный огонь по разрозненным группам отступавших гитлеровцев. Не задерживаясь в Штангенхагене, мы продолжали наступление и овладели населенным пунктом Керцен. В этот день радист взвода связи штаба бригады гвардии старшина В. И. Бурдинский огнем из трофейной винтовки сбил немецкий самолет во время налета авиации врага на колонну бригады. За этот подвиг он награжден орденом Красной Звезды.

В ожесточенных и стремительных схватках с противником бригада в течение 21 и 22 апреля уничтожила шесть танков и самоходных орудий, 13 бронетранспортеров, семь самолетов, 36 автомашин, более 100 повозок, захватила 12 самолетов, уничтожила более 270 солдат и офицеров, захватила два склада, два аэродрома.

Бригада потеряла два танка сгоревшими, четыре подбитыми и 40 человек ранеными и убитыми.

Утром 23 апреля бригада вышла к автостраде Ганновер - Франкфурт. Она проходила по насыпи, возвышавшейся на несколько метров над прилегающей к ней местностью. На автостраде засели немецкие автоматчики, вооруженные фаустпатронами. Шоссе, по которому двигалась бригада, проходило под автострадой. Впереди на шоссе немцы соорудили противотанковую баррикаду. Наша попытка разрушить ее огнем из пушек не увенчалась успехом, я приказал автоматчикам овладеть автострадой. Завязался бой, который пока не давал желаемого результата.

В это время подъехал к нам комкор генерал Е. Е. Белов. Обеспокоенный тем, что мы никак не овладеем автострадой, он сам пошел вперед. Пули свистели над его головой, и я приказал разведчикам укрыть комкора. Они, не долго думая, сгребли его и посадили в окоп. Он ругался, но разведчики знали свое дело. В этот момент я направился к автоматчикам, приказав перед тем танкистам поддержать их действия. При моем приближении один из бойцов поднял своих товарищей в атаку, которая принесла успех - автоматчики штурмом захватили автостраду. В бою на

автостраде героизм проявили многие наши воины, в том числе и те, кому мы недавно вернули свободу. Так, гвардии сержант Кисел подполз к пулемету противника, забросал расчет гранатами и, выйдя со своим отделением на автостраду, уничтожил еще один пулемет. За этот бой он был награжден орденом Славы III степени.

Преодолев автостраду, бригада продолжала наступать на север. Следовавший с нами генерал Е. Е. Белов сказал мне полушутя-полусерьезно: "Что-то, товарищ Зайцев, в вашей бригаде очень вольно обращаются с командиром корпуса". На это я ему ответил: "Наши воины хотят с Вами, командиром корпуса, закончить войну. Для них нет большего позора, чем если бы что-либо с Вами случилось в расположении нашей бригады".

После преодоления автострады бригада ворвалась в Заармунд, небольшой населенный пункт городского типа, лежащий на перекрестке шоссейных дорог. Третий танковый батальон во взаимодействии с батальоном автоматчиков подавил сопротивление фольксштурмовцев. Овладев Заармундом, мы прорвали Берлинский внешний оборонительный рубеж.

В бою за Заармунд отличился командир взвода автоматчиков молодой лейтенант Столович, по возрасту годившийся в сыновья некоторым своим подчиненным. Он храбро вел бой, стремясь не отстать от танков.

Продолжая наступление, бригада с ходу ворвалась в Бергхольц-Ребрюкке, последний населенный пункт перед городом Потсдам. Этот населенный пункт напоминал город-сад. Здесь размещались загородные виллы берлинской и потсдамской руководящей элиты и крупной буржуазии. Захваченные пленные показали, что по приказу Геббельса, назначенного Гитлером имперским комиссаром Берлина, вооружено все население от подростков до пенсионеров для ведения партизанской борьбы с советскими воинами. Задержанные имели при себе пистолеты типа "вальтер", и это не на шутку встревожило меня. Ночь темная, а танки почти не имеют пехотного прикрытия. Перестрелять ночью экипажи танков - трудностей особых не составляло.

Я приказал вызвать к себе бургомистра и предъявил ему ультиматум: "Всему гражданскому населению сдать в течение одного часа оружие". Ультиматум возымел действие. Первыми сдали пистолеты бургомистр, его зять (видимо, сбежавший и переодевшийся офицер армии), дочь, а через сорок минут перед нашими разведчиками лежала гора пистолетов. Ни одного выстрела не прозвучало.

Уже была видна окраина Потсдама - древней резиденции прусских королей. Прежде чем идти на штурм города, предстояло

установить, какие части удерживают его, какова способность обороны противника. Разведка, вернувшаяся из Потсдама, доложила, что его обороняют школа снайперов, боевая группа майора Шульца, команды фольксштурма, вооруженные фаустпатронами. Улицы и дороги, ведущие к Потсдаму, а также мосты через реку Хафель - заминированы. В ряде опорных пунктов вкопаны танки, оборудованы огневые позиции артиллерии. Часть города разрушена в результате налета авиации наших союзников. Откапывать останки людей, погибших под развалинами домов, некому. Запах разлагавшихся трупов отравлял воздух.

Мы выработали план боя и обсудили его на совещании штабных офицеров и комбатов. Решили из имевшихся в нашем распоряжении 120 автоматчиков, 30 танков и 14 самоходных артиллерийских установок создать ударные огневые группы, в каждую из которых включили по взводу танков, взводу автоматчиков, по три четыре самоходки. Определили маршруты движения этих групп. Наступление начали вечером 23 апреля. Каждая группа двигалась по одной стороне улицы, а огонь вела по зданиям, расположенным по другой стороне. Угловые здания обрабатывались огнем по этажам. Действуя таким образом, 24 апреля бригада почти без потерь овладела южной окраиной Потсдама и вышла к реке Хафель. Мы вклинились в группировку противника, оборонявшую южный район Потсдама, и разрезали ее на две части. В дальнейшем не составило труда разгромить разрозненные подразделения врага.

Прибывший к нам 25 апреля командарм гвардии генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко, ознакомившись с обстановкой, рекомендовал широким фронтом вести разведку и найти возможность для форсирования реки Хафель.

Однако наши попытки форсировать Хафель в центре города оказались тщетными, так как в этом месте река имела отвесные, обложенные гладким камнем берега и представляла собой труднопреодолимое препятствие для всех родов войск, а для танков тем более. Положение усугублялось тем, что мосты через Хафель противник взорвал, а подступы к ним находились под мощным огнем его артиллерии.

Решение поставленной задачи удалось найти в другом месте, где река Хафель сливалась с большим озером, примыкавшим к юго-западной части Потсдама. Возможность форсирования этого озера оказалась реальной, поскольку бригада получила на усиление десантный инженерный батальон, укомплектованный большими автомобилями-амфибиями. На этих амфибиях батальон автоматчиков форсировал озеро у населенного пункта

Капут, захватил на его северном берегу небольшой плацдарм и соединился с одной из частей 1-го Белорусского фронта. Таким образом, еще в одном месте замкнулось кольцо окружения берлинской группировки противника. Первоначально 25 апреля с 328-й стрелковой дивизией 1-го Белорусского фронта соединилась 35-я гвардейская бригада 6-го гвардейского мехкорпуса 4-й гвардейской танковой армии.

К этому времени батальон автоматчиков заметно поредел. Потери, которые он понес в ходе наступления, особенно при прорыве внешнего оборонительного рубежа Берлина, отразились на его боеспособности, на что обратил внимание генерал Лелюшенко. Узнав от меня о том, что многие из освобожденных бригадой военнопленных и советских граждан, угнанных в Германию для работы на заводах, просят принять их в ряды Красной Армии, командарм приказал доброжелательно рассмотреть эти просьбы. Он разрешил нам, не откладывая дела в долгий ящик, зачислить добровольцев из числа бывших военнопленных и наших соотечественников, работавших по принуждению на немецких заводах, в батальон автоматчиков. По моему заданию начальник штаба Беклемешев и мой заместитель по политчасти Скоп в течение трех дней провели работу по доукомплектованию батальона автоматчиков. Боеспособность батальона автоматчиков восстановили. В последующих боевых действиях его молодые воины оправдали оказанное доверие.

После отъезда командарма в бригаду прибыл начальник политотдела 4-й гвардейской танковой армии полковник И. Г. Кладовой. В ходе нашей беседы мне доложили, что в штаб явился какой-то человек, выдающий себя за офицера Красной Армии, и просит его срочно принять. Я сказал, чтобы его пропустили к нам. Вошел мужчина лет тридцати, одетый в аккуратный темный костюм, четко, по-военному представился: "Главный инженер танкоремонтного завода в поселке Новавес, в Бабельсберге, советский офицер Демченко". На вопрос полковника И. Г. Кладового, имеет ли Демченко документы, удостоверяющие его личность, тот ответил, что такими документами не располагает, но просит выслушать его просьбу, с которой обращается по поручению действующей на заводе подпольной антифашистской организации.

После этого Демченко заявил: "Есть возможность захватить завод на ходу. Работают на нем советские люди, в основном военнопленные и гражданские лица, угнанные из Советского Союза в Германию. Из их числа тайно сформирован батальон, но у него нет оружия. Прошу выделить три танка, и завод будет в наших руках".

Мы с Кладовым переглянулись и задумались над тем, стоит ли принимать это необычайное предложение, сопряженное с немалым риском. Наконец полковник Кладовой сказал:

- Верить вам на слово мы не можем и поэтому танки не дадим до проверки достоверности вашей информации. Мы пошлем с вами разведчиков, разумеется, в гражданской одежде. Когда они доложат о правильности ваших слов, примем решение о посылке танков для захвата завода. Если же разведчики заметят провокацию с вашей стороны, вы будете уничтожены.

Демченко согласился с этим решением. С ним ушла группа из четырех разведчиков, возглавляемая моим ординарцем Александром Лобачевым. Как впоследствии он рассказал, в сумерках группа благополучно переправилась через канал и проникла в поселок Новавес. На заводе наши разведчики встретились со своими соотечественниками, которые, предчувствуя близкое освобождение из неволи, схватили своих охранников и посадили их в бункера. Убедившись, что все готово к захвату завода, разведчики, пройдя по разминированному перед этим мосту, вернулись в расположение бригады. С ними пришли несколько рабочих завода (Зеленый, Гук, Паршин и другие), впоследствии они остались в нашем взводе разведки. Привели они с собой и жену Демченко, киевлянку.

Когда разведчики доложили обстановку на заводе, туда направился танковый взвод с одним из вернувшихся разведчиков. Завод захватили быстро, как и планировал главный инженер Демченко, о чем донес мне по радио командир танкового взвода, оставшийся там для охраны завода.

Я доложил комкору генералу Е. Е. Белову о том, что мы овладели танкоремонтным заводом в Бабельсберге, на котором захватили 20 танков "пантера", более 200 танковых двигателей и 50 бронекорпусов. Решил выделить для его охраны один танковый батальон. Он ответил, что одного танкового батальона недостаточно для этого города, поэтому посылает туда 63-ю танковую бригаду, с приходом которой мы должны отвести свои танки.

По выполнении этой задачи Демченко, оказавшийся разведчиком, прибыл в расположение нашей бригады. Вскоре из штаба армии прилетел генерал, поговорил с разведчиком, и оба тут же улетели. Жена Демченко на некоторое время осталась в нашем медсанбате, где помогала ухаживать за ранеными. Позже она уехала к родителям в Киев.

28 апреля бригада получила новую боевую задачу - к исходу дня прибыть в район города Беелитц, расположенного в 20-25 километрах юго-западнее Потсдама, для оказания помощи 5-му

гвардейскому механизированному корпусу в уничтожении отдельных групп 9-й немецкой армии, пытавшихся прорваться на запад из окружения, на соединение с немецкой 12-й армией Венка. До этого 5-й мехкорпус при поддержке 1-го штурмового авиакорпуса в течение нескольких дней успешно отбивал атаки соединений армии Венка, стремившихся ударом с запада деблокировать Берлин.

Прибыв в район Беелитца, мы заняли позиции силами двух танковых батальонов на западной окраине города и одну танковую роту поставили в засаду в населенных пунктах Кетниц и Рибен. 29 и 30 апреля бригада активных боевых действий не вела. 30 апреля мы получили предупреждение, что следует в ближайшие часы ожидать выхода на Беелитц отдельных частей 9-й армии немцев. Рано утром 1 мая разведка доложила о том, что значительные силы противника приближаются к городу с востока. Поднявшись на наблюдательный пункт, расположенный на крыше трехэтажного дома, я увидел густые колонны противника, двигавшиеся в направлении нашей обороны. В бой вступило находившееся в засаде наше боевое охранение. Тяжелый танк ИС-2 сжег три "тигра".

Я приказал открыть огонь осколочными снарядами из танковых пушек по колоннам противника. С этого времени резкие, громкие выстрелы танковых пушек, глуховатые длинные очереди танковых пулеметов, трескотня автоматов всех систем и винтовочных выстрелов ни на минуту не умолкали почти весь день. Разгоревшийся бой стал для нас самым трудным на исходе войны.

Первые атаки мы отразили с большими потерями для противника. Я надеялся, что немцы выбросят белый флаг и начнут сдаваться в плен, ибо идти по открытой местности на огонь танковых пушек и пулеметов - просто безумие. После небольшой передышки густые цепи противника вновь атаковали восточную часть города Беелитц. Не считаясь с потерями, немцы упорно лезли на стену огня. Ведь Беелитц оставался последним препятствием на пути их выхода из окружения и соединения с 12-й армией Венка. Очевидно, это им и придавало решимость любой ценой раздавить защитников города. В этом порыве, как справедливо указывал в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза И. С. Конев, "бессмысленность жертв сочеталась с мужеством отчаяния и мрачной решимостью обреченных на гибель"{8}.

К 12 часам дня группы противника просочились в стыке между батальонами в южную часть города. Резервов у меня к этому времени уже не имелось. Все, что было задействовано, вело

бой не на жизнь, а на смерть. Гитлеровцы несли огромные потери, но имели немалые резервы, они снова и снова шли в атаку. Гвардейцам-танкистам становилось все труднее сдерживать натиск врага.

Комбат В. Марков с одним танком П. Чернышкова и двенадцатью автоматчиками отбивался от фашистов на кладбище. Наши бойцы стреляли в немцев в упор и отбивались гранатами, укрываясь за мраморными памятниками и могилами. Три наших танка фашисты подбили еще в начале боя. Стреляющий с командирского танка старший сержант Пименов, израсходовав весь боекомплект, бил из автомата, пока вражеская пуля не сразила гвардейца. Гусеницами давил гитлеровцев механик-водитель Доценко. Автоматчик Розенков вступил в бой с большой группой немецких солдат в тот момент, когда экипаж нашего танка устранял неисправности. Гитлеровцы пытались поближе подобраться к танку и расстрелять экипаж, но Розенков бросил две гранаты и уничтожил более десяти вражеских солдат, остальных он отогнал автоматными очередями.

Почувствовав, что у него не хватает сил, чтобы сдержать натиск противника, Марков прислал ко мне гвардии лейтенанта А. И. Кузнецова с просьбой оказать помощь. Но выделить ему я уже ничего не мог. Для моральной поддержки направил к нему моего заместителя В. Н. Никонова, обладавшего удивительным хладнокровием и умением находить выход, казалось бы, из безнадежного положения. И действительно, Василий Николаевич помог Маркову его же силами отстоять свои позиции. Когда Никонов вернулся от Маркова и доложил, что на его участке все в порядке, я обратил внимание, что околыш его фуражки прострелен в двух местах.

К этому времени почти все экипажи израсходовали снаряды и вынуждены были отвести свои танки за боевые порядки пехоты для получения боеприпасов. Но их не оказалось, боеприпасы находились в тылах бригады в районе Потсдама, а путь туда лежал через боевые порядки противника. В этот критический момент за оружие взялись все: писари, шоферы, повара, офицеры штаба, легкораненые. Вооружившись трофейным оружием, встали в строй недавно освобожденные из лагерей.

Отважно действовал писарь штаба 2-го танкового батальона гвардии сержант Кучинский. Он возглавлял группу солдат тыловой службы, которая, стойко удерживая занимаемую позицию, уничтожила 60 солдат и офицеров противника и 120 взяла в плен. Когда к ним вплотную подошел немецкий танк "пантера", Кучинский подполз к нему, бросил гранату в открытый люк и, убедившись в том, что экипаж уничтожен, вскочил в танк,

повернул его башню в сторону противника и пулеметным огнем отразил очередную атаку. С не меньшей отвагой сражались писарь штаба бригады Н. Ширшов, старший писарь И. Тимофеев и многие другие.

По наседавшему на нас противнику я приказал открыть огонь из двух крупнокалиберных зенитных пулеметов. При доведении этого приказа до командира зенитно-пулеметной роты тот был убит, и мне пришлось лично ставить боевую задачу каждому пулеметному расчету. Пулеметчики уничтожили не один десяток гитлеровцев.

Когда бой достиг своего апогея, подоспела подмога. Прорвавшийся на танке в тылы бригады заместитель командира 3-го танкового батальона по политчасти гвардии капитан Афанасий Сила возвратился с пятью танками и автомашинами с боеприпасами, которые вел ему навстречу заместитель командира бригады по технической части гвардии подполковник Е. Н. Ширяев. Подошедшие танки вступили в бой. Ожили и заправленные боеприпасами танки, находившиеся в Беелитце. Группы вражеских солдат и офицеров, просочившиеся в южную часть города, были уничтожены. Убедившись в безрезультатности попыток прорваться на запад, немцы начали сдаваться в плен. Я объехал поле боя. Оно было усеяно трупами и напоминало известную картину Васнецова "Куликово поле" - только трупы были не в шлемах и кольчугах, а в пилотках и шинелях мышиного цвета. Да, дорого заплатили немцы за свои отчаянные попытки выйти из окружения.

Наш первомайский подарок Родине оказался внушительным: подбито и уничтожено пять танков, пять бронетранспортеров, 34 автомашины, три миномета, три орудия, убито около 1800 и взято в плен более 1000 солдат и офицеров.

2 мая на главной площади Беелитца наши танкисты хоронили павших в бою своих товарищей. Залпами из орудий и автоматов мы отсалютовали погибшим однополчанам, поклялись над братской могилой отомстить за них врагу, помнить о славных героях, честно выполнивших свой долг перед Родиной, перед своим народом.

После тяжелого боя бригада приводила себя в порядок, тылы из Потсдама были перемещены в Беелитц, ремонтировались подбитые и неисправные танки, пополнялись до нормы боеприпасы и горючее. По-ударному поработали наши ремонтники под руководством командира роты техобеспечения гвардии капитана Н. П. Павлова, который за время безупречной службы в бригаде удостоен пяти орденов.

Большую, поистине бесценную работу выполнили техники по

ремонту боевых машин К. П. Веденягин, С. М. Волков, оружейник старший сержант Савельев, другие воины роты технического обеспечения. Только за три дня, прошедшие после завершения боев в Беелитце, они восстановили девять поврежденных танков, причем все сделали очень надежно, не хуже, чем в заводских условиях. И это было особенно важно потому, что мы не могли рассчитывать на получение новых боевых машин, а впереди нас ждали новые бои.

Отлично показала себя в последнем бою и вообще в Берлинской операции медицинская служба бригады. Бригадный врач И. М. Матешвили докладывал мне, что с 17 по 30 апреля к ним поступило 256 раненых, из которых 20 после излечения возвращены в строй. Как и весь личный состав бригады, медперсонал понес потери. В течение Берлинской операции погибли семь медицинских работников, в том числе младшие лейтенанты медицинской службы Е. Н. Мохначена, В. И. Селиванов и врач батальона автоматчиков Андрикевич.

В ходе Берлинской операции бригада с боями прошла 270 километров, захватила четыре города и 47 различных населенных пунктов. Ею уничтожено 26 танков и бронетранспортеров, 30 орудий, 70 самолетов, 250 автомашин, 18 пулеметов и минометов. Захвачено 62 самолета, 20 танков, 40 автомашин и много различных складов с военным имуществом. Уничтожено более 3000 солдат и офицеров, взято в плен более 1100 человек, освобождено из фашистского плена около 10 тысяч советских людей.

За боевые отличия десятки воинов бригады удостоены правительственных наград, а гвардии капитану Владимиру Александровичу Маркову присвоено звание Героя Советского Союза.

За успешные действия в Берлинской операции бригада награждена орденом Ленина. Это был пятый орден на ее боевом гвардейском знамени. Теперь она стала именоваться 61-й гвардейской Свердловско-Львовской ордена Ленина, Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого II степени танковой бригадой.

На помощь восставшей Праге

Победоносное завершение Берлинской операции означало, что фашистская Германия потерпела крах. Но отдельные группировки немецко-фашистских войск продолжали оказывать упорное сопротивление Красной Армии.

Наследники Гитлера еще на что-то надеялись, они делали ставку на группу армий "Центр" генерал-фельдмаршала Шернера, насчитывавшую до пятидесяти полнокровных дивизий и шесть

боевых групп, сформированных из бывших дивизий. Группа армий "Центр" удерживала западную часть Чехословакии, в том числе Прагу. Разгром этой вражеской группировки становился важной и неотложной задачей Советских Вооруженных Сил.

61-я гвардейская танковая бригада до 4 мая находилась в Беелитце, где принимала пополнение в батальон автоматчиков, восстанавливала технику, доводила до необходимой потребности запасы горючего, боеприпасов и продовольствия. В боевом строю решили оставить два танковых батальона - по 16 танков в каждом.

Первый танковый батальон вывели за штат, его управление, танковые экипажи, не имеющие боевых машин, тыловые подразделения оставались в резерве. Вторым и третьим танковыми батальонами по-прежнему командовали гвардии капитаны Моськин и Марков.

Батальон автоматчиков, имея в своем составе три роты, насчитывал 120 человек.

Назначенный в ходе Берлинской операции командир батальона автоматчиков гвардии капитан Д. Ф. Токаренко проводил с пополнением интенсивные занятия. В партийно-политической работе основное внимание обращалось на разъяснение задач Пражской операции, освободительной миссии Красной Армии.

В ночь на 5 мая бригада выступила из Беелитца в район Ошац-Риза и сосредоточилась утром в деревне Гануш. После 200-километрового марша танки требовали технического обслуживания, особенно чистки воздухоочистителей. Только развернулись эти работы, как мы получили боевой приказ, согласно которому на следующий день бригаде следовало во взаимодействии с частями 13-й армии прорвать оборону противника на участке Реппен-Риза и, развивая наступление в направлении Мохорн, к исходу дня овладеть им, в дальнейшем наступать в направлении Диппольдисвальде, войти в связь с частями 3-й гвардейской танковой армии, действовавшей западнее Дрездена. Пришлось форсировать техническое обслуживание танков, чтобы вовремя завершить его.

В полдень 6 мая, после короткого, но мощного огневого налета артиллерии 13-й армии по опорным пунктам противника, бригада приступила к выполнению боевой задачи. Атака наших танков ошеломила противника.

Головным шел батальон гвардии капитана В. Маркова. Он развернул в боевой порядок только одну роту, а остальные танки следовали в колонне за ней. Противник пытался оказывать сопротивление, но танкисты, действуя через незанятые

промежутки в обороне, выходили в тыл оборонявшихся фашистов и вынуждали их поспешно отступать.

В течение 6 мая бригада продолжала наступление и к исходу дня достигла района в пяти километрах восточнее Штарбах. В течение ночи мы подтянули свои тылы, лучше разобрались в обстановке и в полученной задаче. Бригада действовала по левому маршруту корпуса, самостоятельно обеспечивая его главные силы от фланговых ударов противника слева. Левее нас должна была действовать 3-я гвардейская танковая армия, но она пошла по маршруту нашей 4-й гвардейской танковой армии, как бы составляя ее второй эшелон.

Таким образом, наша бригада оставалась лицом к лицу с дрезденской группировкой немцев и войсками противника, находящимися южнее. Эти войска стремились выйти из окружения в зону союзников и там сдаваться в плен, а нам они оказывали ожесточенное сопротивление. Они шли по дорогам с востока на запад, а нам приходилось пересекать эти дороги с боями, уничтожая противника. Когда же мы уходили вперед, немцы вновь устремлялись по дорогам, пересекающим маршрут движения наших войск.

Несколько раз нас бомбила немецкая авиация, на танки умело выходили из-под ее ударов, в то время как колесным машинам не удалось избежать потерь. Здесь мы столкнулись со случаями враждебных действий местных жителей или, возможно, переодетых в гражданское платье немецких солдат, которые, пуская ракеты, наводили вражеских летчиков на нашу колонну.

Наши танкисты по собственной инициативе повысили темп наступления после того, как танковые радиостанции приняли Обращение восставших жителей Праги. В Обращении говорилось: "Прага истекает кровью. У нас нет боеприпасов. Фашисты уничтожают людей и город. Русские братья, помогите Праге!" Этот текст передавался непрерывно, и он действовал на экипажи танков лучше, чем любые приказы. Танкисты, не зная отдыха, шли на повышенных скоростях через Рудные горы на помощь Праге.

Дорога, по которой мы двигались, становилась все труднее и труднее, начали появляться крутые подъемы, спуски, нависающие скалы, все это усложняло наш маневр. В тех местах, где не имелось обходов, противник, как правило, делал завалы.

Встретив упорное сопротивление крупных сил противника в районе Диппольдисвальде, мы вынуждены были повернуть бригаду на маршрут главных сил корпуса и вскоре убедились, что по этому маршруту идет и наша 4-я, и 3-я гвардейские танковые армии. Я доложил командиру корпуса, почему бригада оказалась

здесь. Он согласился с моим решением, но потребовал, как только мы пройдем Теплице-Шанов, вывести бригаду вновь на свой маршрут. Мы шли за головной 63-й гвардейской танковой бригадой нашего корпуса, которая пробивала путь через горы для всех частей 4-й и 3-й гвардейских танковых армий.

В горах один танк сорвался с крутого склона и, кувыркаясь через башню, полетел вниз. С замиранием сердца я подумал, что экипаж погиб. И каково же было удивление всех, когда этот танк, достигнув котлована, встал на гусеницы и из его люков вылезли все члены экипажа. Они стали осматривать танк, а потом помахали нам руками. Я облегченно вздохнул и дал указание Е. Н. Ширяеву достать этот танк и догонять бригаду. Танкисты спаслись благодаря своей предусмотрительности - снаряды в боеукладке они заранее закрепили, и беды не случилось.

Утром 8 мая 1945 года мы вступили на территорию Чехословакии, и, как только достигли Теплице, бригада вновь вышла на свой левый маршрут, обеспечивая безопасность движения главных сил корпуса. Он проходил по проселочным и грунтовым дорогам, и, надо сказать, здесь мы не раз сталкивались с отдельными частями противника. Борьба с ними значительно облегчалась благодаря активной помощи чешского населения. Не обошлось и без трагикомического случая. В одном из населенных пунктов после короткого боя мне доложили, что захвачен в плен генерал. Когда привели этого "генерала", то им оказался чешский жандарм в своей парадной форме, которую он надел по случаю долгожданного прихода войск Красной Армии. Мне пришлось извиниться перед ним за своих разведчиков, и мы расстались друзьями.

Вскоре кончилось топливо. Корпус ничем не мог помочь. К счастью, танкисты, обследовав тепловую электростанцию, установили, что двигатель работал на каком-то дизельном топливе, заправили один танк, завели двигатель, и он стал работать. Я дал указание заправить этим топливом все танки. В это время замполит И. И. Скоп встретился с двумя чехами, которые стали с большой настойчивостью приглашать зайти к ним, чтобы немного отдохнуть, пока идет заправка танков. После некоторого колебания я согласился. Но как только мы со Скопом, а также с моим ординарцем Лобачевым и водителем Поплавским, подъехав к дому, зашли в него, я вдруг увидел в окно следовавшую в направлении наших заправляющихся танков большую грузовую машину, набитую немецкими солдатами. За ней тянулись еще несколько машин. Выскакивать из дома и садиться в "виллис" было бессмысленно, так как мы могли стать добычей врага. Чехов как ветром сдуло. Надо было быстро

предупредить наших танкистов о том, что противник рядом. Даю команду Лобачеву: "Бегом по огородам, предупреди бригаду. За мной пришли танк гвардии лейтенанта Савича". Успеет ли Лобачев? Колонна медленно двигалась к электростанции. Немцы спокойно сидели в машинах, вели себя беспечно. Наконец я услышал пушечный выстрел по колонне, немцы выскочили из машин и побежали врассыпную. Раздался лязг гусениц, это пришел танк Савича. Мы возвратились к колонне бригады, заправка была закончена, и бригада вновь начала движение по маршруту.

В течение 8 мая бригада при пересечении дорог, идущих с востока на запад, сталкивалась с крупными силами противника, стремящимися уйти в американскую зону и там сдаться в плен. В основном это были колонны колесных машин, заполненных до отказа солдатами и офицерами. В эти колонны были вкраплены подразделения танков, штурмовых орудий, бронетранспортеров. Немцы оказывали слабое сопротивление, да, собственно говоря, они и не были готовы к бою, двигались беспорядочной массой, без разведки и охранения. Складывалось впечатление, что управление войсками у противника уже нарушено. Как потом нам стало известно, этому было свое объяснение.

Под утро 8 мая 10-я гвардейская бригада 51-го гвардейского мехкорпуса, которой командовал гвардии полковник В. Н. Буслаев, внезапно ворвалась в Жатец, с ходу атаковала противника и разгромила его наголову. Удар пришелся по штабу группы армии "Центр", который пытался бежать через Жатец в зону американских войск. При разгроме штаба Шернера взято в плен много офицеров и девять генералов. Вот как рассказывал об этом сам Шернер: "В ночь с 7 на 8 мая мой штаб находился в переброске и утром 8 мая при танковом прорыве русских был полностью уничтожен. С этого времени я потерял управление отходящими войсками"{9}. Сам Шернер с помощью своего адъютанта, владевшего чешским языком, переоделся в штатское и бежал к американцам.

Головной батальон гвардии капитана Маркова, продвигаясь вперед, не встречал организованного сопротивления. Отдельные схватки с противником были скоротечными. Каждый наш удар по вражеским разрозненным группам был для них неожиданным, и поэтому в большинстве случаев их танки и орудия, не успев открыть огня, оказывались пораженными огнем наших танков. Подтверждением сказанному может служить и то, что бригада с выходом на территорию Чехословакии не имела потерь в танках. Продвижение бригады к Праге оказалось, однако, более медленным, чем главных сил корпуса, двигавшихся шоссейной

дорогой по маршруту Теплице-Шанов, Лоуны, Слани, Прага. Бригада, встречая на своем пути различной силы колонны противника и вступая с ним в бой, теряла на это время. К тому же двигалась она преимущественно целиной и только у города Слани вышла на дорогу с каменным покрытием.

В ночь на 9 мая по радио поступило сообщение о подписании в Берлине акта о безоговорочной капитуляции немецких вооруженных сил. Весь личный состав охватили радость и ликование - наконец пришла желанная Победа!

Но обязательство немецкого командования прекратить сопротивление не внесло существенных изменений в поведение противника, с которым мы имели дело. Хотя немецкие части перестали вести активные боевые действия, они не собирались сдаваться в плен. В этом мы скоро убедились.

Где-то перед Прагой ранним утром 9 мая головной батальон Маркова ушел вперед. Мы с замполитом И. И. Скопом двигались по его же маршруту, и я задремал. Проснулся от резкого торможения машины, даже головой ударился в ветровое стекло. Наш "виллис" уперся в немецкий бронетранспортер, стоявший поперек дороги. Справа густые колонны пехоты противника втягивались в лес. Слева, в отдалении, где стояли три танка "пантера", несколько бронетранспортеров, выходила из леса большая колонна противника.

Я понял, что эта колонна пропустила наш головной батальон и теперь спешно преодолевает дорогу, по которой мы двигались. Мы не показывали виду, что испугались, хотя на нас были направлены автоматы с бронетранспортера. Я сказал И. И. Скопу: "Пусть солдаты позовут ко мне их командира", а ординарцу Лобачеву приказал сбегать в двигавшийся за нами в некотором отдалении танковый батальон Моськина и передать ему, чтобы при подходе к нашему "виллису" он развернул танки в боевой порядок, а автоматчиков спешно направил ко мне.

Вскоре к нам подошел немецкий капитан. Я ему сказал: "Немецкая армия капитулировала. Имеется приказ - всем частям сдаваться в плен". Капитан держался самоуверенно, видя наше пиковое положение, саркастически улыбался и, недолго думая, заявил, что его солдаты сдаваться не собираются. Весь этот разговор я сознательно вел в замедленном темпе, и Скоп, владевший немецким языком, тоже не спешил с переводом.

В это время раздался гул моторов идущих к нам танков, они внезапно появились перед немцами и развернулись в боевой порядок, навели на них орудия. Капитан побледнел и сказал, что не он здесь начальник, а "оберет". Я приказал ему вызвать этого "оберста" ко мне. Вскоре появился немолодой, но подтянутый

полковник и сдержанно представился. Я спросил у него: "Сколько потребуется времени, чтобы ваши подчиненные сдали оружие, построились и были готовы следовать за нами под белым флагом?" Он попросил на это два часа. Я ответил: "Нет! Надо сделать все это за 40 минут".

Отдал распоряжение, куда складывать оружие, где строить людей, и разрешил оставить одну легковую машину для немецкого полковника. Танки и бронетранспортеры были сожжены. Немецкий полковник точно выполнил мое распоряжение в течение 40 минут, а у меня возникли затруднения. Кого выделить в состав конвоя? И тут нас выручили чехи. Они появились тогда, когда немцы разоружались, и обратились ко мне с просьбой передать им это оружие. Я отдал оружие чехам с удовольствием, а с конвоем сначала вышла неувязка. "Оберет" обратился ко мне с протестом: " Я сдался в плен Красной Армии, но не чехам". На это я ему ответил, что чехи наши союзники и я им поручаю конвоировать военнопленных.

Пока мы под дулами танковых пушек танкового батальона гвардии капитана Моськина разоружали немцев, в нескольких километрах впереди нас такую же операцию выполнял и танковый батальон гвардии капитана Маркова.

В целом в двух местах мы отобрали у немцев более 700 автомашин разного предназначения, и наш корпус много раз пользовался этим резервным автопарком для пополнения своего транспорта.

После этого инцидента больше мы не встречали противника до самой Праги, в которую прибыли в десять часов утра 9 мая 1945 года. 63-я гвардейская танковая бригада, вступившая с боем в Прагу ранним утром, уже в течение 6 часов контролировала районы города, в которых разместились ее подразделения.

Прибыл на командный пункт командира корпуса генерала Е. Е. Белова, которого к этому времени назначили комендантом советского военного гарнизона Праги, доложил ему о том, что бригада полностью выполнила поставленную перед ней боевую задачу - прикрыла с левого фланга беспрепятственное продвижение главных сил корпуса на Прагу. Комкор был в хорошем настроении, и это вполне понятно - ведь танки нашего корпуса первыми ворвались в Прагу с северо-запада; совершив в ночь на 9 мая неимоверный по темпам восьмидесятикилометровый бросок. Действия корпуса получили высокую оценку командования 1-го Украинского фронта. Красавицу злату Прагу удалось спасти от уничтожения.

Я получил от генерала Е. Е. Белова указание организованно и торжественно войти бригаде в Прагу, проследовать в

назначенный район и взять под охрану мосты через реку Влтаву.

Пока я был на командном пункте корпуса, личный состав привел себя в порядок, так как все хотели своей гвардейской выправкой порадовать жителей Праги.

Порядок движения назначался такой: впереди на "виллисе" я и замполит гвардии подполковник И. И. Скоп, за ним командирский танк гвардии лейтенанта Савича с знаменным взводом под развернутым гвардейским боевым знаменем, далее танковые батальоны гвардии капитанов В. Маркова и Н. Моськина с десантниками мотострелкового батальона и замыкающий колонну приданный бригаде полк самоходных установок подполковника Мусатова.

С воодушевлением встречали нас жители Праги. В коллективное скандирование "Наздар" они вкладывали горячие чувства благодарности Красной Армии за освобождение от фашистской оккупации.

Улицы в городе еще были перегорожены баррикадами, воздвигнутыми участниками пражского восстания. Когда мы проходили мимо очередной баррикады, ее в это время разбирали какие-то мужчины и женщины. При нашем приближении их положили на землю лицом вниз, образуя узкий проход для танков. Я спросил у ближайшего чеха: "Что это значит?" Он ответил: "Это немцы разбирают баррикады. На вас, победителей, они смотреть недостойны. Поэтому пусть своим носом упираются в землю".

Механики-водители провели свои танки, не задев ни одного лежащего немца у разбираемой баррикады.

Выйдя в назначенный район, мы взяли четыре моста через Влтаву под охрану и установили связь с чешским повстанческим отрядом. Ко мне пришел стройный, выше среднего роста мужчина лет шестидесяти и представился: "Начальник штаба местного отряда партизан штабс-капитан русской службы майор чехословацской службы Марков". Он не смог точно сказать, сколько в его отряде людей, да это, видно, уже было не важно. Ведь противника в городе почти не было. Правда, еще раздавались кое-где одиночные выстрелы с чердаков и верхних этажей, но нацистских диверсантов быстро вылавливали местные жители и просто сбрасывали их с верхних этажей на мостовую.

10 мая поступило распоряжение выделить один танковый батальон на юго-восточную окраину Праги. Выбор пал на батальон гвардии капитана Маркова.

11 мая бригада боевых действий не вела, в занимаемом и контролируемом районе оставалось спокойно. Как и во всей Праге жители этого района относились к нам исключительно

сердечно и внимательно. Они разместили в своих домах и квартирах наших раненых танкистов и автоматчиков, ухаживали за ними.

12 мая мы получили приказ выйти из Праги и разместиться в ее пригороде Новоазуве. На этом закончилось участие бригады в Пражской операции, которую с таким блеском провели войска 4-й гвардейской танковой армии, всего 1-го Украинского фронта.

За героизм, проявленный при освобождении Праги, Верховный Главнокомандующий объявил благодарность личному составу корпуса, следовательно, и нашей бригаде. Мы от души радовались тому, что наш командир корпуса генерал-лейтенант танковых войск Е. Е. Белов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Мои славные однополчане, павшие и живые, это истинные народные герои. Сражаться вместе с ними в едином боевом строю против ненавистных фашистов было для меня большой честью. Я испытываю чувство величайшей благодарности к воинам бригады за их верное служение Родине, их вклад в достижение победы. С огромной силой это чувство охватило все мое существо, когда я в качестве командира сводной роты танкистов 4-й гвардейской танковой армии на незабываемом Параде Победы 24 июня 1945 года проходил по Красной площади мимо Мавзолея В. И. Ленина. Это чувство не покидало меня никогда во все послевоенные годы.

Пять с половиной тысяч орденов и медалей, украсивших грудь воинов бригады, только в малой степени характеризуют масштабы и величие совершенных ими подвигов. Многократно я имел возможность убедиться в том, что стойкость, отвага, выдержка, бесстрашие и самоотверженность были нормой поведения каждого воина в бою.

О подвигах уральских добровольцев рассказано уже немало в ряде книг и воспоминаний, но этот рассказ можно и нужно продолжить, ибо данная тема поистине неисчерпаема. Говоря о ратных делах 61-й гвардейской танковой бригады, хочу отметить, что на боевом счету 32-х снайперов танкового огня бригады две трети уничтоженных снайперами корпуса броневых средств противника. Каждый из самых метких 10-ти снайперов танкового огня бригады уничтожил от 20 до 32 вражеских танков, САУ и бронетранспортеров{10}. Таких выдающихся мастеров танкового огня имелось в корпусе еще два, и, следовательно, здесь нашей бригаде принадлежало бесспорное первенство, по огневой выучке танкистов она не имела себе равных в корпусе.

Можно сказать, состав командиров батальонов и рот подбирала сама война, выдвигая на эти должности самых храбрых, опытных и авторитетных офицеров, настоящих знатоков

военного дела, способных сплотить подчиненных в единый боевой коллектив, уверенно руководить им в самых сложных условиях. От сражения к сражению росло мастерство наших командиров, их умение разумно сочетать огонь, маневр и скорость при взламывании вражеской обороны и на всех последующих этапах наступления непрерывно вести надежную разведку, организовать четкое взаимодействие со стрелковыми и артиллерийскими частями. Заметно возросла также культура работы штаба бригады.

Весь офицерский состав бригады прошел за два года боевых действий отличную школу искусства руководства частями и подразделениями.

Весь боевой путь бригады с июля 1943 года по май 1945 года отмечен большими и малыми победами. Бригада освободила от гитлеровских захватчиков десятки городов и сотни населенных пунктов в Орловской и Брянской областях России, Правобережной и Западной Украины, Польши и Чехословакии, громила фашистов под Берлином и в Потсдаме.

Беспредельное мужество и храбрость воинов бригады, их высокая боевая выучка и умение побеждать превосходящего по силе противника отмечены высокими наградами Родины. На гвардейском знамени бригады сверкают ордена Ленина, Красного Знамени, Суворова II степени, Кутузова II степени, Богдана Хмельницкого II степени. В Советских Вооруженных Силах насчитывается всего двадцать соединений и частей, имеющих столько же или больше орденов на своих боевых знаменах. А ведь надо еще учесть, что бригада начала боевой путь только в середине третьего года Великой Отечественной войны и за сравнительно короткий срок покрыла свое боевое знамя неувядаемей славой.

Личный состав бригады с честью выполнил наказ своих земляков, сдержал клятву, данную в 1943 году рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции родного края - храбро сражался с врагом, умножал замечательные революционные и боевые традиции уральцев.

Примечания

{1}В дальнейшем будет сокращенно именоваться 30-й УДТК.

{2}Жуков Г. К. Воспоминания и размышления.- В 2-х т.- М.: Изд-во АПН, 1974.- Т. 2.- С. 234.

{3}Лелюшенко Д. Д. Москва - Сталинград - Берлин - Прага.- М.: Наука, 1975.-С. 314-315.

{4}Добровольцы Урала.- Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980.- С. 93.

{5}Конев И. С. Сорок пятый -М.: Воениздат, 1966.-С. 73.

{6}Конев И. С. Сорок пятый.-М.: Воениздат, 1966.-С. 84.

{7}Архив МО.-Ф. 323 -Оп. 4756.-Д. 173.-Л. 150-151.

{8}Конев И. С. Сорок пятый.- М.: Воениздат, 1966.- С. 202.

{9}ИМЛ при ЦК КПСС. Материалы и документы истории Великой Отечественной войны.- Инв. No 6076.- Л. 1.

{10}Архив МО.-Ф. 323 -Оп. 4756.-Д. 173.-Л. 174-189.